

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2010 – 1 (211)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2010**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Мальшева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *Д.Е. Фурман* – д-р ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2010. – № 1 (211). – 174 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Президент Д.А. Медведев: Видны ли признаки нового курса?	5
Владимир Пантин. Факторы дестабилизации современного мирового порядка и политические риски для России	11
Владимир Галицкий. Радикализация ислама на Юге России	23
Абаз Осмаев. Религиозный фактор в жизни Чеченской Республики	38
Игорь Добаев. Геополитические трансформации в Кавказском регионе в постсоветский период	42
Марина Михалёва. Каспий – зона соперничества или сотрудничества?	55
И.Федоровская. Современная политическая ситуация в Азербайджане	63
Сергей Маркедонов. Кавказские приоритеты внешней политики Казахстана	67
Н. Борисов. Формирование позитивного образа России в Киргизстане	74
Санобар Шерматова. Москва и Ташкент: Причины «особых» затруднений	87
Ирина Дубовицкая. Роль русского языка на территории Средней Азии: Взгляд из Таджикистана	92
Алексей Малашенко. Тупики интеграции в Центральной Азии	96
Рашид Абдулло. Интеграция Центральной Азии – кому это выгодно?	102
А. Лавров. Ислам и религиозно-политические организации в Афганистане	113
Эльдар Касаев. Топкое болото иракской коррупции	129
И. Фадеева. Турция: Противостояние исламизации и секуляризма	134

С. Серёгичев. Политический кризис в Судане: Текущая ситуация и сценарии развития	141
Павел Трунин, Марина Каменских, Маргарита Муфтяхетдинова. Исламская банковская система: Анализ масштабов ее распространения в России и за рубежом	147
Г. Прозорова. Россия и региональные организации Ближнего Востока и мусульманского мира	162

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!** ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

ПРЕЗИДЕНТ Д.А. МЕДВЕДЕВ: ВИДНЫ ЛИ ПРИЗНАКИ НОВОГО КУРСА?

Дмитрий Андреев, заместитель главного редактора журнала «Политический класс»:

– Хочу сказать о первом годе уникальной для нашей политической традиции системы соправительства. Несмотря на то что многие группировки элиты и аппаратно-чиновничьего сообщества откровенно хотят раскола тандема и превращения президента в самостоятельную и – главное – единственную властную фигуру, такого пока не произошло. Противостояния президента и премьера не видно. Более того, по прошествии года после занятия Медведевым и Путиным их нынешних должностей можно говорить даже о складывании некоего стиля соправительства, своеобразного разделения обязанностей на политической кухне – один готовит, а другой моет посуду. Между тем было бы наивно объяснять подобную устойчивость тандема безупречностью личных взаимоотношений его членов. Все проще: то, что Дмитрий Анатольевич до сих пор не поссорился с Владимиром Владимировичем, не их заслуга, а результат кризиса, который, как всегда, застал нашу власть врасплох. Когда штормит, не время сводить счеты и выяснять, кто главный. Нужно, как минимум, переждать непогоду.

Однако партия раскола (назовем так тех, которые хотят либо освобождения президента от опеки старшего товарища, либо – таких меньшинство – прекращения комедии и возвращения настоящего хозяина из Белого дома в Кремль) ведет себя обратным образом. Для этой партии кризис – самое благоприятное время. Она рассчитывает развалить тандем именно в ситуации нестабильности – ей кажется, что сейчас это легче, чем в благополучное время.

То есть налицо парадоксальная ситуация: верхи не хотят ссориться из-за кризиса, а те, кто под ними, убеждены, что сейчас самое время для выяснения отношений. Верхи руководствуются трезвым расчетом. Они, как знаменитый пушкинский герой, «не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее». (Хотя можно предположить, что без этого заветного «излишнего» «необходимое» может со временем окончательно утратить для них хотя бы какую-то ценность.) Те же, кто под ними, напротив, охвачены азартом борьбы: им нечего терять, «излишнее» для них — это и есть самое «необходимое». Именно потому, что тандем обороняется, а партия раскола наступает, именно потому, что тандем выжидает, а партии раскола не терпится, именно потому, что и тандем, и партия раскола одолеваемы одними и теми же страстями, хотя и в разной (или, точнее, несовпадающей) модальности, — именно поэтому рано или поздно победит партия раскола. Вот главный итог первого этапа. Поэтому неважно, согласовывал ли президент то или иное кадровое решение с премьером. Неважно, на что или на кого он намекал в своем послании, говоря о чрезмерной бюрократизированности исполнительной власти. Неважно, почему Медведев решил дать интервью «Новой газете» и что он там проговорил между строк. Все эти догадки, приводящие экспертократию в состояние аналитического экстаза, ровным счетом ни о чем не говорят. Ведь главное — это тенденция. А она предельно ясна. Все остальное — лишь вопрос времени.

* * *

Михаил Ремизов, президент *Института национальной стратегии*:

— В российских СМИ часто можно услышать, что за минувший год тандем Медведева и Путина доказал свою устойчивость. Действительно, сам факт того, что эта странная система двоевластия существует без особенных потрясений столько времени, можно записать в актив «режиму». Но относительная стабильность тандема не означает его эффективности в управлении государством. Выстроенная конструкция власти является чрезвычайно вредной для государства. Прежде всего потому, что она предполагает институт несменяемого премьера. А несменяемость премьера санкционирует фактическую безответственность исполнительной власти на всех уровнях. В этом отношении даже пресловутый «третий

срок» Путина был бы меньшим злом, поскольку «несменяемый президент», в отличие от «несменяемого премьера», не блокирует ротацию исполнительной власти. Президент в нашей системе стоит над разделением властей и не только способен, но и даже призван конституцией к тому, чтобы периодически приводить исполнительную власть к ответственности за результаты ее работы. Институт «несменяемого премьера» делает это невозможным. Но и сам премьер теперь лишен того пространства маневра, которым он располагал в свою бытность президентом. Это приводит к ситуации, при которой участники тандема объективно сдерживают и даже блокируют друг друга во всем, что касается обновления системы власти – кадрового обновления и обновления курса. Но именно в таком обновлении нуждается наша страна в условиях кризиса, который подвел черту под прежней моделью развития.

Поэтому устранение ситуации двоевластия – в чью бы пользу она ни разрешилась – представляется мне минимальным условием политики развития. И Медведев, и Путин порознь лучше, чем Медведев и Путин вместе.

Из положительных сторон тандема я бы отметил, пожалуй, некоторые его действия во внешней политике. Не в том смысле, что внешняя политика минувшего года была победоносной (это, увы, не так – Белоруссия окончательно ушла на Запад, российская газовая геополитика потерпела целый ряд поражений в Европе и Средней Азии), а в том, что на этом направлении сам принцип тандема оказывается гораздо более плодотворным. Он позволяет, в частности, минимизировать внешнее давление на российскую власть, благодаря тому что никто не может с уверенностью сказать, где именно она в данный момент сконцентрирована. Путин и Медведев во внешней политике могут осуществлять своего рода «распасовку» ответственности перед лицом нежелательного давления международных партнеров, ссылаясь на то, что никто из них в отдельности не может гарантировать те или иные решения.

В ситуации прошлогоднего августовского военно-политического кризиса это распределение ответственности сыграло положительную роль. Я не исключаю, что единовластный хозяин Кремля, кем бы он ни был, в этой ситуации сдался бы перед давлением международного сообщества, а вот «тандем» устоял.

Этот факт совсем не противоречит тому, что сказано выше. Размывание ответственности хорошо в отношениях Кремля с Западом, но плохо в его отношениях с собственным обществом. Во-

прос: можно ли совместить ответственность власти внутри страны с ее эффективной безответственностью вовне? Думаю, да. По крайней мере, современным демократиям известен один способ решения этой задачи. Это независимый парламент.

* * *

Павел Салин, *ведущий эксперт Центра политической конъюнктуры России*:

– Прежде чем говорить о признаках «нового курса», надо определиться с термином – что мы понимаем под «новым курсом»? К сожалению, отечественная историческая традиция, замешанная на «ручном управлении», подразумевает под этим термином кардинальный пересмотр наследия предшественника (предшественников), свое самоутверждение через его компрометацию. Если брать историю XX в., это может быть как жесткий вариант (большевики после царизма, демократы-реформаторы на «костях» СССР), так и мягкий (Брежнев после Хрущёва). Поэтому и родилась идея «оттепели», на Дмитрия Медведева давили, подталкивая его к тому, чтобы «взять власть в свои руки» и «порвать с наследием Путина». Однако президент показал себя сторонником стратегии «малых дел» и эволюционного подхода, что на самом деле и есть «новый курс». То есть это не консервация системы, а ее модернизация, использование, а не отрицание наследия предшественника.

При Дмитрии Медведеве курс просто не мог не быть новым в силу объективных причин. Нынешний глава государства и его предшественник принадлежат к разным поколениям (разница в возрасте более 10 лет), которые социализировались в разные исторические периоды, а также имеют различное образование и профессиональный опыт, что обуславливает у них различные взгляды. Это заметно не только по стилистической части содержания работы обоих политиков (различная фразеология, построение речи, акценты), но и по содержательным моментам. Например, Дмитрий Медведев в своей работе использует отличные от Владимира Путина инструменты – в частности, Интернет как средство обратной связи с населением. Президент понимает, что Сеть – это не только развлечение, в ближайшие 20–30 лет ее развитие будет очень многое определять в нашей жизни, в том числе и в структурировании политического пространства. Первые примеры этого уже заметны. В Швеции недавно созданная Партия пиратов (это ее официально

зарегистрированное название), выступающая за максимальное сужение авторских прав в Сети в пользу потребителей, располагает поддержкой в 8% и собирается баллотироваться в Европарламент.

Среди заслуг Дмитрия Медведева я бы назвал то, что апологеты «оттепели» считают его провалом. Президенту удалось, не вступая в конфликт с предшественником, обрести собственное лицо, освоиться в должности и расширить свою общественную поддержку за счет тех групп, которые никогда не поддержали бы Владимира Путина (либералы). Если бы произошло столкновение между двумя политиками, то наверняка какие-либо элитные группы, посчитавшие себя проигравшими, начали бы напрямую апеллировать к населению, а это уже чревато революционной ситуацией. Россия исчерпала свой лимит на революции – устойчивая депопуляция страны ставит вопрос о сбережении народа, а не о подталкивании его в топку очередной смуты. Удачный пример с началом президентства Дмитрия Медведева позволяет надеяться, что российская политическая система наконец-то созрела до того уровня, когда политику определяют не личности, а институты. А это значит, что развитие страны будет зависеть не от воли конкретно взятого Путина, Медведева, Иванова или Сидорова, а от консенсуса большинства элит и населения, глава государства же станет выразителем этого консенсуса.

* * *

Павел Святенков, *политолог*:

– Медведев пришел к власти как президент надежд. От него ждали всякого – от «свержения Путина» до «либерализации». Причем каждый под либерализацией понимал свое. Кто-то – освобождение из тюрьмы М. Ходорковского, а кто-то – тотальную демократизацию политической системы. Причем демократизации все хотели разной – от возвращения системы, что была при «дедушке Ельцине» (т.е. передачи страны в руки региональных и финансовых кланов, которые могли бы ее бесконтрольно грабить), до строительства современного национального государства. Что же произошло в реальности?

В реальности мы получили нашего Обаму. Пришедший к власти в США Барак Обама проводит ту же политику, что и его предшественник Джордж Буш. Ведь никакого иного сценария сохранения американского доминирования над миром, чем «бушист-

ский», американцы пока не придумали. А значит – продолжается расширение НАТО в зону традиционных интересов России, сохраняется присутствие американцев в Ираке, длительное противостояние вокруг ядерных программ Ирана и Северной Кореи. Но к традиционной политике добавляется надежда, что вот-вот последует либерализация, что существует способ, с помощью которого можно и власть над миром сохранить, и в крови и грязи не заляпаться. Надежда поддерживается косметическими реформами. Дескать, пытать на базе Гуантанамо будут, но немного. Войска из Ирака выведут – но не сразу. Отношения с Россией «перезагрузят» – но так, чтобы Украина с Грузией оказались в НАТО. Ах, как бы все так изменить, чтобы ничего не менять!

По тому же пути пошел и Медведев. От него либерализации ждали, а он предпринял мелкий косметический ремонт. Например, в России высокий избирательный барьер (число голосов, которое необходимо набрать партии, чтобы попасть в парламент) – 7%. Медведев предложил, чтобы партия, которая получила 5%, могла иметь в парламенте одного депутата, а 6% – целых двух. Конечно, один больше, чем ноль, но какое влияние будет иметь в Госдуме партия, представленная одним депутатом? Никакого. То же самое произошло и с назначением губернаторов. По старому закону правом выдвижения кандидатов в губернаторы обладал президент (а законодательные собрания регионов их избирали). Теперь же кандидата выдвигает победившая на выборах партия (обычно «Единая Россия»), президент кандидатуру рассматривает, и, если одобрит, она поступает на рассмотрение региональных депутатов. Опять же можно назвать это решение послаблением? Ну да, но в реальном механизме принятия решений ничего не меняется. «Единая Россия» не может игнорировать волю президента. А значит, в целом все остается по-прежнему.

На деле даже продолжается «закручивание гаек», как мы видели на примере реформы Конституционного суда: предложено, чтобы его председатель не избирался самими судьями, а назначался Советом Федерации по предложению президента. Иначе говоря, президент Медведев проводит путинскую политику, но новыми методами, в новых исторических обстоятельствах – внушая надежду на то, что грядут перемены. Беда только в том, что вечно внушать надежду не получится. Рано или поздно придется либо решиться на серьезные реформы, либо прекратить сами разговоры о них. Момент, когда решение проводить либерализацию всерьез или

«прекратить болтовню» будет принято, и будет моментом истины для президента Медведева.

«Москва», М., 2009, № 7, с. 151–155.

Владимир Пантин,

доктор философских наук

**ФАКТОРЫ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ
СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ДЛЯ РОССИИ**

Становится все более очевидным, что в начале XXI в. мировая политическая и экономическая система вступила в период дестабилизации. Глобальный финансовый и экономический кризис, который начался в 2008 г. и охватил как развитые, так и развивающиеся страны, стал важным, но отнюдь не единственным проявлением социально-экономической и политической дестабилизации. Среди других важных ее проявлений можно отметить обострение региональных политических конфликтов на Ближнем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии, на постсоветском пространстве, а также рост социальной напряженности и политической поляризации в ряде европейских стран (например, в Греции, Болгарии, Италии, Франции, Великобритании), в США (относительно резкое разделение американского общества на сторонников и противников Б. Обамы), в странах Латинской Америки, в ряде стран Азии и Африки. Еще одно проявление глобальной дестабилизации состоит в растущей неэффективности многих международных организаций и форумов, например ООН, МВФ, Всемирного банка, саммитов «восьмерки», экономического форума в Давосе. Многие авторы в этой связи указывают на кризис прежнего миропорядка, сложившегося после распада Советского Союза, и на необходимость построения нового, более устойчивого и соответствующего изменившейся расстановке сил.

Для того чтобы верно оценить перспективы глобального развития в ближайшие годы, необходимо понять основные причины и факторы дестабилизации мирового порядка и по возможности адекватно определить ее глубину. Многочисленные факты и тенденции указывают на то, что наблюдаемая дестабилизация в мировой экономике и политике связана с постепенным исчерпанием возможностей прежних моделей экономического, социального и поли-

тического развития, с начавшейся трансформацией международной системы.

При этом речь идет не просто об исчерпании эффективности той или иной идеологии или политического режима, а о масштабных геополитических и геоэкономических сдвигах, в частности об относительном увеличении роли в мировой экономике и политике стран Востока, прежде всего Китая и Индии, в которых проживает около половины населения Земли. В то же время, как показывает анализ долгосрочных нелинейных тенденций эволюции мировой политической и экономической системы, современная дестабилизация мирового порядка не случайна, а закономерна, ее наступление в начале XXI в. во многом связано с длинными волнами мирового развития, с вступлением мировой системы в фазу крупных потрясений в международной экономике и политике.

Сложность и неоднозначность современной ситуации состоят в том, что нынешняя глобальная дестабилизация обусловлена целым рядом различных факторов, которые взаимодействуют и усиливают влияние друг на друга. Это обстоятельство серьезно затрудняет исследование вклада отдельных наиболее важных причин и факторов в наблюдаемые процессы дестабилизации, а также оценку реальной роли различных (подчас противоположно направленных) тенденций современного мирового развития. Тем не менее можно выделить несколько групп наиболее существенных факторов, вызывающих глубокую и долговременную дестабилизацию мировой экономики и мировой политики. К их числу относятся демографические, экологические, финансовые, экономические, политические и военные факторы, которые кратко рассмотрены ниже.

1. Демографические и экологические факторы глобальной дестабилизации. Одним из важных и долговременных факторов глобальной дестабилизации является серьезный разрыв между темпами роста населения в наиболее богатых и наиболее бедных странах мира. Несмотря на постепенное замедление темпов увеличения общей численности населения Земли, которое связано с так называемым демографическим переходом, скорость прироста населения в разных странах существенно различна, причем самые высокие темпы роста населения наблюдаются в наиболее отсталых странах Африки, Азии, Латинской Америки.

В результате возникающих демографических диспропорций происходит массовая миграция из стран Азии, Африки, Латинской Америки в США, европейские страны, Россию, причем все попыт-

ки ограничить эту легальную и нелегальную миграцию пока не дадут желаемого эффекта. Между тем быстрое изменение этнического состава населения США, Великобритании, Франции и других стран из-за более высокой рождаемости бывших мигрантов постепенно ведет к размыванию прежних ценностных основ общества, к изменению образа жизни широких слоев населения, к глубоким культурным, социальным и политическим сдвигам. Так, по некоторым оценкам, суммарная доля исламского и небелого населения в странах Западной Европы может возрасти с 10–15% в 2000 г. до 20–25% в 2025 и до 35–40% в 2050 г. В США белое население к 2050 г. может стать меньшинством, составив менее половины всего населения страны.

Демографические сдвиги и вызванная ими глобальная миграция населения тесно связаны с экологической ситуацией в разных регионах, с воздействием глобального экологического кризиса и глобальных климатических изменений. Миграция все чаще происходит из неблагоприятных в экологическом или климатическом отношении регионов (например, Африки, Ближнего Востока и Средней Азии) в более благоприятные. В то же время, несмотря на развитие энерго- и ресурсосберегающих технологий и наукоемких производств, относящихся, согласно классификации известного американского футуролога Э. Тоффлера, к «третьей волне» технологического и социально-экономического развития, в большинстве стран мира (особенно в Китае, России, Латинской Америке) по-прежнему продолжают широко использоваться технологии массового индустриального производства «второй волны». До сих пор большинство загрязняющих природу производств в химической промышленности, добыче и переработке нефти, черной и цветной металлургии не меняются радикально и не становятся более экофильными. Нередко такие технологии вытесняются из более развитых стран в менее развитые, поскольку это выгодно транснациональным корпорациям, использующим дешевую рабочую силу и «дешевые» природные ресурсы в более бедных странах. Отсюда продолжающееся уничтожение лесов, загрязнение рек, озер и Мирового океана, загрязнение атмосферы, почв и т.п. В частности, уже сейчас в условиях хронического дефицита пресной воды живут примерно 1,1 млрд. человек; по мнению известного российского специалиста, директора Института водных проблем В. Данилова-Данильяна, около 2025–2030 гг. почти половина населения Земли окажется в условиях, когда пресной воды не будет хватать для

удовлетворения элементарных потребностей. В глобальный кризис, связанный с дефицитом пресной воды, будут втянуты прежде всего значительная часть Африки, Ближний Восток, Южная и Юго-Восточная Азия; несмотря на наличие крупных рек, дефицит воды начнут испытывать две самые населенные страны мира – Китай и Индия. В результате уже в ближайшие годы и десятилетия вполне вероятны конфликты и войны не из-за нефти, а из-за пресной воды.

В перспективе одним из главных глобальных загрязнителей окружающей среды скорее всего станет Китай, промышленность которого развивается высокими темпами, но при этом во многих случаях использует загрязняющие природу технологии. Уже в настоящее время состояние атмосферы и качество питьевой воды в Китае способствуют распространению различных болезней дыхательных путей. Поскольку Китай стремится догнать и перегнать развитые страны, можно полагать, что это существенно отразится на состоянии окружающей среды, причем не только в самом Китае, но и на всей планете. Подтверждением этому служит, например, тот факт, что значительные участки сибирской тайги, служащей, наряду с тропическими лесами, «легкими» всей планеты, подвергаются хищнической вырубке для вывоза древесины в Китай, где ее обрабатывают в больших масштабах. Аналогично дело обстоит и с тропическими лесами Юго-Восточной Азии, а в перспективе хищническая вырубка может затронуть тропические леса Индии и Бразилии, поскольку эти страны, входящие в группу государств БРИК, также осуществляют ускоренную экономическую модернизацию и развиваются быстрыми темпами. В итоге по мере вырубки лесов будут увеличиваться климатические колебания и перепады, усиливаться засухи и эрозия почв, что прямо скажется на состоянии сельского хозяйства и на продовольственном обеспечении населения Земли. Выходом из этой ситуации могли бы стать разработка и повсеместное внедрение экологически более чистых производств и источников энергии, а также ограничение вырубки лесов. Современный глобальный экономический кризис может способствовать ускоренному внедрению новых, в том числе более экологических технологий. Однако следует учитывать, что инерция развития прежних отраслей промышленности и старых технологий весьма велика, особенно в развивающихся странах, где экологические движения и организации пока что чрезвычайно слабы.

Поэтому можно прогнозировать, что дестабилизирующее воздействие глобального экологического кризиса будет ощущаться

еще довольно долго, а в середине XXI в. он, по-видимому, станет одним из основных факторов изменения структуры производства и всей модели глобализации.

2. Финансовые и экономические факторы глобальной дестабилизации. Финансовые и экономические факторы играют важную, во многом определяющую роль в возникновении современной дестабилизации и ее наиболее яркого выражения в виде глобального экономического кризиса. Его специфика заключается в том, что это первый кризис эпохи современной глобализации, поэтому многие его проявления быстро распространяются по всему миру, и ни одна страна не может отгородиться от них. Точно так же в силу глобальности кризиса ни одна страна в одиночку не может решить возникшие проблемы. Одна из главных причин текущего финансового и экономического кризиса – огромная, достигшая критической величины диспропорция между чрезвычайно раздутым финансовым сектором и реальным производством. Обращение на мировых финансовых рынках громадного количества ничем не обеспеченных ценных бумаг, обязательств, деривативов привело к тому, что возникла огромная финансовая пирамида; эта пирамида начала рушиться, когда в США в конце 2007 г. возник ипотечный кризис. Его следствием стал банковский, а затем и экономический кризис не только в США, но и во всем мире.

Для того чтобы не допустить краха американской банковской системы, США, а вслед за ними и другие страны (в том числе Россия) пошли по пути вливания в банковскую систему огромных финансовых средств. Однако проблема состоит в том, что попытки выйти из финансового и экономического кризиса путем вливания в банки все новых средств, в том числе значительных объемов вновь напечатанных долларов, угрожают поставить под вопрос само существование американского доллара как мировой резервной валюты. Огромный и все возрастающий государственный и внутренний долг Соединенных Штатов возник в результате того, что США на протяжении многих лет потребляли гораздо больше, чем производили, и восполняли возникающий дефицит за счет привлечения финансовых средств со всего мира, т.е. путем все новых заимствований. Рано или поздно подобная стратегия приведет либо к дефолту, либо к переходу США на новую валюту (например, амеро). И то и другое может иметь катастрофические последствия для мировой финансовой и экономической системы и неизбежно вызовет крупнейшие потрясения. В то же время переход от доллара к

новой международной наднациональной резервной валюте в ближайшие годы невозможен, поскольку США и ряд других стран выступают против такого шага. Поэтому даже после выхода из острой фазы кризиса 2008–2009 гг. мировая финансовая система скорее всего останется в весьма нестабильном состоянии.

Многие специалисты склоняются к точке зрения, согласно которой мировая экономика в начале XXI в. вступила в так называемую понижательную фазу кондратьевского цикла, т.е. в период развития, для которого характерны преобладание низкой экономической конъюнктуры, глубокие кризисы и болезненные депрессии, нестабильность в международных отношениях. В то же время понижательная волна кондратьевского цикла – благоприятное время для разработки и внедрения новых технологий, для формирования нового технологического уклада, новых форм управления, новых социальных и политических институтов. В связи с этим в ближайшие годы весьма вероятны глубокие технологические, социально-экономические и политические сдвиги, которые затронут как развитые, так и развивающиеся страны. Отсюда следует, что период экономических кризисов и депрессий – время не только тяжелых испытаний, но и благоприятное для различных технологических, экономических, социальных и политических нововведений.

Реальный выход из финансового и экономического кризиса связан с разработкой, внедрением и распространением новых технологий, основанных на микроэлектронике, с развитием нанотехнологий, биотехнологий, с использованием экологически более чистых источников энергии. Кризис и депрессия несомненно будут способствовать ускоренной разработке и внедрению инноваций, но при этом вызовут значительную социальную и политическую напряженность, связанную с закрытием многих предприятий и сворачиванием доминировавших прежде отраслей производства. В связи с этим в ближайшие годы во многих странах и регионах произойдет неизбежное обострение внутри- и внешнеполитических конфликтов, причем политические сдвиги, вызванные экономической и социальной дестабилизацией, в свою очередь, окажут заметное «обратное» воздействие на мировую экономику. Таким образом, исследователям, экспертам, политикам, лидерам партий и общественных организаций, государственным деятелям особое внимание в ближайшие годы придется обратить на политические факторы глобальной дестабилизации и на поиски путей смягчения внутри-

страновых, региональных и глобальных политических и военных конфликтов.

3. Политические и военные факторы глобальной дестабилизации. Наиболее глубокой причиной глобальной дестабилизации в ближайшие годы, как представляется, могут стать начавшиеся масштабные геополитические и геоэкономические сдвиги, связанные с изменением соотношения сил между основными центрами экономической и политической мощи, в частности между США, Европейским союзом, Китаем, Японией и Россией. Глобальный финансовый и экономический кризис 2008–2010 гг. скорее всего ускорит эти сдвиги, поскольку во многих, в том числе в развитых и быстро развивающихся странах обострится внутренняя социальная и политическая ситуация, а соотношение сил между Китаем, США, Европейским союзом и Японией может начать меняться гораздо быстрее, чем прежде. В этих условиях многое будет зависеть от политики крупных держав и особенно от политики мирового лидера, которым пока что остаются Соединенные Штаты. Среди политических факторов глобальной дестабилизации особенно важное значение имеют конфликты на Ближнем и Среднем Востоке, в Юго-Восточной и Южной Азии, а также на постсоветском пространстве. На Ближнем Востоке периодическое обострение арабо-израильского конфликта, в который в той или иной мере втянуты не только Израиль и многие арабские страны, но и США, Иран, страны Европейского союза, может вылиться в новые полномасштабные войны. После вывода американских войск из Ирака неизбежно усилятся конфликты на религиозной почве (между шиитами и суннитами) и этнической почве (между арабами и курдами), причем в эти конфликты скорее всего окажутся вовлечены Иран, Турция, Сирия. В то же время ситуация в Афганистане и Пакистане (к тому же обладающем ядерным оружием) может выйти (и отчасти уже выходит) из-под контроля США и их союзников. В результате проблема распространения международного терроризма не только не решается, но, напротив, обостряется, что ведет к дальнейшей политической дестабилизации во многих странах и регионах.

На востоке Азии, помимо «традиционного» конфликта между Северной и Южной Кореей, в который так или иначе втянуты Япония и США, могут возникнуть новые конфликты, связанные с реально существующими глубокими противоречиями между Китаем, Японией и Соединенными Штатами. Не следует также забывать,

что Юго-Восточная и Южная Азия являются местом пересечения (или столкновения) буддийской, конфуцианской, индуистской, исламской и западной цивилизаций, и уже поэтому, согласно С. Хантингтону, эта зона может стать ареной международных политических конфликтов. Пока этих конфликтов удавалось избегать благодаря тому, что Китай успешно осваивал емкий внутренний рынок США и рынки стран Европейского союза. Однако в результате глобального кризиса ситуация может измениться: рынки США и Европы для Китая станут менее доступными, и тогда встанет вопрос о том, кто будет контролировать динамично развивающийся регион Юго-Восточной и Южной Азии – мотор всей мировой экономики. В этом случае могут обостриться уже не экономические, а политические и военные конфликты, связанные с новым разделением Юго-Восточной и Южной Азии на сферы влияния.

Однако особенно серьезными в перспективе могут стать внутри- и внешнеполитические конфликты на постсоветском пространстве, особенно конфликты вокруг Украины, Молдавии, Грузии и некоторых государств Центральной Азии. Эти конфликты связаны как с внутренней нестабильностью в бывших республиках Советского Союза, которая еще больше усиливается под воздействием глобального экономического кризиса, так и с планами расширения НАТО на Восток. Реально на постсоветском пространстве пересекаются интересы России, Европейского союза и США, а в Центральной Азии еще и интересы Китая. При этом так называемые «цветные революции» Грузии, Украины, Киргизии имеет смысл рассматривать не столько как причину, сколько как следствие глубокой политической дестабилизации на постсоветском пространстве, вызванной борьбой групп с разной геополитической ориентацией внутри элит новых государств. В то же время сами «цветные революции» не только не стабилизируют ситуацию в бывших советских республиках, но нередко способствуют еще большей политической, социальной и экономической дестабилизации вплоть до раскола постсоветских обществ по этническому или региональному признаку.

В результате и у России, и у США, и у Европейского союза появляется соблазн вмешиваться во внутренние дела постсоветских государств, что чревато обострением внутривнутриполитических конфликтов, их превращением в конфликты международные, как это произошло с конфликтом вокруг Южной Осетии и Абхазии. Все это создает многочисленные политические риски и для новых го-

сударств на постсоветском пространстве, и для России, которая может оказаться втянутой в тяжелые и бесперспективные военно-политические конфликты. В связи с этим развитие ситуации в мире в ближайшие годы во многом будет зависеть от способности великих держав (США, Европейского союза, России, Китая, Японии) договариваться и идти на необходимые компромиссы. Однако отношения между этими державами, прежде всего между США и Россией, неизбежно будут развиваться нелинейно, зигзагообразно, испытывая воздействие многих факторов. В частности, по мнению авторитетных российских специалистов, на отношения между США и Россией будут влиять такие факторы, как относительное ослабление глобальных позиций США, распространение оружия массового уничтожения в странах «третьего мира», дестабилизация и хаотизация расширенного Ближнего Востока, деградация управляемости международных отношений, разрастание масштабов международной террористической деятельности, угроза попадания России в серьезную политическую зависимость от Китая, усиление Китая до масштабов, угрожающих безопасности как России, так и США. Чрезвычайно важно, чтобы обострение социальных и внутриполитических конфликтов в ведущих странах мира, вызванное глобальным кризисом, не привело к катастрофическим последствиям, аналогичным тем, которые вызвала великая депрессия 1930-х годов.

4. Глобальная дестабилизация и политические риски для России. Очевидно, что положение России в ближайшие годы и десятилетия скорее всего будет весьма сложным, поскольку она останется объектом политического и военного давления со стороны США и Европейского союза, а также объектом демографической экспансии со стороны исламского мира и Китая. К этому добавляются технологическая отсталость, сырьевая ориентация экономики, общая незавершенность социальной, политической и экономической модернизации, неэффективная и несовременная авторитарно-бюрократическая система управления, кризисные тенденции в сфере образования и здравоохранения, экологическое неблагополучие огромных территорий (в настоящее время почти для половины субъектов РФ характерны проблемы, связанные с загрязнением воздуха городов, недостаточной утилизацией токсичных промышленных отходов, радиоактивным загрязнением). Все это создает значительные политические риски для стабильного развития российского общества и государства. Тем не менее Россия обладает и

рядом преимуществ, позволяющих ей преодолеть некоторые последствия глобальных потрясений и кризисов.

Во-первых, это ограниченная из-за климатических особенностей и экологического загрязнения, но все же значительная территория, пригодная для хозяйственного использования.

Во-вторых, это огромные природные ресурсы, в том числе значительные запасы пресной питьевой воды.

В-третьих, в России существует развитая в ряде направлений наука и еще не совсем деградировавшая система образования.

Наконец, в-четвертых, российскому государству и обществу присуща исторически выработавшаяся способность к мобилизации всех ресурсов для того или иного технологического скачка. Однако в современную эпоху для эффективного использования всех этих возможностей и ресурсов необходима инициатива не столько сверху, сколько снизу (например, в виде более активной деятельности негосударственных организаций, развития множества малых и средних предприятий). Кроме того, требуется гибкая современная система управления, которая в сегодняшней России практически отсутствует. Поэтому в ближайшие десятилетия речь может идти прежде всего о выживании России как самостоятельного государства, а сама возможность этого выживания будет зависеть от множества факторов, в том числе от реальной, а не декларированной сплоченности российского общества, от его способности уменьшить существующую пропасть между основной массой населения и бюрократической элитой.

К числу наиболее серьезных внутренних политических рисков для России, чреватых прямыми вызовами ее безопасности, относятся социально-политическая поляризация российского общества, отрыв политической и экономической элиты (прежде всего бюрократии) от основной массы населения, сепаратистские тенденции в ряде регионов России, несформированность общероссийской идентичности, социальные и межэтнические конфликты. Об остроте проблемы социальной поляризации свидетельствуют, в частности, следующие данные. В 2007 г. средний доход 10% наиболее состоятельных граждан в России превышал доход наименее обеспеченных 10% населения в 15,3 раза, а с учетом неофициальных доходов, по экспертным оценкам, разрыв достигал 30 и более раз. В условиях кризиса этот разрыв не уменьшился, поскольку многие и без того бедные люди стали безработными или вынужде-

ны работать за мизерную зарплату, а также в значительно большей степени, чем богатые, пострадали от всплеска инфляции.

Отрыв бюрократии от основной массы населения и неэффективность государственного аппарата подтверждаются многими социологическими исследованиями. Так, по данным всероссийского опроса, который проводил Левада-Центр в 2007 г., среди всех препятствий на пути экономического подъема России, по мнению респондентов, на первом месте стояли «коррупция, разбазаривание государственных денег и имущества» (этот фактор назвали главным препятствием 43% опрошенных), на втором месте – «сопротивление чиновников, бюрократии» (29%) и на третьем – «неисполнение на местах принятых законов, указов» (28%).

По данным другого опроса, проведенного Институтом социологии (ИС) РАН совместно с Фондом Фридриха Эберта в 2007 г., 70% россиян считали чиновников особым сословием, безразличным к интересам общества. Специфика этого исследования состояла в том, что опрос проводился параллельно среди населения в целом и среди чиновников нижнего и среднего звена; это позволяло сравнить мнение рядовых россиян и чиновников. Согласно данным опроса, почти 40% россиян были уверены, что на современном этапе российской истории засилье бюрократии (в сравнении со всеми предыдущими историческими периодами) наиболее значительно. Среди населения в целом 76% опрошенных были убеждены, что сегодняшние чиновники не столько помогают развитию страны, сколько тормозят его. В то же время ответы чиновников на тот же самый вопрос распределялись прямо противоположным образом: лишь 22% чиновников были согласны с тем, что они не столько помогают развитию страны, сколько тормозят его, зато в обратном были уверены 76% чиновников. К причинам некомпетентности и неэффективности бюрократии рядовые российские граждане в первую очередь относили безнаказанность, низкий моральный уровень, низкую профессиональную подготовку чиновников, а также несовершенство законодательства. В свою очередь, большая часть чиновников основными причинами своей неэффективной работы считали несовершенство законодательства, большую нагрузку, низкую зарплату, но около 20% чиновников назвали и отсутствие страха перед наказанием. Усилить общественный контроль за работой чиновников требовали 60% населения и только 28% представителей государственного бюрократического аппарата.

Для того чтобы уменьшить политические риски, связанные с внутренними социальными и межэтническими противоречиями, необходима по-настоящему сильная социальная политика, поддержка государством наименее защищенных слоев населения и наиболее бедных регионов России. Разумеется, в условиях кризиса осуществление такой политики достаточно сложно из-за нехватки финансовых и иных ресурсов. Уже весной 2009 г. во многих регионах России наряду с ростом безработицы ощущалась значительная нехватка финансовых средств. Это ставит под вопрос осуществление сильной социальной политики государства и может привести к нарастанию социальной и политической напряженности, росту числа социальных и межэтнических конфликтов, которые способны непосредственно угрожать территориальной целостности России. В то же время в условиях кризиса и общей социально-экономической нестабильности неэффективность и коррупция государственного аппарата, его отчуждение от основной массы населения становятся особенно опасными, провоцирующими социальный взрыв. Поэтому меры, направленные на ограничение и снижение коррупции в органах государственной власти, на повышение общей эффективности работы чиновников (в том числе и за счет сокращения их числа), – это своего рода императив выживания общества и государства.

Среди внешнеполитических вызовов и рисков первостепенную роль играют процессы на постсоветском пространстве, в первую очередь отношения России с Украиной, Белоруссией, Казахстаном. Особенно опасными с точки зрения политических рисков для России могут стать социальные и политические конфликты на Украине, прежде всего российско-украинские противоречия из-за транзита газа в страны ЕС, потенциальные конфликты в Крыму, и разногласия между российским и украинским руководством по поводу базирования Черноморского флота в Севастополе. Очевидно, что для России крайне нежелательно втягиваться в конфликты на постсоветском пространстве, чреватые столкновением со странами Запада. В то же время Россия должна настойчиво и последовательно защищать свои национальные интересы дипломатическими, политическими и экономическими средствами.

Следует также иметь в виду, что в ближайшие годы будет заметно усиливаться Китай, который в случае внутривнутриполитического кризиса в России вполне может попытаться воспользоваться ее значительными природными ресурсами. Односторонняя политиче-

ская ориентация на Китай для России весьма рискованна, но она может сформироваться в результате обострения отношений России с США и странами Европейского союза. В этом плане весьма опасной и непродуктивной может стать позиция некоторых стран Восточной Европы, препятствующих реализации новых долгосрочных проектов между Россией и европейскими странами, например «Северного потока» и «Южного потока». На деле развитие экономического и политического сотрудничества между Россией и Западом, в частности между Россией и европейскими государствами, способно реально стабилизировать всю глобальную ситуацию.

В связи с этим важным условием смягчения последствий глобального кризиса и общей дестабилизации мирового порядка представляется выработка Россией стратегии социально-политического развития и проведение гибкого политического курса, учитывающего интересы основных социальных групп российского общества, а также более эффективное государственное регулирование экономики и социальной сферы. В частности, в условиях кризиса требуется более тесное взаимодействие между органами исполнительной и законодательной власти, с одной стороны, и общественно-политическими движениями и организациями – с другой. В противном случае может произойти полное отчуждение власти от общества, что чревато самыми серьезными последствиями для безопасности и целостности России. Кроме того, для России чрезвычайно важно не допустить резких политических сдвигов в Белоруссии, Казахстане и других постсоветских государствах, которые имеют для нее приоритетное значение. В то же время Россия ни в коем случае не может ввязываться в долгосрочные военные конфликты; более эффективным способом обеспечения безопасности было бы использование всего арсенала дипломатических, экономических и политических средств.

*«Общественные науки и современность»,
М., 2009, № 9, с. 17–25.*

Владимир Галицкий,
доктор юридических наук
РАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМА НА ЮГЕ РОССИИ

В последние десятилетия экстремистскими и террористическими формированиями достаточно широко используются религи-

озный и национальный факторы для достижения политических целей. Причем просматривается явная тенденция по использованию ими методов экстремизма и терроризма в решении своих религиозных, политических, социально-экономических и иных вопросов. Результаты анализа современной практики правоохранительных органов по вопросам противодействия религиозному экстремизму и терроризму показывают устойчивый рост не только активности ряда религиозных экстремистских организаций по всему миру, но и радикализации ислама. Это особенно ярко проявляется на Северном Кавказе. Есть основания предполагать, что во время настоящего финансово-экономического кризиса, объективного увеличения числа безработных эти процессы могут активизироваться. В частности, А. Малашенко и Д. Тренин, отмечая опасность исламского радикализма в Чечне, писали: «Более того, Чечня – пусть и в ограниченном масштабе – стала “экспортером” исламского радикализма в мусульманские регионы России и СНГ. Именно в Чечне материализовалась “исламская угроза” для России...».

По данным исследователей, с середины 60-х годов прошлого века численность радикальных течений всех религиозных направлений в мире возросла в несколько раз, а источником радикализма в российском обществе является не только рост экономического неравенства, но и весьма невысокий уровень политической и религиозной культуры, отсутствие глубоко укоренившихся в социальном сознании и психологии традиций гражданской жизни и демократии в условиях правового государства.

Актуальность данной проблематики для Российской Федерации обусловлена целым рядом факторов.

Во-первых, осложняется социально-политическая обстановка по линии борьбы с политическим и религиозным экстремизмом.

Во-вторых, наряду с традиционными формами религиозной экстремистской агитации и пропаганды (проповеди, индивидуальные и групповые беседы, распространение религиозной экстремистской литературы и др.), больше стали применяться и такие новые формы и методы, силы и средства, как телевидение, радио, Интернет, выступления в религиозных учебных центрах, в светских учебных заведениях среди молодежи с использованием возможностей современных информационных технологий и т.п.

В-третьих, продолжающийся процесс исламизации населения Северного Кавказа (особенно в радикальных, экстремистских формах) объективно ведет к усилению сепаратистских тенденций,

обострению межнациональных, межэтнических и межконфессиональных отношений, расширению масштабов применения экстремистских и террористических методов в политической и межконфессиональной борьбе.

Рассмотрению некоторых сторон этой проблематики и посвящена данная статья. В ней под радикализацией понимается стремление, склонность к решительным действиям, бескомпромиссному осуществлению намерений, стремление к коренному изменению существующего положения в том или ином деле. Исходя из этого общенаучного понимания «радикализма», «радикализации» автор считает, что под понятиями «радикальный ислам», «радикализация ислама» следует понимать стремление, склонность некоторой части идеологов ислама и их последователей к пропаганде нетерпимости к тем, кто мыслит и понимает исламское вероучение по-другому, не так, как они, и насильственного внедрения этой нетерпимости в мусульманскую среду, традиционно исповедующую умеренный ислам, в целях бескомпромиссного решения тактических и стратегических задач построения мирового исламского государства в разных его формах и проявлениях.

Практический опыт отечественных правоохранительных органов свидетельствует, что в основе любых проявлений экстремизма и терроризма, как правило, лежит идеология радикализма: религиозного, социального, националистического, политического. Следует сказать, что подавляющее большинство представителей религиозного (исламского) экстремизма и терроризма прошли, с точки зрения России, через радикальный ислам. Важным элементом социально-политической и конфессиональной обстановки, требующим самого пристального внимания, является сохраняющаяся тенденция возрастания в Южном федеральном округе (ЮФО) роли «исламского фактора» и стремления сторонников различных течений ислама усилить свое влияние на происходящие в ЮФО общественно-политические процессы. В связи с этим целесообразно напомнить, что национально-религиозное движение в Чечено-Ингушетии, часто приводившее к восстаниям против советской власти в 20–40-е годы XX в., всегда инициировалось радикальными исламскими авторитетами (имамами, шейхами, муллами и другими).

Как показывает опыт некоторых зарубежных стран, политизированный радикальный ислам представляет опасность для стабильности, безопасности и территориальной целостности любых

государств, входящих в зоны распространения ислама (как в тех регионах, где мусульмане составляют большинство, так и в тех, где они являются конфессиональным меньшинством). При этом он наиболее опасен для развивающихся поликонфессиональных государств, к которым принадлежит и Россия. Даже частичная или временная реализация проектов радикальных исламистов в таких государствах нередко приводил к вспышкам межконфессиональной вражды и сепаратизму (Судан, Кения, Косово – в Югославии, Чечня – в России и т.д.).

На наш взгляд, проблема влияния радикального ислама в России вообще и в ЮФО в частности, как дестабилизирующего фактора, может быть решена только в результате скоординированной деятельности всех органов государственной власти федерального и регионального уровня в тесном взаимодействии с общественными и научными организациями, а также российскими исламскими религиозными деятелями. Весьма важную роль в этом процессе призваны сыграть отечественные органы безопасности, НАК, антитеррористические комиссии в субъектах Российской Федерации.

В настоящее время одной из наиболее опасных проблем и источником угроз безопасности в регионе остается активно распространяющаяся среди населения ЮФО (при непосредственной поддержке эмиссаров зарубежных неправительственных организаций и специальных служб некоторых государств Ближнего и Среднего Востока) идеология новой волны радикальных течений в исламе, суть которой заключается в переходе к наиболее конспиративным методам пропагандистской и экстремистской деятельности; использовании легальных (правовых) способов для проповедования своего вероучения; использовании федеральных и местных выборов для легального проникновения в местную, республиканскую, краевую и областную власть; временном отказе от открытой вооруженной борьбы с существующей властью и т.д.

Практика деятельности мусульманских экстремистов в нашей стране показывает, что она нацелена против существующей власти и официальных руководителей духовных управлений мусульман и служителей мечетей, которые, как правило, являлись стабилизирующей силой российского исламского общества, поскольку традиционный ислам в России всегда функционировал через ДУМы и служителей мечетей, так или иначе связанных с государственной властью.

В настоящее время практически во всех субъектах Российской Федерации в ЮФО происходят процессы усиления позиций и роли мусульманских авторитетов и служителей мечетей в общественной жизни, в том числе рост их организационной и консолидирующей роли в местах компактного расселения мусульман северокавказских национальностей, как на территории их традиционного проживания, так и за ее пределами. При этом социальный статус и степень воздействия на общественную жизнь мусульманских авторитетов, возглавляющих многочисленные религиозные общества и объединения мусульман в ЮФО, все более возрастают.

Этому способствовала и способствует деятельность значительного числа эмиссаров, ежегодно приезжающих из ближневосточных стран, прежде всего из Саудовской Аравии и других исламских государств. Определенную активность в этом направлении проявляют спецслужбы и организации некоторых иностранных государств. Между иностранными спецслужбами, международными неправительственными и религиозными организациями стран, входящих в блок НАТО, прослеживается разделение предметов ведения, сфер влияния и зон ответственности на территории ЮФО. Их действия во многом носят согласованный по месту, времени и отдельным исполнителям характер.

Анализ политической ситуации на Северном Кавказе свидетельствует о том, что наиболее характерными задачами, решаемыми религиозно-экстремистскими организациями и спецслужбами США, Великобритании, Турции, Иордании и некоторых других государств на территории ЮФО, являются следующие:

1. Мониторинг развития социально-политической обстановки, проблем межнациональных отношений, конфликтных ситуаций и сепаратистских проявлений в субъектах ЮФО в рамках созданных ранее информационных групп, организаций по сбору и анализу социально-политической и иной информации (разного рода фонды, неправительственные организации и их филиалы, исследовательские и религиозные центры и т.п.).

2. Выработка механизмов управления и влияния на социально-политические и экономические процессы в ЮФО, а также на ситуацию в зонах межэтнических конфликтов на его территории.

3. Активные попытки разрушения сфер военно-политического влияния Российской Федерации на Кавказе, а также создание зон контроля на территории отдельных субъектов Феде-

рации в ЮФО под эгидой международных организаций с последующим выводом их из-под юрисдикции России.

Анализ складывающейся в ЮФО общественно-политической и конфессиональной обстановки показывает, что все более определяющее значение на нее начинает оказывать исламский фактор. Все чаще поступает информация о попытках вмешательства со стороны религиозных авторитетов и их адептов в общественные дела и даже в деятельность местных органов самоуправления. Есть основание предполагать, что с углублением нынешнего финансового кризиса влияние исламского фактора будет возрастать.

Особое беспокойство вызывает обстановка в Дагестане. Так, на севере республики распространяется религиозное учение наиболее авторитетного шейха Саид-Афанди Чиркейского, последователи которого (а их более 10 тыс.) держатся обособленно от других верующих. Характерно, что большинство сотрудников аппарата ДУМД, являющиеся лицами аварской национальности, а также многие высокопоставленные республиканские чиновники считают себя мюридами этого шейха. По некоторым оценкам, авторитет Саид-Афанди Чиркейского в настоящее время настолько велик, что он безапелляционно навязывает свою волю при решении кадровых вопросов в зоне своего влияния без согласования с верующими на местах, в том числе и с ДУМД. В Южном Дагестане укрепляет свои позиции среди верующих шейх устаз Сиражудин Афанди Хурикийский. Его учение пользуется популярностью среди представителей табасаранской, лезгинской и других национальностей, составляющих основную часть населения Южного Дагестана. В центральной части наиболее известны устазы Карачаев Муртазали Абдулманапович и Ильясов Ильяс Абдуллаевич. Необходимо также учитывать, что дагестанским мусульманам присущи четыре уровня идентичности: этническая, дагестанская, мусульманская и российская. Нарушение равновесия между этими уровнями весьма опасно для суверенитета России на Северном Кавказе. В связи с этим нельзя не согласиться с исследователями, утверждающими, что «исламские радикалы отдавали себе отчет, что в Дагестане сепаратистские настроения неизбежно нарушат этническое равновесие, что приведет к гражданской войне», на что они и рассчитывали, вступив в боевое сотрудничество с чеченскими вооруженными формированиями, развязавшими агрессию против Республики Дагестан в 1999 г.

Результаты контртеррористических операций в Чечне в 2000–2005 гг. привели к укреплению правопорядка в Чечне. Это побудило чеченскую непримиримую вооруженную оппозицию и их спонсоров к поиску вспомогательных направлений для ударов по России. В связи с этим резко возросла террористическая активность на территории Дагестана. С начала 2005 г. в самой крупной северокавказской республике произошло более 70 террористических актов.

По частоте террористических актов Дагестан даже обошел Чечню. Более того, «дагестанский терроризм – это терроризм более высокого накала и уровня организации по сравнению с чеченским. Сегодняшний чеченский терроризм – это действия разрозненных групп, демонстрирующих слабость общего координирующего центра и внятной политической идеологии. В Дагестане теракты, во-первых, являются подчеркнуто авторским делом (за них берется ответственность), а во-вторых, опираются на логически стройную идейно-политическую систему взглядов (радикальный политизированный ислам)». Центробежные процессы, проистекающие в мусульманской умме Дагестана, оказывают довольно существенное влияние и на мусульманскую общину сопредельного Ставропольского края, которая в силу ряда причин внутриконфессионального, межнационального и социального характера также неоднородна и разобщена.

Тюркоязычные мусульмане Ставрополя (ногайцы, туркмены, татары, карачаевцы, балкарцы) исповедуют ханифитский мазхаб, а выходцы из Дагестана (даргинцы, аварцы и другие народы РД) и Чечни – шафиитский мазхаб. Хотя различия в отправлении культа незначительны, совместное проживание представителей этих двух мазхабов на ограниченной территории с недостаточно развитой социально-экономической инфраструктурой, какими являются Нефтекумский и Степновский районы края, создает определенные внутриконфессиональные трения. Существующие противоречия социально-экономического характера между ногайским и даргинским населением, причиной которых являются неконтролируемые процессы миграции даргинцев в районы традиционного проживания ногайцев, из сферы межнационального противостояния переходят в духовную сферу.

Аналогичная с ДУМ КЧИС ситуация складывается в Духовном управлении мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края (ДУМ РА и КК). В своей деятельности ДУМ РА и КК, разви-

вающее ислам в соответствии с так называемым кодексом адыгских обычаев и традиций «Адыгэ-Хабзэ», ориентировано в основном на адыгов и не учитывает интересов большинства мусульман других национальностей, проживающих в Краснодарском крае. Противоречия национально-религиозного характера присутствуют также внутри мусульманской общины Краснодарского края. Имеются разногласия на межнациональной основе между адыгами-шапсугами и представителями татар и азербайджанцев, проживающих на территории Туапсинского района Большого Сочи. Значительная часть адыгов-шапсугов негативно относится к попыткам захвата лидирующих позиций в руководстве мусульманских организаций представителями других национальностей.

В последние годы отмечается устойчивая тенденция увеличения числа ингушского населения, вовлекаемого в радикальные исламские группирования. Особенно сложная обстановка складывается в Малгобекском районе Республики Ингушетия, где происходит значительное усиление позиций радикальных исламистов за счет «тихой экспансии» чеченцев, скупающих домовладения у местных жителей. Чеченцы активно занимались на территории этого района вербовкой в НВФ ингушской молодежи, предварительно обработав их в духе радикального ислама и негативного отношения к России. Всего в Ингушетии, по некоторым оценкам, только в 2002 г. дополнительно осело около 10 тыс. лиц чеченской национальности, прибывших из Чеченской Республики. В свое время бывший президент Республики Ингушетия Руслан Аушев публично заявлял, что «исламский радикализм распространяется в Ингушетии» и это «является серьезной угрозой стабильности общества».

Достаточно тревожная ситуация складывается также в среде верующих и мусульманского духовенства Кабардино-Балкарии, где отмечается новая активизация сторонников радикальных форм ислама, не оставивших попыток занять главенствующие позиции в религиозных организациях и в ДУМКБ. Так, в ноябре 2002 г. в г. Нарткале состоялись выборы раис-имама Урванского района КБР. При этом на общее собрание верующих без приглашения явилось большое количество сторонников радикальных форм ислама из числа жителей Урванского района и г. Нальчика. Прибывшие оказывали активное влияние на процесс выборов, в том числе высказывали угрозы физической расправы выдвинутым кандидатам и бывшему имаму Сомгурову, который вел собрание. Вместе с тем,

борьба за должности раис-имамов лишь видимая часть далеко идущих планов исламских радикалов.

Анализ имеющихся документальных материалов свидетельствует о том, что социально-политическая и конфессиональная обстановка в мусульманской среде Северо-Кавказского региона остается напряженной, в ней продолжают происходить сложные процессы, имеющие негативную направленность. При этом будет уместным напомнить о том, что существующая на Северном Кавказе дихотомия «салафийя – традиционализм» в последние годы была подменена понятием «ваххабизм», как одним из частных проявлений салафитской традиции. Салафитские идеалы, остающиеся идеологией исламского радикализма, приобрели в последнее время высокую политизированность. Салафийя, как богословское направление становится все более влиятельной силой в северокавказском обществе (особенно в Дагестане и Чечне, Кабардино-Балкарии (среди балкарцев) и в Карачаево-Черкесии (среди карачаевцев). Особую актуальность данной проблеме придает смена поколений, происходящая в настоящее время в среде как всего населения, так и мусульманских функционеров (мулл, шейхов, имамов, кади и т.п.), в процессе которой к руководству религиозными исламскими общинами (джамаатами) приходят антироссийски настроенные радикальные исламские лидеры, прошедшие соответствующую подготовку за рубежом.

Однако, как показывает практика, официальные властные структуры уделяют недостаточно внимания внешнему фактору – воздействию, оказываемому на мусульманское население региона из-за рубежа. Вместе с тем, отсутствие сведений о контактах представителей мусульманского сообщества ЮФО с международными экстремистскими исламскими центрами и организациями еще не означает, что такой проблемы нет.

Устойчивое влияние внешнего фактора сказывается также через отношения местных мусульман с единоверцами в странах Ближнего и Среднего Востока (Иордания, Турция, Сирия и т.д.), где, как известно, сложилась достаточно влиятельная кавказская диаспора. Жители Северного Кавказа составляют также свыше $\frac{2}{3}$ паломников, ежегодно выезжающих из России в Мекку и Медину. Не прошла бесследно и активная деятельность по исламизации населения, проводимая в 90-е годы в регионе такими международными исламскими организациями, как «Всемирная исламская лига», «Всемирная лига исламской молодежи» и др. Не следует забывать,

что на значительные финансовые средства, поступающие из-за рубежа по линии миссионерской деятельности международных исламских центров и их представительств в России, были построены сотни мечетей. В настоящее время по количеству действующих на сегодняшний день в России мечетей Северный Кавказ превосходит Татарстан, Башкортостан и другие области РФ, где компактно проживают мусульманские народы. По линии гуманитарной помощи мусульманам продолжает поступать религиозная литература, зачастую экстремистской направленности.

До недавнего времени фактически не осуществлялось должного контроля со стороны официальных духовных управлений и заинтересованных ведомств за процессом выезда мусульманской молодежи для обучения в заграничных исламских учебных заведениях. Направление на учебу осуществлялось при полном отсутствии информации о характере обучения в исламском учебном заведении. Много молодежи выехало для обучения за границу по частным каналам, минуя официальные структуры, в связи с чем отсутствуют полные данные о точном количестве таких лиц. Например, по официальным данным, на 2002 г. из Кабардино-Балкарии для обучения в зарубежных религиозных учебных заведениях выехало 58 человек, из них по направлению ДУМ КБ – только 19 человек.

Салафитами-ваххабитами последовательно используются следующие основные тактические приемы в своей экстремистской деятельности:

- расширение географии и численности салафитско-ваххабитских джамаатов за счет привлечения новых сторонников, активизация деятельности представителей зарубежных, в том числе религиозных экстремистских организаций по оказанию им финансовой и иной помощи;

- вытеснение проповедников традиционного ислама более молодыми имамами, прошедшими специальную подготовку за рубежом;

- смыкание определенных кругов последователей традиционного ислама с салафитами-ваххабитами на социально-экономической и финансовой основе без изменения своих взглядов на ислам. В результате салафиты-ваххабиты, при попустительстве традиционных исламистов (прежде всего официальных мулл и других служителей культа) получают широкую возможность безнаказанно пропагандировать свои взгляды среди всех категорий мест-

ного населения, особенно молодежи. Эта тенденция весьма опасна, поскольку салафиты-ваххабиты и их сторонники не получают своевременного и должного отпора со стороны местных официальных исламских руководителей и авторитетов. В силу этого недостаточно грамотная в исламской религии часть местного населения (порой вообще безграмотная) оказывается беззащитной перед лицом агрессивной и активной пропаганды со стороны радикальных исламистов. По нашему мнению, это является одной из серьезных причин (в совокупности с другими) роста последователей радикального ислама на Северном Кавказе;

- проникновение последователей салафийи-ваххабизма и их сторонников в органы власти и управления национальных республик региона, что создает условия для «мирного» захвата власти;

- увеличение силовой составляющей движения, создание на основе салафитско-ваххабитских общин нелегальных военно-политических боевых структур – «джамаатов», активное вовлечение их членов в экстремистскую и террористическую деятельность;

- подготовка материально-ресурсной базы и условий для вооруженного захвата власти в отдельных субъектах ЮФО.

Таким образом, любая деятельность лидеров исламского экстремизма и терроризма (прежде всего, салафитов-ваххабитов) и создаваемых ими организационных структур изначально направлена на насаждение идеологии сепаратизма, конечным результатом которого является изменение конституционного устройства в республиках Северного Кавказа вообще и нашего государства в частности, в том числе насильственным путем.

Особую опасность представляют попытки руководителей наиболее политизированных мюридских «братств» через формирование мюридских отношений с лидерами общественных и государственных (республиканских) организаций взять под контроль деятельность общероссийской общественно-политической организации «Истинные патриоты России» (бывшей «Исламской партии России»), охватывающей членством значительное число субъектов РФ в ЮФО. Обобщение результатов нашего исследования позволяет выделить характерные аспекты в деятельности радикальных исламских структур на Северном Кавказе:

- реанимация на более конспиративной основе ранее разгромленных ваххабитских формирований;

- попытки зарубежных центров создать устойчивую инфраструктуру управления салафитско-ваххабитскими общинами в Се-

веро-Кавказском регионе с организацией каналов их информационного ресурсного обеспечения;

– формирование на основе салафитско-ваххабитских общин («джамаатов») боевых групп диверсионно-террористической направленности;

– смыкание как руководителей салафитско-ваххабитских джамаатов, так и руководителей отдельных мюридских «братств» (например, «Батал-хаджи» в Ингушетии и др.) с этническими организованными преступными группировками, действующими в ЮФО;

– создание альтернативных религиозных структур управления мусульманской уммой для образования так называемого «Кавказского халифата» либо иных теократических государственных образований. Дальнейшее нарастание данных процессов несет за собой опасность широкомасштабной дестабилизации обстановки в регионе с подрывом политических, экономических и социальных основ конституционного строя Российской Федерации на территории Северо-Кавказского региона.

Обобщение результатов исследования конфессиональной и социально-политической обстановки в ЮФО дает основание считать, что основными причинами радикализации ислама на рассматриваемой территории являются:

А. Внутренние:

– неудовлетворенность мусульманского населения своим материальным положением, разочарование в местных правящих элитах, неспособных предложить безболезненный выход из длительного кризиса на Северном Кавказе (экономического, территориального, конфессионального и т.п.);

– алчность, коррумпированность части мусульманских функционеров и их ближайшего окружения, стремление занять лидирующее положение в религии и обществе любым путем, спекуляция на религиозных и национальных чувствах местного населения в ходе предвыборных и иных кампаний, стремление к незаконному обогащению, взяточничество, продажность и т.п.;

– внутрирелигиозные разногласия с национальной и экономической окраской (разнородность и разноплановость течений и учений ислама), сопряженность национальных обычаев и традиций с исламскими верованиями;

– активная политизация ислама, как радикального, так и традиционного (стремление представителей радикальных течений ис-

лама захватить власть не только духовную, но и светскую (например, поведение духовного лидера ваххабитов М. Биджиева («Биджи-улу») в Карачево-Черкессии в 2002 г.); попытки активного внедрения радикальных форм ислама в среду верующих мусульман, сторонников традиционного ислама;

– усиление позиций радикальных исламистов за счет «тихой экспансии» их в среду местных жителей, исповедующих традиционный ислам (прежде всего чеченцев, скупающих домовладения и землю у местных жителей на территории Ингушетии и стремящихся к компактному проживанию). Такие салафитско-ваххабитские общины созданы и функционируют в г. Малгобеке, станицах Слепцовская, Нестеровская, Троицкая, селах Экажево, Али-Юрт и др.;

– использование крайних методов борьбы в религиозных разногласиях и самих вероучениях (например, случаи угрозы физической расправы в Кабардино-Балкарии и др.);

– активизация исламских радикалов в плане использования системы выборов в мусульманских общинах в целях проведения своих сторонников на значимые выборные должности (раис-имамов в Кабардино-Балкарии и др.); внедрения «своих» людей во властные структуры субъектов ЮФО;

– неуважительное отношение большинства мусульман Северного Кавказа к федеральной власти. Они считают, что федеральная власть слаба, так как неэффективно управляет религиозными и социально-экономическими процессами в регионе;

– тенденции в получении дополнительного образования (религиозного или светского) для последующего совмещения религиозной деятельности с государственной.

Б. Внешние:

– последствия бесконтрольной многолетней деятельности на Северном Кавказе международных радикальных мусульманских организаций, фондов, центров и т.п., а также их представителей (стимулирование выезда мусульманской молодежи на обучение за рубеж (прежде всего в исламские учебные заведения, где преподается и распространяется радикальный ислам);

– укрепление связей местных мусульман с единоверцами в странах Ближнего и Среднего Востока (Иордания, Сирия, Саудовская Аравия, Турция и др.), где сформировалась достаточно влиятельная кавказская диаспора (свыше $\frac{2}{3}$ паломников, ежегодно выезжающих из России в Мекку и Медину, составляют жители Северного Кавказа);

– активная деятельность религиозно-экстремистских и иных организаций некоторых иностранных государств (в том числе и при непосредственной поддержке спецслужб этих государств) на территории ЮФО и их стремление к управлению (легальному, полуполюгальному и даже конспиративному) религиозными процессами на рассматриваемой территории;

– оказание разнообразной материально-технической и финансовой помощи со стороны зарубежных религиозных и гуманитарных организаций радикальным исламистам, действующим на территории ЮФО;

– систематические и разносторонние связи радикальных и традиционных исламистов с международными религиозно-экстремистскими организациями (прежде всего на Ближнем Востоке).

С учетом того, что идеологами религиозного экстремизма широко используется пропаганда своих идей, необходимо значительно активизировать контрпропагандистскую работу, повысить качество и количество проводимых в этих целях мероприятий, в том числе:

– через возможности центральных, региональных и местных СМИ шире осуществлять целенаправленные мероприятия по дискредитации деятельности идейных вдохновителей и сторонников радикального ислама (прежде всего салафизма-ваххабизма) с использованием материалов судебных процессов над организаторами и исполнителями актов терроризма в Северо-Кавказском регионе, а также расследованных уголовных дел;

– шире использовать возможности влиятельных мусульманских авторитетов по воздействию на местное население в субъектах Российской Федерации в целях осуждения экстремистской и террористической деятельности сторонников радикальных течений в исламе, призывать мусульман к созданию обстановки нетерпимости к проявлениям политического и религиозного экстремизма, терроризма, межнациональной вражды;

– с использованием возможностей проводимых в России и за рубежом научно-практических конференций, семинаров, круглых столов, а также встреч, проходящих под эгидой международных исламских организаций, продолжать мероприятия по оказанию сдерживающего воздействия на процесс перехода сторонников радикальных фундаменталистских и традиционалистских движений в России на позиции религиозного экстремизма и терроризма, устра-

нить путаницу между салафией и ваххабизмом, между салафитами и ваххабитами;

– в целях нейтрализации влияния салафитско-ваххабитских общин на верующих-мусульман, через имеющиеся политические и административные возможности федеральных и местных органов власти в ЮФО способствовать контролируемой активизации официальных структур мусульманского общества по противодействию радикальному исламу, религиозному экстремизму и терроризму, упорядочению и взятию под контроль системы религиозного обучения, теологического обмена и исламской благотворительности;

– для обеспечения государственной поддержки представителям традиционного ислама и контролируемых ими российских религиозных учебных заведений, их использования в предотвращении дальнейшего распространения радикального ислама (прежде всего салафии–ваххабизма) выйти с предложением в Правительство Российской Федерации о выработке новых форм участия государства в создании и бюджетном финансировании комплексной программы развития системы религиозного образования для подготовки служителей мусульманского культа пророссийской направленности, лояльных к существующему конституционному строю и способных противостоять проявлениям исламского радикализма и экстремизма. В противном случае, в условиях нынешнего финансового кризиса эту инициативу могут перехватить радикальные исламисты с их мощными финансовыми ресурсами;

– шире и активнее использовать существующие противоречия между радикальным (прежде всего салафитско-ваххабитского толка) и традиционным чеченским исламом суфийских тарикатов (братств), обусловленные тарикатскими представлениями о культуре святых, поклонение их могилам, сравнительно либеральное отношение к требованиям шариата и т.п., поскольку существование тарикатов несовместимо с жесткими требованиями фундаменталистов.

Не менее важным является и последовательное привлечение возможностей федеральных, республиканских и местных властей по своевременному искоренению причин и условий, способствующих возникновению и существованию радикального ислама в ЮФО, как наиболее взрывоопасном регионе.

Безусловно, высказанные выше предложения и мнения не являются исчерпывающими и исключительными. Борьба с религиозным экстремизмом и терроризмом должна носить наступательный

и бескомпромиссный характер. Используя возможности федеральных и региональных властей необходимо всячески поддерживать группы верующих, исповедующих традиционный ислам и стоящих на государственных, пророссийских позициях; исключить проникновение представителей радикального ислама в местные органы власти и любые случаи какого-либо влияния (попыток влияния) на деятельность и принимаемые решения местными органами власти; своевременно устранять причины и условия, способствующие радикализации ислама в ЮФО; шире использовать возможности управлений (комитетов и т.п.) по делам религий при правительствах субъектов ЮФО для противодействия радикальному исламу; активнее бороться с корпоративно-бюрократическими формами управления, сформировавшимися в некоторых субъектах Российской Федерации в ЮФО, которые, как правило, ориентированы на использование идей национализма, радикального ислама, сепаратизма, экстремизма и терроризма как иррациональных средств решения своих финансовых, узкоклановых проблем в интересах своего криминального бизнеса.

Для реализации высказанных пожеланий и предложений в субъектах Российской Федерации в ЮФО имеются все возможности. Правильное их использование принесет успех в деле противодействия радикальному исламу как в ЮФО, так и в других федеральных округах России, что приведет к минимизации распространения религиозного экстремизма и терроризма.

«Обозреватель-Observer», М., 2009, с. 35–47.

Абаз Осмаев,
политолог (г. Грозный)
**РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР
В ЖИЗНИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

В настоящее время на Северном Кавказе, и в частности в Чеченской Республике, наблюдается усиление влияния религиозного фактора на этнополитические процессы. Ислам играет важную роль в жизни чеченского общества, являясь составным элементом этнической самоидентификации, а в критические моменты национальной истории также мощным источником социальной мобилизации.

В событиях в Чечне конца XX–начала XXI вв. тесно переплелись социальные, политические, экономические, этнические и религиозные причины. Показательно, что осенью 1999 г., перед началом военных действий в Чеченской Республике, В.В. Путин посчитал необходимым встретиться с руководителями духовных управлений мусульман Северного Кавказа, в числе которых был и муфтий А. Кадыров, ранее вставший на путь борьбы с религиозными экстремистами. Встреча эта должна была подтвердить тезис о том, что Россия воюет не с мусульманами, а с террористами и бандитами.

Одна из главных причин раскола чеченского общества – это религиозный вопрос, на который делался упор в начале второй чеченской кампании. Среди причин перехода на сторону федеральных сил вчерашние боевики называли нежелание быть последователями радикального ислама, ваххабитами. В укреплении власти и авторитета А. Кадырова важную роль сыграло то, что он был религиозным лидером и сумел перетянуть на свою сторону все религиозные братства Чечни – эту же политику успешно продолжает Р. Кадыров. Еще будучи главой администрации Чеченской Республики А. Кадыров издал указ о запрещении ваххабизма. После теракта 9 мая 2002 г. в г. Каспийске муфтий Чеченской Республики А. Шамаев заявил, что экстремистские течения ислама, навязанные чеченскому народу, должны быть объявлены вне закона, а А. Кадыров предложил принять на федеральном уровне закон о привлечении к ответственности приверженцев ваххабизма. Планы проведения референдума в Чеченской Республике также были поддержаны мусульманским духовенством, чему способствовала встреча В. Путина с председателем Совета муфтиев России Р. Гайнутдином.

Рамзана Кадырова в настоящее время позиционируют не только и не столько как президента, а как лидера народа, способного добиваться решения первоочередных задач, не отходя от канонов традиционного ислама и чеченских обычаев и традиций. После назначения временно исполняющим обязанности президента Чеченской Республики Р. Кадыров со своим окружением посетил святые места – зиярты – в селах республики, накануне инаугурации совершил малый хадж, в 2008 г. – паломничество в Саудовскую Аравию. Его можно увидеть на утренней и пятничной молитвах, в кругу мюридов, совершающих зикр. Большое внимание уделяется в республике строительству мечетей в различных селах и городах,

средства на которые чаще всего выделяет фонд имени А. Кадырова, финансированию паломников, совершающих хадж. Ни одно значимое мероприятие государственных структур республики не проходит без участия представителей ДУМ ЧР. На всех крупных предприятиях, в вузах, учреждениях и организациях работники муфтията регулярно проводят беседы, лекции и проповеди, направленные на духовно-нравственное возрождение населения республики, объявленное Р. Кадыровым приоритетом. В начале августа 2005 г. муфтият Чеченской Республики объявил джихад терроризму и ваххабизму на общем собрании представителей духовенства республики и силовых структур. Как отметил муфтий Чечни С. Мирзаев, «отныне воюющие против ваххабизма будут считаться ставшими на путь джихада».

Ислам в Чечне все активнее входит в жизнь жителей республики. Так, 3 февраля 2009 г. в Грозном открылся Центр исламской медицины, где нетрадиционными методами лечат больных, страдающих психоневрологическими заболеваниями. За два месяца он принял 10 тыс. пациентов. Увеличивается число паломников, совершающих хадж в Саудовскую Аравию, все женщины, работающие в государственных учреждениях Чечни, должны отныне в служебное время носить головные платки. В течение всего месяца Рамадан, согласно указу Р. Кадырова, в Чечне рабочий день был сокращен на один час. Кроме того, в этот месяц запрещается продажа спиртных напитков, а с начала 2009 г. время их продажи ограничено двумя часами в сутки, с 8 до 10 часов утра. В марте 2009 г. в республике масштабно был отмечен День рождения Пророка Мухаммеда.

В республике издается газета «Зори Ислама», начал вещать исламский телеканал «Путь». Регулярно по радио и двум местным телеканалам проводятся проповеди, направленные для разъяснения правильности соблюдения канонов ислама. После открытия мечети в Грозном в октябре 2008 г. пятничные и ежедневные проповеди транслируются по местному телеканалу, призыв на молитву звучит из мощных динамиков пять раз в день. Имамами мечети назначены представители семи крупных религиозных братств – вирдов, которые находятся в мечети в течение всего дня и возглавляют все молитвы, начиная с утренней. На территории вузов республики, крупных больниц, вдоль оживленных трасс построены мечети. В селах и городах республики кроме соборной построены многочисленные квартальные мечети. Руководитель Духовного управления

мусульман Чеченской Республики С. Мирзаев обязал имамов соборных мечетей находиться в них и возглавлять молитвы не только в пятницу, но и во все остальные дни недели. В сентябре 2009 г. в Чечне планируется открыть первый Российский исламский университет имени Кунта-хаджи Кишиева.

В сегодняшней Чечне мало что мешает жизни мусульманина, следующего канонам традиционного ислама. Несмотря на провозглашаемое конституциями России и Чеченской Республики отделение религии от государства, в Чечне оба эти понятия тесно совмещены. Под строгим контролем находятся проповеди в мечетях, руководство республики держит под пристальным вниманием религиозные направления в обществе. Прибегая порой к жестким мерам, нынешним чеченским властям удалось переломить ситуацию в этом плане в нужную им сторону, но это не означает, что проблема радикализма решена. Реисламизация и усиление суфийских ценностей в Чечне не в последнюю очередь служат для борьбы с ваххабизмом и терроризмом, а возрождение традиционных народных и исламских норм поведения – для контроля общества.

Однако процессы глобализации, развитие средств коммуникации позволяют желающим искать свои ответы на различные вопросы, в том числе и религиозные. Западная пресса дает этим процессам более жесткие оценки: «...Он (Р. Кадыров) борется с влиянием исламских радикалов-сепаратистов и усиливает собственную власть... результатом становится установление диктатуры, неподвластной российским законам. Некоторые в России считают, что попытки Кадырова создать в республике исламское общество противоречат федеральной Конституции. ...Однако Кремль неизменно оказывает ему поддержку, считая, что он играет главную роль в обуздании чеченского сепаратизма, и это позволяет президенту навязывать свою волю жителям республики».

Тем не менее народный чеченский суфизм стал вполне надежным заслоном против разрастания радикального ислама, чему способствовало и изменение политики руководства Российской Федерации в отношении Чеченской Республики, которая стала более гибкой. Несмотря на то, что чеченский кризис не был межконфессиональным, религиозный фактор, несомненно, сыграл свою роль, как в его эскалации, так и урегулировании.

*«Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности»,
Р.-на-Д., 2009, с. 241–243.*

Игорь Добаев,

доктор философских наук

(г. Ростов-на-Дону)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Сегодня Кавказ, как и в предшествующие столетия, является зоной напряженной геополитической игры, исторически называемой «Большая Игра» между англосаксонским миром (ранее Великобритания, сегодня США) и Россией за контроль над стратегическим центром Евразии. Для США установление прямого влияния на Кавказе необходимо для реализации проекта «Великий Ближний Восток», который предполагает конфликт с Ираном и Сирией и контроль над нефтедобывающими зонами Ближнего Востока (в том числе над Каспием). Кроме того, действуя через Кавказ, США дестабилизируют ситуацию в самой России, препятствуют интеграционным процессам на постсоветском пространстве. США на Кавказе действуют как прямо, так и путем манипуляции другими субъектами мировой и региональной политики, реализуя здесь собственный интерес и поддерживая другие проекты, среди которых можно назвать европейский, натовский, туранский, арабо-исламистский и др. Немаловажная роль в выдавливании России с Кавказа отводится проамериканской Грузии, США не теряют надежды плотно вовлечь в фарватер своей геополитики Азербайджан и даже Армению. В целом непосредственно в геополитике всего кавказского макрорегиона участвуют следующие основные силы:

- мировые державы, их союзы и объединения (Россия, США, Евросоюз, НАТО);
- региональные государства (Турция, Иран, Саудовская Аравия);
- непосредственно южнокавказские страны (Грузия, Азербайджан, Армения);
- нетрадиционные субъекты политики: непризнанные государства Южного Кавказа (Абхазия, Нагорный Карабах, Южная Осетия), а также различные ТНК (транснациональные корпорации), НПО (неправительственные организации), НКО (некоммерческие организации) и др.

Развал Советского Союза и отход России на север привели к нарушению исторически сложившегося в XIX–XX вв. геополити-

ческого и стратегического равновесия в Кавказском регионе. Здесь возникла во многом качественно новая геополитическая ситуация, неблагоприятная по ряду параметров для национальных интересов и безопасности России. Государства Южного Кавказа – Азербайджан, Армения и Грузия – перешли в сферу внешней геополитики России, республики Северного Кавказа остались в лоне внутренней региональной геополитики Москвы. Северный Кавказ выступает сложившимся социально-экономическим и историко-культурным регионом в течение уже более ста лет. Он включен в систему трансрегиональных этнополитических отношений, а происходящие здесь процессы оказывают воздействие не только на региональную, но и общероссийскую, и кавказскую социально-политическую ситуацию, включая проблему национальной безопасности.

Северо-Кавказский регион представляет собой наиболее полиэтничный район России со сложным этноконфессиональным составом населения, различными по типу субъектами Российской Федерации: 7 республик, 2 края, 1 область. Этнизация политического пространства и государственного аппарата республик на Северном Кавказе, обострение борьбы религиозного традиционализма, фундаментализма и модернизационных процессов, ослабление федеральной власти в 90-е годы обострили проблемы национальной безопасности. Резкая актуализация в этот период конфликтного потенциала в регионе (прежде всего чеченский кризис) усилила здесь позиции сепаратистских сил. Ситуацию осложняли следующие основные конфликтогенные факторы:

1. *Многонациональный характер региона.* На территории Северного Кавказа проживает наибольшее, в сравнении со всеми остальными регионами России, количество наций и этнических общностей. Сам по себе многонациональный характер региона не является причиной возникновения межнациональных конфликтов, но выступает фактором, усложняющим процесс примирения и нахождения консенсуса в случае конфликта различных групп.

2. *Уровень влияния на общество традиционных социальных институтов.* Такие структуры, как советы родов (тейпов, тукхумов и др.), старейшин, религиозные братства, действуют на основании норм права эпохи «военной демократии» более чем тысячелетней давности. Можно уверенно говорить о том, что нарушения прав человека в регионе, совершаемые традиционными социальными институтами, сопоставимы по своим масштабам с нарушениями, ответственность за которые ложится на государство. По-

добная система права исходит из неполноправности всех «чужаков», т.е. представителей других народов.

3. *Географические особенности территории и негативная историческая память.* Вследствие высокой плотности миграционных потоков и ограниченности жизненного пространства в большинстве республик Северного Кавказа имеется множество территорий, на историческое владение которыми могут претендовать два или несколько народов, что до сегодняшней поры может выступать поводом вооруженного конфликта или скрытой межнациональной напряженности. В этих условиях крайне значимо проявляется фактор «исторической памяти» народов, что в значительной мере облегчает задачу идеологического обоснования деятельности радикально-националистических и социально-политических экстремистских движений и организаций. Ситуацию осложняет и негативный исторический опыт произвольного изменения административно-территориальных границ в 20–40-х годах XX в., приведший к частым несовпадениям ареала проживания народов и границ административно-территориальных образований, возникновению явления «разделенных народов».

4. *Активизация радикального фундаментализма.* Именно на Юге России находятся главные центры радикального салафизма (ваххабизма) – крайне политизированной формы бытования ислама, которая используется лидерами национальных радикалов и сепаратистов в своих целях. Религиозная и национальная идеи в ходе войны против государства выполняют различные функции. Национальная идея служит для объединения «своих» в интересах национальной элиты, решившей расширить свое влияние и возможности. Исламистский фундаментализм обеспечивает поддержку радикальным национальным движениям со стороны других национальных групп в России и за рубежом.

5. *Комплекс социально-экономических факторов.* Среди факторов, оказывающих наиболее существенное влияние на содержание и характер общественно-политической и социально-экономической ситуации на Северном Кавказе, следует назвать кризисное состояние экономики большинства субъектов региона. По большинству социально-экономических показателей субъекты ЮФО (особенно республики Северного Кавказа) находятся на последнем месте среди других регионов России. Для Южного федерального округа характерна высокая неравномерность экономического развития. Свыше 80% суммарного валового регионального

продукта дают пять территорий так называемого «степного Предкавказья» – Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская, Волгоградская и Астраханская области. Но и внутри республик Северного Кавказа весьма высоки свои внутренние диспропорции экономического развития. Депрессивное состояние экономики своим неизбежным следствием имеет высокий уровень безработицы. По итогам исследования занятости населения, проведенного Госкомстатом в мае 2004 г., уровень безработицы в ЮФО в целом заметно выше среднероссийских показателей. Особую озабоченность вызывает непропорционально высокий уровень молодежной безработицы, являющейся питательной средой для радикально-экстремистских организаций, вербующих своих сторонников в молодежной среде, в том числе и с использованием приемов материального поощрения, оказания финансовой помощи новым членам организации. Во всех субъектах ЮФО нестабильность экономики и высокий уровень безработицы определяются как один из основных конфликтогенных факторов.

6. Демографический фактор. С точки зрения воздействия на характер межнациональных отношений можно выделить два аспекта: статический, характерный для сегодняшней ситуации, и динамический, последствия которого будут все более проявляться в дальнейшей перспективе. Первый связан с высокой плотностью населения в округе в целом и высокой дисперсией этого показателя в субъектах ЮФО. Второй аспект связан с перспективами изменения этнодемографических пропорций. Естественный прирост населения характерен для тех субъектов ЮФО, которые имеют наиболее низкие показатели развития производства, уровня ВВП и душевого дохода (Чечня, Ингушетия, Дагестан). При ограниченности территориального жизненного пространства и стагнирующей экономике дальнейший рост и изменение этнодемографических показателей способны стать в перспективе потенциально конфликтогенным фактором.

7. Миграционные процессы. С распадом СССР территория ЮФО стала местом массового притока беженцев из горячих точек стран СНГ. Неконтролируемая миграция имеет своим следствием возрастание нагрузки на социальную сферу, напряженность на рынках труда, в результате чего отмечается рост безработицы, развивающийся в субъектах ЮФО опережающими, по сравнению с общероссийскими, темпами. Помимо этого, миграционные процессы привели к постепенному изменению исторически сложившейся

этнодемографической ситуации. Взаимоотношения местного старожильческого населения с диаспорами мигрантов зачастую балансируют на грани конфликта. Основными проблемами миграционных процессов на территории ЮФО выступают незначительная возможность местных властей в регулировании объемов и пространственном распределении миграционных потоков, а также отсутствие реально действующих программ, способных обеспечить интеграцию мигрантов в местные сообщества. Существующее федеральное законодательство в недостаточной мере учитывает специфику ситуации, сложившейся на Северном Кавказе, и субъектам, входящим в округ, приходится широко использовать право законодательной инициативы по его совершенствованию.

8. *Ситуация в Чечне.* Пока в Чечне существует напряженность, сохраняется и риск вовлечения в чеченскую «орбиту» других субъектов Северного Кавказа. Кроме того, серьезную опасность для баланса межнациональных отношений представляют скрытые перемещения из зоны боевых действий оружия, отдельных боевиков и, главное, идеологии ваххабизма, национализма, реваншизма.

9. *Своеобразие изменений в массовом сознании советского и постсоветского периода.* Исторически мир между крупными и малочисленными народами Северного Кавказа поддерживался с помощью сложной системы межнациональных «сдержек и противовесов»: межнациональных, межплеменных альянсов, регламентирующих нормы обычного права (адата) и местных обычаев. Частичное размывание традиционного уклада, образа жизни и социальных институтов народов Северного Кавказа, произошедшее в XIX и XX вв., привело к тому, что значимость прежней системы «сдержек и противовесов» оказалась подорванной, в то время как новые регулятивные механизмы, основанные на действии официальных государственных институтов и уважении к правам и свободам личности, не сформировались в должной мере. Для значительных слоев населения – в первую очередь молодежи с низким образовательным статусом – оказался характерен «смешанный» характер мировосприятия, в котором рудименты прежнего, традиционалистского мировоззрения заставляют воспринимать лиц иной национальности как «чужих» и «врагов». В то же время, эти рудименты недостаточно сильны, чтобы признавать авторитет традиционных институтов в разрешении конфликта (религиозных лидеров, советов старейшин, норм обычного права). Происходившее в по-

следнее десятилетие активное размывание прежней советской идентичности не сопровождалось параллельным формированием новой, общероссийской идентичности. В этих условиях главным критерием самоидентификации становится признак национальности, способствующий росту идеологий национализма в различных проявлениях – от спекуляций на тему духовного возрождения нации или народа и до политико-культурного изоляционизма, этноцентризма, воинствующего национализма и религиозного экстремизма.

Эти конфликтогенные факторы усиливаются геополитическим положением Северного Кавказа и фактором внешнего влияния. Запад (США и их союзники в Европе) выступает за ограничение российского суверенитета и введение международных контингентов в Чечню и другие республики Северного Кавказа, проблемы которых созданы якобы самим правительством РФ. Крайне обостряет ситуацию на Северном Кавказе деятельность международных экстремистских групп, нацеленная на выведение отдельных регионов из-под юрисдикции России с целью получения доступа к природным ресурсам и транспортным коридорам. Вследствие обозначившегося в мире дефицита энергоносителей, проект вытеснения России с Кавказа объективно выгоден не только радикально-исламистским кругам, но гораздо более широкому кругу организаций и стран, для которых Северный Кавказ стал зоной стратегических интересов. Разжигание межнациональных конфликтов и поддержка сепаратистских движений являются инструментами для получения доступа к нефтяным месторождениям Северного и Центрального Кавказа.

Частичный уход России с Кавказа (из Южного Кавказа) не стал благом для народов региона. Истекшее пятнадцатилетие отмечено кровопролитными междоусобицами и войнами, посеявшими на Южном Кавказе семена раздора и вражды на многие годы вперед. Сорваны с обжитых мест десятки и сотни тысяч людей, превратившихся в беженцев, мигрантов или вынужденных переселенцев, оказались разрушенными наработанные экономические связи.

Обращают на себя внимание и другие специфические черты региональной ситуации:

– Кавказ в целом – это отсталый и слаборазвитый по мировым меркам регион. В советские времена он, наряду со среднеазиатскими республиками, получал значительные субвенции из союзного бюджета в результате перераспределения национального

дохода. В наши дни российский федеральный центр с трудом «справляется» со своими северокавказскими субъектами, требующими огромных донорских вливаний. Хозяйственное же освоение Южного Кавказа – нереалистичная задача для России: она не обладает необходимыми ресурсами для финансирования кризисных экономик государств региона и не способна обеспечить социальное выживание и политическую стабильность в них без того, чтобы не взять на себя их дотирование, которое в любой форме окажется убыточным для российской экономики;

– Азербайджан, Армения и Грузия – слабые государства. Они не имеют ни традиций, ни опыта государственности. Они раздираемы глубокими противоречиями – территориальными спорами, экономическим соперничеством, взаимной подозрительностью и плохо скрываемой национальной и культурной неприязнью. Не располагают они и существенными ресурсами (за исключением Азербайджана);

– региональная ситуация на Южном Кавказе в целом неспокойна и непредсказуема, поскольку все конфликты здесь не разрешены, а лишь «заморожены», и основа для возможного возобновления военных действий сохраняется. Менее значимыми, но достаточно реальными угрозами безопасности развития государств региона являются неразрешенные территориальные споры, ирредентистские устремления «разделенных народов», конкурентная борьба кланов, финансово-экономических объединений и политических группировок. Наиболее актуальной угрозой для каждого из этих государств является внутренняя нестабильность, усугубленная социальной напряженностью;

– внешнеполитические ориентиры Азербайджана и Грузии, их взгляды на перспективы обеспечения безопасности расходятся с российским видением этих проблем. Контакты с Россией всех трех государств региона не мешают им благосклонно относиться к идее сотрудничества с США и НАТО, маневрировать между Москвой, Вашингтоном и европейскими столицами, играть на противоречиях между всеми ними или же становиться проводниками политики (как это делает Грузия), объективно нацеленной на выдавливание России из региона; против России работает финансовая и военная мощь США, поддерживающих лояльных им политиков. «Вестернизация» политической, интеллектуальной и деловой элит бывших советских республик Южного Кавказа идет быстрыми темпами; этому способствуют и завышенные ожидания – открытые или тща-

тельно маскируемые – представителей грузинского и азербайджанского истеблишмента на эффективную «гуманитарную интервенцию» стран Запада с целью «принудить к миру» самопровозглашенные республики на территориях бывших Грузинской и Азербайджанской ССР.

На территории так называемого «Большого Ближнего Востока» (некоторые исследователи называют его «Большими Евразийскими Балканами»), частью которого, по мнению американских аналитиков, выступает Кавказский макрорегион, сегодня происходит конкуренция глобальных интересов ведущих мировых держав. Именно на этой территории сегодня формируются политические и экономические проекты, которые будут определять «историческую физиономию как минимум первой половины XXI века».

Среди мировых центров сил, определяющих новый вектор развития геополитического процесса в регионе, прежде всего следует назвать исторических геополитических соперников: Россию и Запад (США, Евросоюз, НАТО). Однако главными акторами кавказской геополитики сегодня, безусловно, выступают Россия и Соединенные Штаты. Для Америки определение стратегической инициативы в этом регионе мира означает сохранение своего глобального лидерства. Для России участие в ближневосточно-каспийских проектах является шансом сохранения себя в истории: если не в статусе великой империи, то хотя бы в качестве регионального «работающего пенсионера». Роль Евросоюза хотя и становится здесь все более значимой, все же значительно ниже возможностей РФ и США. Что касается НАТО, то эта организация по-прежнему выступает в качестве военно-политической связки между Европой и Америкой, где главную роль играет Вашингтон (попутно отметим, что большинство европейских членов НАТО одновременно входит в ЕС).

Растущая вовлеченность Запада в политические процессы на Южном Кавказе не может не вызывать обоснованного беспокойства России. Речь идет о том, что его присутствие стимулирует конфликтность и процессы милитаризации в регионе. Усиление военного присутствия США, ведение разведки с сопредельных территорий Южного Кавказа (ЮК) сопровождаются разыгрыванием «политических карт» – в Чечне и ряде других регионов РФ.

В списке американских внешнеполитических приоритетов Кавказ занимает весомое, но далеко не самое важное место. Значительно актуальнее для США проблема ближневосточного урегули-

рования, сердцевиной которого выступает палестино-израильский конфликт, ситуация в Ираке и Афганистане. Поэтому коренное переустройство Кавказа может начаться лишь после претворения в жизнь американского проекта «Большого Ближнего Востока». Хотя после оккупации Ирака США получили больше возможностей для вмешательства в ситуацию на Кавказе, они пока не могут проявлять большую активность на кавказском направлении. Администрация Буша слишком связана решением иракской и иранской проблем, других вопросов, чтобы пойти, к примеру, на прямое военное вмешательство в Абхазии и Южной Осетии, что означало бы неминуемую конфронтацию с Россией. Поэтому официальный Вашингтон пока избегает такого развития событий в данном регионе. Для ограничения роли России и ее последующего полного вытеснения с Кавказа американское руководство использует своих местных союзников, которым оказывается политическая и финансовая поддержка. Контуры будущего переустройства Кавказа по-американски уже отчетливо вырисовались. Главной задачей США и их союзников по НАТО является интеграция трех южнокавказских республик в евро-атлантическое сообщество и, таким образом, полное прекращение сохраняющихся рудиментов «российской монополии» на Кавказе. При этом вступление государств ЮК в состав ЕС не предусматривается, как представляется, даже теоретически, и главным инструментом такой интеграции должен стать военный блок НАТО. По мнению администрации США, Кавказ должен стать следующим этапом расширения Альянса, и наилучшим вариантом считается одновременное вступление в НАТО Азербайджана, Армении и Грузии. Подобная перспектива горячо поддерживается официальным Тбилиси и с определенными оговорками Баку, который требует до этого обеспечить вывод войск Армении из Нагорного Карабаха и других «оккупированных» территорий и вернуть их под контроль азербайджанского правительства. России при этом отводится весьма скромная роль в грядущем переустройстве Кавказа. Как подчеркивают американские политики и эксперты, решение имеющихся проблем ЮК при посредничестве Российской Федерации невозможно в принципе, так как РФ, якобы, все еще больна авторитаризмом и имперскими амбициями. По мнению некоторых отечественных экспертов, подобная позиция диктуется не заботой о демократии, а негативным отношением Запада к нежелательному, с его точки зрения, усилению России.

Глобальная политика США подкрепляется концептуально важными документами. Так, в новой «Стратегии национальной безопасности США», одобренной американским конгрессом в 2006 г., целью политики Соединенных Штатов провозглашается «обеспечение безопасного доступа к ключевым районам мира, стратегическим коммуникациям и глобальным ресурсам», а средством обеспечения такого доступа могут служить превентивные удары по любой стране мира. В целях реализации глобальных и региональных амбиций в последние годы изменяется концепция размещения американских военных баз в мире. В частности, Пентагон стремится переместить свои войска из Западной Европы на Восток. Это позволит приблизить вооруженные силы к богатым энергоресурсами регионам и потенциальным театрам военных действий, а также отказаться от услуг проявивших строптивость союзников, которые не поддержали США в войне против Ирака. Поэтому сегодня на смену избирательному размещению военных баз в экономически или геополитически важных для США регионах мира (Западная Европа, Ближний Восток, Япония и Корейский полуостров) приходит тотальный охват планеты. Трансформация военного присутствия США за рубежом идет двумя путями: за счет открытия новых баз и в результате «разукрупнения» старых. Пентагон намерен отказаться и от крупных военно-морских баз. На смену им должны прийти специальные транспортные платформы, так называемые «плавающие острова», которые могут стать не только альтернативой морской базе, но и заменить авианосцы и транспортные корабли. Перестройка системы американского военного присутствия за рубежом определяется прежде всего углублением энергетической проблемы в США, и в особенности усилением зависимости от импорта нефти. Рост потребления нефти на ближайшие 20 лет увеличится на 33%, а газа – более чем наполовину. Следующий фактор – геополитический: контролируя мировые нефтяные потоки, США не только решают свою энергетическую проблему, но и получают колоссальный рычаг давления на всех возможных конкурентов (ЕС, Китай, Япония, Индия).

Для России планы по передислокации американских сил означают дальнейшее окружение российской территории сетью американских и натовских военных баз, а также вытеснение России из сфер ее традиционного влияния. Россия продолжает оставаться для США главным оппонентом и препятствием для реализации их геополитических планов в регионе.

Мы солидарны с мнением авторитетного отечественного этнолога и кавказоведа С. Арутюнова, который справедливо отметил, что «государства Южного Кавказа повернуты друг к другу спинами. Наименьшая отчужденность в силу общих нефтедолларовых интересов и определенной антисепаратистской солидарности имеется между Грузией и Азербайджаном. Наибольшая враждебность проявляется между Арменией и Азербайджаном, а между Арменией и Грузией – отчужденность средней степени, она подогревается общим просепаратистским менталитетом армян и общей прорусской ориентацией Армении при явно антирусской ориентации Грузии. Однако прочное сближение Грузии и Азербайджана вряд ли возможно в силу больших культурных и религиозных различий и многовековой привычки практически всех христиан мира относиться к мусульманам с недоверием и пренебрежением». Именно отсутствие единства среди государств региона предопределяет их пребывание в рядах объектов, а не субъектов геополитики, чем пользуются иные центры силы, прежде всего мировые державы. США обеспечили себе центральную роль в строительстве вооруженных сил Грузии, запустив в мае 2002 г. программу по их оснащению и обучению стоимостью в 64 млн. долл., призванную усилить возможности грузинских военных, как было заявлено, по борьбе с терроризмом и снять напряженность между Тбилиси и Москвой в связи с присутствием чеченских боевиков в Панкисском ущелье. При этом рост военных расходов Грузии в последние годы носит беспрецедентный характер. В настоящее время Грузия превращена собственным правительством в государство с ограниченным суверенитетом и в заложника трудно прогнозируемых глобальных политических изменений. В ближайшей перспективе рассчитывать на изменение нынешнего антироссийского курса Тбилиси не приходится, так как умеренные (а тем более – пророссийские) силы в грузинской политической элите практически отсутствуют. Во многом благодаря отказу тбилисского руководства от самостоятельной внутренней и внешней политики перспективы развития ситуации в Грузии и на Кавказе в целом теперь во многом зависят от политики внешних по отношению к региону игроков – прежде всего США.

На территории Азербайджана американцы намерены использовать авиабазы «Насосная» и «Кюрдамир», а также международный аэропорт в Баку. Вашингтон пообещал выделить этой республике 10 млн. долл. для усиления охраны границ, совершенство-

вания инфраструктуры связи и помощи его правительству в проведении операций, направленных на борьбу с «распространением оружия массового поражения». Представители Пентагона начали с Баку переговоры о разработке масштабной совместной программы в области обучения войск и подняли вопрос о возможности создания военных баз в этой стране. В настоящее время США настойчиво стремятся реализовать в Азербайджане программу «Каспийский страж». Согласно ей планируется формирование отрядов специального назначения и сети полицейских сил, способных оперативно реагировать как на атаки террористов на нефтепроводы, так и на любые чрезвычайные обстоятельства в прикаспийских странах. Командный центр программы «Страж», оснащенный новейшими радарными установками, предполагается разместить в Баку, и в ареал его ответственности будет входить вся каспийская зона. США также предполагают разместить воинский контингент в 15 тыс. военнослужащих для охраны нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан. При этом игнорируется тот факт, что в Азербайджане принят Закон о национальной безопасности, который запрещает размещение на территории страны иностранных военных баз. Поэтому будущие базы называют термином «временно размещенные мобильные силы». При этом под угрозой закрытия оказывается единственный оставшийся в стране российский военный объект – Габалинская РЛС. В то же время на севере и юге Азербайджана в 2006 г. построены и уже действуют две американские РЛС. Для возможного нанесения воздушных ударов по Ирану с территории Азербайджана могут быть использованы аэродромы: Гала (Апшерон), Баку-Бина, Сумгаит (Насосный), Гарачала (Сальян), Лянкяран, Курдамир, Евлах, Гянджа, Далляр, Нахиджеван, которые реконструированы американцами.

В сфере международной политики Армения, в отличие от соседней Грузии, отказалась проводить однозначно проамериканскую политику. Принцип комплиментаризма предусматривает обеспечение «равновесного положения» между различными военно-политическими блоками, чьи интересы непосредственно касаются Кавказского макрорегиона. В реальности же Ереван проводит пророссийскую политику, так как она в наибольшей степени отвечает государственным интересам Армении на современном этапе. Вашингтон демонстрирует всевозрастающее раздражение тесным сотрудничеством между Арменией и Россией, сотрудничеством

Армении с Белорусией в военно-технической области, а также интенсивным развитием армяно-иранских отношений.

Очевидно, что внешняя политика США, в том числе в Кавказском макрорегионе, диктуется не столько необходимостью борьбы с мировым злом в лице международного терроризма или проблемой безопасности путей транспортировки энергоносителей, сколько строительством нового мирового порядка. Иными словами, террористические угрозы и каспийские энергоресурсы не являются ключевыми факторами, детерминирующими геополитику Соединенных Штатов в этом регионе Евразии. Дальнейшее сокращение военного и экономического присутствия России на фоне проникновения на Кавказ США и НАТО может решительно изменить сложившийся баланс политических сил в неблагоприятном для России плане.

В последнее время российская политика на Кавказе активизировалась, что обуславливается возросшим потенциалом России. Этому же благоприятствует и современная международная обстановка (укрепление ШОС, ОДКБ и ЕврАзЭС, тупиковая для США ситуация в Ираке и Афганистане, рыхлость и частичная недееспособность расширившегося ЕС, зависимость США и ЕС от российских энергоносителей). Россия имеет все возможности улучшить ситуацию на Кавказе, если будет последовательно и настойчиво использовать имеющиеся для этого возможности, применять разнообразные средства и методы. Для этого России необходимо покончить со своей прежней вялой политикой «ответов на вызовы» и перейти к политике моделирования ситуации в нужном для нее направлении. Особенно важно, чтобы реакция на происходящие события была оперативной и адекватной, чтобы использовались все возможности, которые возникают в результате происходящих в регионе и мире событий. Целью такой политики должно быть не сохранение остатков былого политического и экономического влияния, а его постоянное и планомерное усиление в масштабах всего Кавказа. В завершение можно сделать вывод: для эффективного противодействия деструктивным тенденциям на Кавказе и отстаивания национальных интересов РФ в регионе необходимо, в первую очередь, противодействовать главному игроку «Большой Игры» (США), предусматривать его очередные ходы, проводить систему превентивных мер по недопущению и профилактике межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Реагируя только на следствия глобальной стратегии США в регионе, Россия бу-

дет вынуждена отступать и постепенно сдавать позиции. Единственный способ выиграть – занять активную позицию в «Большой Игре», осознав предварительно ее условия, содержание, систему взаимосвязей и соответствий.

«Этнополитическая безопасность Юга России в условиях глобализации», Махачкала, 2008, с. 30–47.

Марина Михалёва,

политолог

КАСПИЙ – ЗОНА СОПЕРНИЧЕСТВА ИЛИ СОТРУДНИЧЕСТВА?

После распада СССР в зоне Каспийского моря, как и на всем евразийском пространстве, изменилась геополитическая ситуация – к традиционным региональным державам России и Ирану добавились три независимых прибрежных государства (Азербайджан, Казахстан и Туркменистан). Новый период прикаспийского развития стал в значительной степени определяться возрастанием роли региональных межгосударственных связей на основе военно-политических, экономических, социокультурных и иных факторов. Как следствие – трансформация общественно-политических условий повлекла за собой изменение переговорного формата, выведя его на «пятисторонний» уровень, в рамках которого наряду с застарелыми проблемами региона особого внимания потребовали к себе вновь возникшие. Уникальное геополитическое положение Каспия определило его роль аккумулятора крупных очагов региональных конфликтов на Северном и Южном Кавказе, в Центральной Азии, а также других зонах нестабильности, лежащих на транспортно-транзитных направлениях. Это заставило расширить формат бассейна Каспийского моря, включив в него такие страны, как Армения, Грузия, Турция, Узбекистан, что, по существу, поставило вопрос о новых подходах к системе региональной безопасности, требующих выявления функциональных интересов каждой группы государств для последующей выработки согласованных решений.

Каждое из прикаспийских государств в той или иной мере оказалось вовлеченным в современный процесс глобализации. Многие проблемы глобального характера (терроризм, распространение ОМУ, деятельность транснациональных преступных сообществ, вооруженные конфликты) стали представлять угрозу не

только национальным интересам, но и сохранению устойчивости региональной системы в целом. В урегулирование данных проблем стало вовлекаться все большее количество участников. К тому же, Ближний и Средний Восток, представляя собой самостоятельный конфликтный узел, продолжали оказывать влияние на регион, определяя мозаику и соотношение интересов участников международных отношений в зоне Каспия. Появилось поле многовекторного и многоуровневого соперничества, в рамках которого сформировался «глобальный формат» урегулирования ситуаций и споров вокруг Каспия.

Столкнувшись после распада СССР с затяжным экономическим кризисом, государства всевозможными способами стремились уладить комплексы национальных политико-экономических проблем. При этом различный уровень сырьевых запасов, социально-политических и иных возможностей стали в существенной степени оказывать влияние на выработку их внешнеполитических стратегий. Разрыв технологических и производственных связей между соседями, переход к рыночной экономике в условиях резкого экономического и, в большинстве случаев, политического кризиса привел государства региона к значительному спаду промышленного производства, ориентации стран Каспия на экономически развитые мировые державы. В свою очередь и со стороны внешних сил началась активная работа по установлению политических контактов с новыми независимыми государствами. Добавились внешние составляющие нестабильности в регионе в виде геополитических и геоэкономических интересов крупных мировых игроков – США, Евросоюза, Китая.

Геостратегическая борьба за выбор маршрутов транспортировки нефти явилась наглядной иллюстрацией взаимоотношений основных игроков этой борьбы. Трубопроводы стали мощным инструментом политического влияния на отдельные государства Прикаспийского региона.

Сегодня продолжается активное сотрудничество государств как внутри региона, так и за его пределами, благодаря успешной эксплуатации Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) Россия–Казахстан, проектам Атырау–Самара (Россия–Казахстан), Баку–Новороссийск (Россия–Азербайджан). В мае 2007 г. в результате трехсторонней встречи президентов России, Казахстана и Туркменистана появилась договоренность о прокладке нового прикаспийского трубопровода в коридоре существующего «Средняя

Азия–Центр-3» в северном направлении – через территорию России для транспортировки углеводородных ресурсов с запада Туркмении, а в декабре 2007 г. в Москве состоялось подписание соответствующего соглашения. В этом же году удалось договориться с болгарскими коллегами о завершении строительства Балканского трубопровода Бургас–Александруполис. Кроме этого, Болгария (в феврале 2008 г. к ней присоединились Сербия и Венгрия, в апреле – Греция) согласилась проложить часть газопровода «Южный поток» по своей территории. Этот проект стоимостью около 20 млрд. долл. предполагает прокладку труб по дну Черного моря и доставку природного газа из России напрямую в Европу и является прямым конкурентом газопровода Nabucco – европейской инициативы по поставке каспийского и среднеазиатского газа в Европу в обход России (через Турцию, Болгарию, Румынию, Венгрию и Австрию). В то время, когда правительства Болгарии, Венгрии и Сербии заявляют о том, что сделки с российскими топливно-энергетическими компаниями повышают энергетическую безопасность в Европе, в большинстве других европейских стран уверены в увеличивающейся энергетической зависимости от России и видят в этом опасность своим национальным интересам.

Глобальная борьба за потоки каспийской нефти и газа сохраняется, корректируя карту прежних советских трубопроводов. Диалог с Москвой не мешает крупным международным игрокам одновременно пытаться проводить политику усиления своего контроля над нефте- и газопроводами стран СНГ. Так, пражский саммит ЕС (май 2009 г.) был посвящен вопросам новой европейской программы «Восточное партнерство», на основе которой шесть бывших союзных республик, обладающих транзитными мощностями в западном направлении, выразили намерение придерживаться курса политического сближения и экономической интеграции в рамках предлагаемых европейцами условий. На этой же встрече лидеры ЕС постарались сблизить свои позиции по проекту Nabucco с Турцией – сторонам удалось при участии Азербайджана и Грузии подписать декларацию о строительстве трубопровода и наметить предварительные сроки заключения транзитного соглашения. 13 июля 2009 г. в Анкаре между Австрией, Болгарией, Венгрией, Румынией и Турцией состоялось подписание межправительственного договора. Таким образом, надежды ЕС на начало практических шагов по реализации данного проекта начинают оправдываться – 1-я фаза строительства, включающая прокладку трубопровода по террито-

рии Турции и Австрии протяженностью 2 тыс. км, намечена на 2010 г.

У Анкары же, благодаря достигнутым договоренностям, появляется не только возможность занять более уверенные политические позиции в переговорах с ЕС по проблемным двусторонним вопросам, в частности о вступлении Турции в ЕС, но и усилить к себе внимание лидеров прикаспийских государств, заинтересованных в будущей диверсификации поставок своих энергоносителей на мировой рынок. Быстрые темпы роста экономики еще одного крупного международного игрока – Китая увеличивают его потребление энергоресурсов. В последние годы государство занимает второе место среди крупнейших потребителей нефти в мире (после США). Прикаспийскими приоритетами для страны остаются проекты строительства нефтепроводов из Казахстана. Отдельный интерес для Китая представляют энергетические и транзитные возможности Туркменистана и других среднеазиатских республик, в частности направленные на реализацию проекта газопровода Туркменистан–Китай, соглашение о строительстве которого достигнуто сторонами 3 апреля 2006 г. В перспективе Китаем рассматривается наращивание темпов энергетического сотрудничества с Россией.

В значительной мере ситуация на Каспии продолжает определяться энергетической и геостратегической политикой крупной мировой державы – США. Включение закавказских и среднеазиатских республик бассейна Каспийского моря в сферу своего влияния, военно-политическое вмешательство США в урегулирование региональных конфликтов послужили формированию агрессивной среды столкновения интересов региональных и внешних политических сил. Новый статус «независимых и суверенных государств» не избавил бывшие союзные республики от старых, «тлевших» до поры до времени внутренних проблем. Очевидно, в расчете на помощь Запада в решении этнотерриториальных конфликтов ряд государств внимательно изучает варианты развития военно-политического сотрудничества с внешними силами, в частности США и НАТО. Как справедливо отмечают российские эксперты, «объективно растущая потребность Соединенных Штатов в энергоресурсах является основной причиной их повышенного внимания к Каспийско-Центральноазиатскому региону, однако закономерным следствием такого внимания становится рост военной напря-

женности и усиление геополитической конкуренции с другими ключевыми мировыми игроками».

Трагическим последствием столь несбалансированной политики США на Южном Кавказе стало обострение вооруженного грузино-осетинского конфликта (август 2008 г.), в урегулирование которого вплетены как интересы противоборствующих сторон, так и геополитического окружения (России, Азербайджана, Армении и др.). В этой связи одним из самых острых остается вопрос военно-технического сотрудничества прикаспийских стран, а также присутствия вооруженных сил внерегиональных государств и военно-политических блоков в зоне Каспия. Особенно это актуально в условиях неурегулированности правового статуса Каспийского моря, взрывоопасных конфликтов на Кавказе, а также напряженной политической ситуации вокруг ядерной программы Ирана.

Появление на пространстве СНГ разноформатных субрегиональных объединений (ОДКБ, ШОС, ГУАМ), в первую очередь, было обусловлено стремлением государств к поиску оптимальных путей межгосударственной кооперации в вопросах коллективной и национальной безопасности. В конце 1993 г. три прибрежных государства – Азербайджан, Россия и Казахстан стали участниками девятистороннего военно-политического сотрудничества в рамках СНГ – Договора о коллективной безопасности (Ташкентского договора), но в апреле 1999 г. Азербайджан отказался продлить свое участие в ДКБ. В октябре 1997 г., вступив в региональное объединение ГУАМ, Азербайджан положил начало своему политическому партнерству с Грузией, Украиной и Молдавией и активизации интеграции в европейские и евроатлантические структуры. Основные точки соприкосновения интересов не вуалировались – это проекты международного сотрудничества в освоении углеводородных ресурсов Каспия и экспорте сырья в обход российской и иранской территорий (первыми стали два нефтепроводных проекта – Баку–Супса с 1999 г., Баку–Тбилиси–Джейхан с 2005 г.). Планируется создание транспортного коридора «Европа–Кавказ–Азия» (ТРАСЕКА) – европейского проекта в рамках программы ТАСИС, предложенного ЕС в 1998 г. для транзита грузов и пассажиров через территорию республик Южного Кавказа и Центральной Азии.

Реализация новых трубопроводных проектов при активном участии стран Запада явилась хорошим поводом для объявления ими стратегической задачи защиты энергетических богатств Каспийского моря и маршрутов транспортировки. С 2005 г. Пентагон

не оставляет намерения по реализации программы «Каспийский страж» (Caspian Guard), в рамках которой планируется создание в Азербайджане (а впоследствии и в Казахстане) сил специального назначения для обеспечения безопасности во всем Прикаспийском регионе. При финансовом участии США, а также их союзников, на территории прикаспийских государств создаются новые военные объекты (строительство двух РЛС в Азербайджане, военной базы в казахстанском Атырау). Флот прибрежных республик периодически пополняется за счет военных судов, произведенных в США. Уже не первый год в прилегающей к Каспию зоне организуются военные учения НАТО. В мае 2009 г. на Южном Кавказе – в Грузии, где по-прежнему сохраняется деструктивный потенциал, Альянс провел очередные учения военнослужащих стран НАТО и их партнеров – Cooperative Longbow 09/Cooperative Lancer 09. На этот раз в числе стран, воздержавшихся от участия, фигурирует Казахстан.

Не подлежит сомнению, что присутствие на Каспии военных флотов прикаспийских стран необходимо для обеспечения региональной безопасности, так как отвечает внутренним задачам борьбы с преступностью, гарантирует бесперебойную работу нефтедобывающих, транспортных, рыболовных и иных компаний. Кроме этого, зона Каспия является пограничной для пяти прибрежных стран. Однако дислокация военных формирований любых третьих сил на Каспии может самым негативным образом повлиять на взаимоотношения между соседями.

Только пять прибрежных государств обладают суверенными правами в отношении Каспийского моря и его ресурсов. Государства согласились с тем, что до определения нового правового статуса Каспия судоходство и рыболовство должны осуществляться исключительно под флагами прикаспийских стран.

Неурегулированный правовой статус Каспия – одна из самых сложных проблем региона, в потенциале которой как различные споры, так и вооруженные конфликты. Каждое из пяти прибрежных государств на протяжении длительного времени отстаивает собственную позицию по данному вопросу. Лишь в последнее время некоторым из них удалось их сблизить. Если по дну Каспия еще удастся договориваться, то выработать единую точку зрения по вопросу водной поверхности – будет ли она общей или нет – государствам региона довольно проблематично. В урегулировании этого вопроса содержится ключ к решению многих других региональных

проблем: эффективное использование минеральных и природных ресурсов уникального водоема, условия рыболовства и навигации, охрана окружающей среды, демилитаризация Каспийского моря.

Причины все еще сохраняющейся непоследовательности и разновекторности внешнеполитических курсов некоторых прикаспийских республик в решении данного вопроса объясняются, в частности, ожиданиями поддержки их претензий на заявленные участки Каспия со стороны крупных внешних игроков, заинтересованных в доступе к энергоресурсам. После нападения Грузии на Южную Осетию (август 2008 г.) заметно возросла роль ОДКБ. На саммите в сентябре 2008 г. государствами – членами Организации были приняты решения по укреплению военной составляющей коалиционного взаимодействия, уделено особое внимание случаям применения силы. В 2009 г. в рамках Организации начали реализовываться планы по созданию Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ. Среди задач создаваемого военно-силового потенциала предусматривается также противодействие кризисным ситуациям, возникающим в зоне ответственности ОДКБ, куда входят территории России и Казахстана. Сходство интеграционных ориентаций этих двух прикаспийских соседей является их характерной особенностью.

Россия и Казахстан демонстрируют тесные политические связи по прикаспийской проблематике. Так, эти государства стали первыми, кто достиг Соглашения о разграничении дна северной части Каспийского моря. Кроме этого, стороны смогли договориться о разработке на паритетных началах трех спорных крупных нефтяных месторождений в северной части Каспия.

В январе 2001 г. во время визита президента России в Баку аналогичные договоренности о размежевании дна Каспия были достигнуты между Россией и Азербайджаном. В этом же году Азербайджан и Казахстан на двусторонней основе пришли к соглашению о разделе дна Каспийского моря по секторам.

Туркменистан, входя в четверку ведущих мировых производителей природного газа, на протяжении длительного времени проводит сдержанный политический курс на участие в региональной жизни и занимает нейтральную позицию в мировых процессах. Тем не менее, например, по проблеме правового статуса Каспийского моря, Туркменистан не раз заявлял о том, что данный вопрос может быть решен только на пятисторонней основе, и настойчиво выступает за разработку и принятие Конвенции о правовом статусе

Каспийского моря. Для Туркменистана поиск компромисса очевиден, так как темпы решения споров о принадлежности месторождений нефти и газа оказывают прямое воздействие на интенсивность развития ряда экономических отраслей страны.

Для Ирана основной экономической интерес представляет Персидский залив, так как именно там находятся основные запасы его нефти. Тем не менее Каспийскому морю Иран уделяет большое геополитическое внимание, связывая с ним свои планы и возможности в будущем. Иран – крупнейший мировой производитель нефти и газа (2-е место в мире по запасам газа) – стремится противодействовать интересам США как на Ближнем Востоке, так и на Каспии, руководствуясь стратегическими соображениями собственной безопасности, а также стремлением к расширению своего политического и экономического влияния в регионе. Иранское руководство заинтересовано в присутствии антиамериканских сил и настроений на Кавказе, однако в отношении соседних исламских стран прозападной ориентации придерживается сдержанной позиции. При рассмотрении перспектив реализации экспортных проектов в южном направлении Иран, имеющий выход в Персидский залив и Южную Азию, представляет большой экономический интерес для прикаспийских государств. Ирану также выгодно внимание соседних стран по региону, так как реализация южных маршрутов снижает возможности США изолировать его от мировых рынков энергоресурсов.

Однако разновекторная ориентация стран Каспия и широкое разнообразие политических предпочтений, а также отсутствие общего политического института, способного комплексно заниматься проблемами региона, пока мешают делать выводы о высоком уровне прикаспийской интеграции.

Среди инициатив, связанных с активизацией темпов региональной интеграции, отдельный интерес вызывает предложение по созданию региональной структуры в торгово-экономической сфере – Организации каспийского экономического сотрудничества. Данный проект получил широкое обсуждение в ходе межправительственной экономической конференции в Астрахани (октябрь 2008 г.). Вместе с тем, идея реализации возможностей прикаспийских государств по формированию коллективного механизма противодействия современным угрозам и вызовам на Каспии, по которой идет обмен мнениями в рамках встреч экспертов по вопросам безопасности, также требует своего дальнейшего развития. Значе-

ние взаимодействия в данном направлении не раз подчеркивалось в документах, определяющих приоритеты национальной политики в области безопасности в государствах Прикаспийского региона.

В условиях, предлагаемых современным миром, спектр международных, региональных и национальных проблем расширяется, интересы государств вовлекаются во все более тесную взаимозависимость, а это значит, что наряду с имеющимися противоречиями повышается вероятность совпадения этих интересов, появляется пространство для многостороннего сотрудничества. Поиск компромисса возможен лишь на основе взаимного уважения как геоэкономических интересов глобальных игроков, так и исключительных прав регионов на коллективную защиту их военно-стратегических и геополитических интересов. В какой-то мере показательно, что прикаспийские страны, оказавшись в эпицентре глобального геополитического противоборства, постепенно преодолевая прежние стереотипы в отношении друг друга, стали видеть в бывших советских республиках не только конкурентов, но и партнеров. Первые шаги на пути регионального сотрудничества, позитивный опыт взаимодействия последних нескольких лет показали, что в новых реалиях прикаспийские страны имеют шансы извлечь всестороннюю выгоду при условии соблюдения конструктивного и взвешенного подхода во внутрорегиональном общении. Ключ к вопросу – станет ли Прикаспийский регион, имеющий объективные основания как для сотрудничества, так и для соперничества, единым, интегрированным геополитическим и экономическим пространством или мы получим многочисленные соперничающие подсистемы и конфликтующие государства, преследующие исключительно собственные национальные интересы – в руках самих прикаспийских стран.

«Обозреватель-Observer», М., 2009, № 10, с. 52–60.

И. Федоровская,

политолог

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

В марте 2009 г. в Азербайджане состоялся референдум по внесению поправок в Конституцию страны. Он был инициирован азербайджанской правящей партией «Ени Азербайджан» («Новый

Азербайджан») и предлагал гражданам страны высказать свое отношение к 41-й поправке в 29 статьях Основного закона. Поправки носили самый различный характер. Одни были чисто технического свойства и предусматривали простое переименование некоторых государственных органов: аппарат президента теперь будет называться администрацией, а Национальный банк – Центральным банком. Другие касались усиления защиты прав граждан. Так, теперь никто не может подвергаться слежке, видео- и фотосъемке, записи голоса и другим подобным действиям без его разрешения, за исключением предусмотренных законодательством случаев. Эта поправка, кстати, вызвала неоднозначную реакцию в оппозиционных кругах. Многие азербайджанские правозащитники сочли, что новая конституционная норма посягает на свободу средств массовой информации. Однако главным пунктом референдума был комплекс правовых норм, относящихся к президентским полномочиям. Это, во-первых, снятие ограничений на срок пребывания главы государства у власти (прежняя норма предполагала, что президент может избираться лишь два раза подряд). Кроме того, теперь в случае военных действий на азербайджанской территории срок полномочий президента и парламента может быть продлен. Иными словами, если в Нагорном Карабахе вновь обострится конфликт, что, как полагают эксперты, легко спровоцировать, очередные парламентские и президентские выборы в Азербайджане будут отменены.

Принятие поправок позволит президенту Азербайджана Ильхаму Алиеву, который в октябре 2008 г. был избран на второй пятилетний срок, после 2013 г. избираться главой государства неограниченное число раз, что еще больше упрочит традицию династического правления в республике, основанную его отцом Гейдаром Алиевым. Последний руководил еще советской Азербайджанской республикой с 1969 по 1982 г., а потом с 1993 по 2003 г. был президентом независимого Азербайджана.

Впрочем, Ильхам уже давно не просто сын своего отца, но вполне самостоятельный политик. Так, член научного совета Московского центра Карнеги А. Малашенко заявил, что «И. Алиев сумел в первые же месяцы своего первого президентского срока наладить отношения со всеми ключевыми игроками как внутри страны, так и за ее пределами. США, Россия, Турция, Иран и Великобритания (т.е. страны, участвующие в добыче нефти в Азербайджане) оказали ему поддержку. Сейчас реальной альтернативы Алиеву, при всем уважении к демократическим институтам, нет».

И. Алиев весьма популярен в Азербайджане, и большинство граждан отнюдь не против, чтобы он оставался президентом без ограничения срока пребывания на этом посту. Такое отношение обусловлено прежде всего тем, что правление И. Алиева совпало с экономическим подъемом Азербайджана, который во многом был вызван высокой ценой на энергоносители. В 2008 г. страна, население которой составляет 8 млн. человек, получила от продажи нефти 20 млрд. долл. В период между 2003 и 2007 гг. ежегодный рост ВВП в среднем составлял 20%, что позволило Азербайджану войти в число наиболее динамично развивающихся экономик мира.

Нефтедоллары позволили Баку выделять крупные средства на реализацию социальных программ и активно перевооружать армию. В 2009 г. военные расходы страны должны составить 2,3 млрд. долл. Эта сумма почти равна всему бюджету Армении (2,6 млрд. долл. в 2009 г.), с которой Азербайджан формально находится в состоянии войны. Однако мировой кризис может ударить по амбициозным планам руководства республики и обострить ситуацию в стране. Уже сейчас наблюдается кризис во многих отраслях производства. Кроме того, резко сократились поступления от азербайджанской диаспоры, в основном из России, где проживает, по разным оценкам, от 600 тысяч до 1 млн. азербайджанцев. В настоящий момент десятки тысяч азербайджанских гастарбайтеров не могут найти работу. Это создает напряженность в самом Азербайджане и, как считают наблюдатели, в будущем может сказаться на популярности И. Алиева.

Политологи предполагают, что именно экономические трудности и сопряженные с ними социальные потрясения заставили азербайджанские власти поторопиться с референдумом. Одно дело менять конституцию в условиях стабильности и высоких темпов экономического роста, другое – в разгар кризиса. Тогда тяжелое экономическое положение может вызвать у обедневшего населения активный протест, которым не преминет воспользоваться оппозиция. Бакинские власти не забыли о событиях 2003 г., когда президентские выборы сопровождались масштабными акциями неповиновения.

Международные наблюдатели, присутствовавшие на последнем общенародном голосовании в Азербайджане, особых нарушений в его проведении не выявили, однако выразили озабоченность последствиями, к которым может привести реализация принятых норм. Наиболее четко это сформулировано в заявлении Европей-

ской комиссии за демократию в рамках закона, более известной как Венецианская комиссия. По мнению ее представителей, четкие ограничения пребывания главы государства в должности должны существовать в любой демократической стране, чтобы помешать президенту превратиться в авторитарного лидера. Конституционная лимитация сроков пребывания президента в должности призвана ограничить риск негативных последствий с точки зрения демократии. Регулярная сменяемость власти, по мнению Венецианской комиссии, – это тот метод, который позволяет предотвратить чрезмерное сосредоточение полномочий в руках одного лица. Впрочем, в Азербайджане не согласны с позицией Венецианской комиссии. Исполнительный секретарь партии «Ени Азербайджан» Али Ахмедов «ничего антидемократического» в нововведении не видит. «Если народ избирает президентом одно лицо дважды, это является показателем доверия общества к главе государства. Поэтому необходимо предоставить населению возможность избирать данное лицо президентом и на третий, и на последующие сроки». Более того, Ахмедов считает, что «наличие ограничений на избрание президента при формировании властей на избирательной основе ни в одной стране мира не может считаться демократической нормой».

Следует отметить, что Азербайджан – не единственная страна в мире, где придерживаются подобных взглядов на порядок избрания президента. На постсоветском пространстве первым, кто обеспечил себе пожизненное президентство, был туркменский лидер С. Ниязов. Его примеру последовали президенты Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и Белоруссии, которая, кстати, является единственной страной в Европе, где не ограничен срок президентства. В феврале 2009 г. снятия ограничений на число президентских сроков для одного политика добился президент Венесуэлы Уго Чавес. О своем желании организовать референдум с аналогичными целями объявил и президент Боливии Эво Моралес. В целом, начало этой тенденции положил еще в 1963 г. президент Индонезии Сукарно. Через три года решение о его бессрочном президентстве отменили, однако пример оказался заразительным. В последующие 20 лет пожизненными президентами провозглашали себя главы Малави, Уганды, Туниса, Экваториальной Гвинеи, Центрально-Африканской Республики, Гаити, Филиппин и некоторых других государств. Впрочем, почти все пожизненные президенты впоследствии были свергнуты в результате военных переворотов

или отстранены от власти оппозицией. Единственный пока положительный опыт имеется только у Северной Кореи, когда пожизненный президент Ким Ир Сен объявил своим наследником сына Ким Чен Ира, который и стал после его смерти в 1994 г. руководителем страны.

Реакция в мире на события в Азербайджане была сдержанной. Общественные организации выразили озабоченность. ОБСЕ даже не прислала наблюдателей, считая референдум, как, кстати, и выборы 2003 г., незаконными. Официальные лица покритиковали Азербайджан за – как следует из заявления представителя Госдепартамента США А. Харпер – быстроту организации референдума и ограничения на проведение собраний и освещение в прессе предвыборных дебатов. Позиция Запада понятна. Правительствам стран ЕС и США не хочется идти на конфронтацию с Баку. Азербайджан обладает большими запасами нефти и газа, в разработке которых принимают участие компании этих стран. По его территории проходят нефтепроводы, поставляющие каспийскую нефть потребителям в Европе. Баку также является участником грандиозного международного проекта – строительства газопровода «Набукко». Поэтому европейские страны и США заинтересованы в сохранении стабильности в Азербайджане и лояльности его руководства, пусть даже и в ущерб некоторым демократическим принципам.

Кроме того, существует и российский фактор. На Западе опасаются, что жесткая позиция в оценке состояния демократии в Азербайджане может привести к тому, что бакинское руководство в лице Ильхама Алиева начнет проводить политику большего сближения с Москвой, что несомненно усилит позиции России в стратегически важном регионе.

*«Россия и новые государства Евразии»,
М., 2009, с. 92–96.*

Сергей Маркедонов,

политолог

**КАВКАЗСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА**

Сегодня в экспертных кругах России и трех бывших республик советского Закавказья весьма интенсивно обсуждается такой новый тренд, как «интернационализация» Южного Кавказа. При

этом, однако, все разговоры о внешних игроках, как правило, ограничиваются рассмотрением политических мероприятий Европейского союза, среди которых реализация мирного плана «Саркози–Медведев», а также программ «Восточное партнерство» и «Черноморская синергия» или американского геополитического проекта «Большой Ближний Восток». Между тем, Южный Кавказ привлекает серьезное внимание не только европейских и заокеанских политиков, но и ближайших «некавказских» соседей России по СНГ, причем об их приоритетах и интересах известно гораздо меньше. Новые постсоветские государства готовы самостоятельно выстраивать внешнеэкономические и политические отношения не только в «своих» регионах, но и в других частях бывшего Советского Союза. Среди стран Центральной Азии к таковым, безусловно, относится Казахстан – государство, занимающее вторую по площади территорию в СНГ и девятую в мире.

За период национальной независимости Казахстан не раз демонстрировал особое понимание кавказских проблем, не совпадающее как с официальной позицией Российской Федерации, так и со взглядами геополитических конкурентов России. В качестве примеров здесь можно сослаться на выстраивание внешнеэкономических связей с Грузией в 2005–2008 гг., участие в проекте трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД) или активизацию внешнеполитических инициатив в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Основные характеристики внешней политики Казахстана сложились в период распада СССР и сразу после подписания Беловежских соглашений. Вот что об этом пишет российский политолог и журналист А. Караваев: «Казахстан не может претендовать на “державную” политику в больших геополитических масштабах. К примеру, если Россия в своих задачах способна (или считает, что способна) оперировать такими понятиями, как “зона геополитического влияния”, способна выстраивать внутри этой зоны собственные системы связей и, в итоге, на определенных участках мирового пространства говорить на равных с мировыми лидерами... для Казахстана такая “большая политика” очевидно не подходит. Задача Астаны – малыми средствами достигать максимально возможных результатов».

Подобные внешнеполитические подходы объясняются в первую очередь непродолжительной историей казахстанской государственности (речь идет, конечно же, о современном национальном

государстве, а не об образованиях средневекового периода). Отсутствие собственных внешнеполитических традиций и незнание специфики страны ключевыми международными игроками поначалу ограничивали казахстанскую внешнюю политику двумя форматами. Первый можно назвать «знакомством с внешним миром». Он включал в себя выстраивание двусторонних отношений с различными международными структурами (ООН, ОБСЕ, Советом Европы, Организацией Исламская конференция), а также с влиятельными акторами, среди которых стоит выделить США, Европейский союз, Турцию, Японию, Южную Корею, Китай. Второй формат предполагал сосредоточение на механизмах региональной безопасности и интеграции в Центральной Азии. Собственно говоря, сам термин «Центральная Азия» для обозначения бывших среднеазиатских республик СССР был предложен казахстанским президентом Н. Назарбаевым в 1992 г.

Таким образом, в первое десятилетие независимости Казахстан практически не выходил за рамки центральноазиатской проблематики – создания Договора о коллективной безопасности (ДКБ) и участия в нем, обсуждения проекта Союза Центральноазиатских государств, влияния на разрешение внутривнутриполитического кризиса в Таджикистане. Однако в этом ряду имелось одно исключение, значение которого для формирования всей последующей казахстанской внешней политики трудно переоценить. Речь идет о том, что на закате существования Советского Союза Назарбаев предлагал посреднические усилия в разрешении нагорно-карабахского конфликта. 21–23 сентября 1991 г. президент России Б. Ельцин вместе с казахстанским лидером посетил конфликтный регион. Таким образом, был зафиксирован формат, который и сегодня многим представляется оптимальным. Целями подписанного в 1991 г. коммюнике были стабилизация ситуации в регионе, возвращение депортированного населения к местам постоянного проживания, освобождение заложников, размещение в зоне конфликта информационных групп из представителей России и Казахстана. В тот период посредническая миссия Назарбаева не увенчалась успехом. Однако именно Кавказский регион предоставил возможности внешнеполитической презентации и президента Казахстана лично, и всей внешней политики будущего независимого государства.

Именно тогда Казахстан впервые заявил о себе как о возможном беспристрастном посреднике в переговорном процессе,

как о стране, стремящейся к мирному решению этнополитических конфликтов. Карабахский дебют, впрочем, имел и внутривнутриполитическое значение. Президент Назарбаев, собственными глазами наблюдая за вооруженным противоборством вокруг спорных территорий, сделал ставку не на этнический национализм, а на концепцию гражданской нации. Именно это обстоятельство, вопреки типичным для самоопределения новых национальных государств эксцессам, удержало Казахстан от воспроизводства кавказского сценария. Сегодня во всех международно-правовых документах этого государства используется политическая («казахстанцы»), а не этническая («казахи») идентификация.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов внешняя политика Казахстана на кавказском направлении стала еще более интенсивной. За этим стояло несколько причин.

Во-первых, будучи одним из пяти (наряду с Азербайджаном, Ираном, Россией и Туркменистаном) прикаспийских государств, Казахстан имел собственное «кавказское окно» – прямой выход на Кавказ через Каспий, а потому был заинтересован в продвижении в этот регион. Еще на Стамбульском саммите ОБСЕ в конце 1999 г. руководство Казахстана документально зафиксировало свой интерес к участию в «политическом трубопроводе» Баку–Тбилиси–Джейхан, само упоминание которого вызывало тогда стойкую неприязнь и на Старой, и на Смоленской площадях. Спустя три года после Стамбула Астана перешла к экономической конкретике: 16 июня 2006 г. был подписан «Договор между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой по поддержке и содействию в транспортировке нефти из Республики Казахстан через Каспийское море и территорию Азербайджанской Республики». Интересна в этой связи мотивация действий и решений Казахстана, предлагаемая внешним наблюдателям. Участие в проекте БТД Астана рассматривает как одно из проявлений многовекторной внешней политики. 3 ноября 2008 г. по нефтепроводу пошла первая казахстанская нефть.

Во-вторых, кавказские приоритеты Казахстана во многом определялись внутренними соображениями. Новое государство с несформированной до конца политической идентичностью чрезвычайно опасалось (и продолжает опасаться) сепаратизма. Открывая VII Евразийский медиафорум в Алма-Ате 24 апреля 2008 г., казахстанский президент заявил: «Все существующие конфликты продолжаются, а угрозы не уменьшились. ...Мир вновь вплотную

столкнулся с проблемой сепаратизма, которая в этот раз вызвала настоящий кризис системы международного права. События в Косово и в Тибете сразу же вошли в арсенал средств, используемых в глобальной геополитической борьбе». Отсюда вытекает стремление к выстраиванию взаимовыгодных, прежде всего экономических, отношений с Грузией и Азербайджаном. Именно посредством экономического оздоровления закавказских республик Астана стремилась внести собственный вклад в «купирование» сепаратистской угрозы на пространстве бывшего СССР.

В ходе визита в Грузию в октябре 2005 г. Назарбаев заявил: «Я сравнил реформы в экономике с теми, которые осуществлялись в Грузии в трудные годы после развала СССР. И я убедился, с точки зрения Казахстана, в правильности реформ, которые сейчас проводит руководство Грузии». А вот мнение эксперта Казахстанского института стратегических исследований при президенте республики Г. Рахматуллиной: «[Для Казахстана] весьма актуально сотрудничество с Грузией, обладающей огромным транзитным потенциалом». Именно 2005 г. стал точкой интенсификации отношений Тбилиси и Астаны. Тогда казахстанский президент четко обозначил грузинское направление как одно из приоритетных для Астаны: «Мы хотим выйти в Черное море со своей нефтью, различными товарами, грузами, чтобы развивать торговлю. Мы хотим принять участие в процессе приватизации объектов в Грузии, в строительстве, в приобретении здесь промышленных объектов. Мы хотим иметь объекты отдыха и туризма на берегу Черного моря». За три последующих года Казахстан стал ведущим инвестором в Грузии, опередив Турцию и Великобританию и заняв мощные позиции – как в банковской сфере, так и в рекреационном бизнесе черноморского побережья Аджарии.

Однако начиная с минувшего года Казахстан резко «сбавил обороты» внешнеэкономической деятельности в Грузии. Основной причиной этой смены вех стали не «фактор Кремля» и не признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. Уместно напомнить, что в политическом плане позиция Астаны по двум конфликтам на Южном Кавказе всегда отличалась от российских подходов. Так, весной 2008 г. Казахстан отказался поддерживать инициативу Москвы по выходу из режима санкций против Абхазии, а после «пятидневной войны» Назарбаев фактически усомнился в официальной трактовке событий в Южной Осетии, предложенной Москвой, заявив, что «российские СМИ оценили ситуацию

как гуманитарную катастрофу и геноцид осетинского народа. Наверное, истина выяснится позже». А вот наблюдение эксперта по Центрально-Азиатскому региону С. Расова: «...самую филигранную технику дипломатии продемонстрировал экс-министр МИД РК, а ныне спикер Сената Казахстана Косым-Жомарт Токаев. Выступая в рамках осенней сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ в Торонто, сенатор сказал, что, с одной стороны, Казахстан “всегда принципиально выступает в защиту права народов на самоопределение и эта политика будет продолжена”. И тут же заявил об ответственном поведении лидеров государств для соблюдения “принципов защиты и обеспечения территориальной целостности”. И еще раз заверил мировое сообщество, что “Казахстан готов принять активное участие в миссии ОБСЕ в урегулировании ситуации на Кавказе”».

Конечно же, позиции Москвы принимаются Казахстаном к сведению. К этому Астану подталкивают и соседство с Китаем, которое для Казахстана с его большой территорией и малым населением является особенно важным, и озабоченность региональной безопасностью, начиная с радикального ислама и заканчивая террористической угрозой. Но одновременно нельзя не видеть самостоятельной казахстанской логики, предопределяющей решения по Грузии. Прежде всего, это влияние нынешнего финансового кризиса, который затронул Казахстан раньше, чем Россию.

Далее, это традиционные осторожность и избирательность внешней политики Астаны с присущим ей стремлением всеми силами избегать необоснованных рисков и авантюр, подобных той, что Грузия продемонстрировала в августе 2008 г.

В этой связи уместно отметить, что в отношении соседнего Азербайджана политический курс Казахстана не претерпел столь же решительных изменений. Баку стремится поддерживать равные отношения и с Российской Федерацией, и с Соединенными Штатами (а также с НАТО), и с соседним Ираном. Его внешнеполитическая философия близка казахстанскому руководству. О трубопроводе БТД уже говорилось выше: сотрудничество в рамках этого проекта после августа 2008 г. не прерывалось. Казахстан участвует и в другом важном для азербайджанской стороны начинании – в строительстве железной дороги Баку–Ахалкалаки–Тбилиси–Карс. По этому маршруту Казахстан в перспективе планирует экспортировать до 5 млн. т зерна в год. Причем в Баку уже введен в строй зерновой терминал мощностью до 800 тыс. т в год, где будет хра-

нить казахстанское зерно для его дальнейшего экспорта на мировые рынки.

Но помимо внешнеэкономических интересов и соображений внутренней стабильности, у Казахстана есть еще одно основание для вовлеченности в кавказские дела. Позиционируя себя в качестве «самого европейского государства» в Центральной Азии, Казахстан чрезвычайно заинтересован в сотрудничестве с международными институтами, занимающимися вопросами безопасности в Европе. В 2010 г. Казахстан первым из республик бывшего Советского Союза будет председательствовать в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Еще в 2008 г. Астана предложила для ОБСЕ «Дорожную карту укрепления межэтнического и межконфессионального согласия». В тот же период президент Назарбаев в качестве дополнительного акцента внешней политики Казахстана выделил разработку специальной программы «Путь в Европу». Среди ее главных приоритетов были названы экономическое сотрудничество Казахстана с ЕС, совершенствование управленческой системы государства, а также разработка собственного стратегического видения казахстанского председательства в ОБСЕ.

Напомним, что эта организация тесно вовлечена в процесс урегулирования конфликтов на Южном Кавказе. Миссия ОБСЕ в Грузии была создана в январе 1992 г., а в марте 1994-го ее мандат был расширен применительно к грузино-осетинскому конфликту. Нагорно-карабахский конфликт также является «зоной ответственности» этой организации, поскольку посредничеством между Ереваном и Баку занимается минская группа ОБСЕ, имеющая трех сопредседателей – от России, США и Франции. В настоящее время Россия и прочие члены организации существенно расходятся по поводу формата и перспектив миссии ОБСЕ в Грузии: Россия выступает за создание двух параллельных миссий: в Грузии и в Южной Осетии. Таким образом, в 2010 г. Казахстану вновь представится возможность продемонстрировать свои посреднические умения, причем именно в Кавказском регионе.

Таким образом, своей внешней политикой на Южном Кавказе центральноазиатское государство Казахстан доказывает ряд важных истин, которые до сих пор плохо усвоены российским политическим классом и экспертным сообществом. Главная из них заключается в том, что после распада СССР у бывших союзных республик более нет чувства братской «солидарности» и исторической «благодарности». На смену ему пришли национальный эгоизм

и собственные интересы в экономике и политике. Только эти интересы – а не фантомы евразийского единства и советского прошлого – определяют стратегию новых независимых государств. А потому Астана и впредь будет делать в Грузии и Азербайджане не то, чего хотят от нее в Москве, а то, что национальная казахстанская элита считает выгодным для себя. И никакие рассуждения о «марионетке Саакашвили» или «милитаризации Азербайджана» не будут учитываться, если на то не будет собственных резонансов. На прошлогоднем Евразийском медиафоруме в Алма-Ате высокопоставленный чиновник казахстанской администрации высказал автору этой статьи креативную мысль: «Две трубы всегда лучше, чем одна». В целом, пример Казахстана – удачная модель, доказывающая, что в реальности в СНГ вопрос: «С кем вы, с Россией или с Западом?» – не работает. Новые национальные государства сотрудничают с теми, кто видится им наиболее адекватным партнером в реализации их интересов. Это может быть не только Россия или Запад, но и Иран или Китай, Грузия или Азербайджан, Украина или Молдова.

«Неприкосновенный запас», М., 2009, № 4, с. 136–144.

Н. Борисов,

публицист

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА РОССИИ В КИРГИЗСТАНЕ

Тема образов, имиджей и технологий их формирования актуализировалась в отечественной науке и публицистике сравнительно недавно, но уже успела стать популярной и в известном смысле «модной». Это связано как с интенсивным освоением западного наследия по этим проблемам, долгое время недоступного или труднодоступного российским исследователям, так и с практическими задачами по формированию положительных (или отрицательных) образов различных объектов – от товара, производимого фирмой, до кандидата в депутаты, от предприятия до целого государства. Понятие образа страны связано с понятием «национальные стереотипы», а стереотип, в свою очередь, – это стандартизированный и устойчивый образ, позволяющий получить обобщенное представление о целой категории однородных явлений или объектов. Понятно, что стереотипы могут не соответствовать объектив-

ной ситуации в стране и базироваться на искаженной или неверно интерпретированной информации. Особенность стереотипа состоит еще и в том, что меняется он чрезвычайно медленно, передаваясь из поколения в поколение и являясь одной из характеристик политической культуры.

Что касается образов России на постсоветском пространстве, представляется, что только сейчас к российской политической элите приходит осознание необходимости целенаправленного формирования позитивного образа России. По-видимому, после распада СССР политическая элита России, даже если она и осознавала важность сохранения позитивного образа России в бывших союзных республиках, была убеждена в том, что этот образ будет сохраняться «сам по себе», без особых усилий с ее стороны, прежде всего в силу безальтернативности России как мощного культурно-цивилизационного центра, с которым республики прочно связаны экономическими и военно-политическими связями и общим историческим прошлым. Однако очень скоро стало понятно, что на постсоветском пространстве будет вестись жесткая конкуренция за влияние во всех сферах, и в том числе – за самый привлекательный образ страны (или цивилизации), понимаемый как набор устойчивых стереотипов, ценностных ориентаций, ожидаемого воздействия в отношении той или иной страны у населения данного государства. В конкуренцию вступили прежде всего США, Китай, региональные азиатские державы – Иран, Турция, Япония. Россия же, вступив в конкуренцию позже других, оказалось вынужденной делать попытки по «отвоеванию» части постсоветского пространства у соперников, в том числе и в информационно-психологическом противостоянии. Стало понятно, что формирование образа – один из важнейших ресурсов государства и факторов развития межгосударственного политического, экономического и военного сотрудничества.

Киргизская Республика в противостоянии региональных и мировых сверхдержав в целом оказалась на стороне России. Рассмотрим основные стереотипы, в совокупности формирующие образ России в Киргизстане. Для этого необходимо, во-первых, проанализировать некоторые особенности политической истории Киргизстана, его этнического состава, обстоятельства вхождения в состав России, во-вторых – изучить некоторые распространенные стереотипы в отношении России, сложившиеся у представителей политической элиты, в средствах массовой информации и в обще-

стве в целом. Примечательно, что в большинстве своем они имеют неполитический характер, однако в совокупности, безусловно, оказывают существенное влияние на российско-киргизстанские отношения.

Первые обращения киргизов к России были вызваны усилением давления на кочевников со стороны Коканда на западе и Китая на юге, а также борьбой из-за пастбищ с казахами на севере. Первое посольство киргизов в Россию было направлено еще в 1785 г., после чего Екатерина II выразила готовность покровительствовать этому народу и формально приняла его под покровительство России, хотя фактически киргизы в это время сохраняли независимость. В начале XIX в., в условиях кокандской экспансии и испытывая потребность в поддержке восстаний против Коканда, киргизы на собрании представителей основных родов приняли решение вновь просить российского покровительства. Киргизам необходимо было получить поддержку как для защиты от внутренних усобиц (оказания помощи в борьбе против других родов), так и для борьбы с внешними угрозами (прежде всего со стороны Коканда и Китая). Русские власти со своей стороны нуждались в беспрепятственном прохождении торговых караванов через кочевья далее на юг и в защите. Решающими событиями, повлиявшими на окончательное присоединение киргизов к России, стали захват в 1855 г. киргизами кокандской крепости Пишпек (нынешний г. Бишкек) и обращение к России с просьбой о принятии их в состав страны. В течение 1855–1863 гг. прииссыккульскими киргизскими родами (10 тыс. юрт) была принята присяга и скреплены двусторонние договоры о принятии киргизского народа в российское подданство. В 1863 г. была принята присяга киргизов Центрального Тянь-Шаня и началось фактическое установление власти России в северных районах. Южные киргизы, находившиеся в составе Кокандского ханства, вошли в состав России в 1876 г., сразу после его ликвидации.

Таким образом, присоединение киргизов было вызвано в первую очередь экономическими потребностями российских купцов, с одной стороны, и настойчивыми обращениями киргизских родов за поддержкой и покровительством к России – с другой (о том, что российские власти не считали принятие в состав империи киргизов приоритетной задачей, говорит тот факт, что ряд обращений киргизов к России долгое время оставался вообще без ответа). Обращает на себя внимание фактически добровольное вхождение

киргизов в состав России (в отличие от ряда других среднеазиатских народов). Что касается статуса территорий, на которых проживало киргизское население, и порядка его управления в составе империи, то новые институты, вводимые империей, не нужно было насаждать насильственно, ломая старые, поскольку государственных институтов у киргизов не было вообще. Территория расселения киргизов была разделена на волости и айлы. Волостные и айльные старшины избирались сроком на три года непрямыми выборами, утверждались затем военным губернатором и уездным начальником и подчинялись им. Манапы (представители местной родовой знати) переходили на службу российскому правительству.

С другой стороны, процессы колонизации киргизских земель и скупки за долги земель обедневшего оседлого населения не способствовали росту популярности российских властей и доверия к ним местных жителей. Об этом говорит и активное участие киргизов в известном восстании 1916 г., поводом для которого послужила мобилизация местного мужского населения в возрасте от 19 до 43 лет на военно-тыловые работы. Именно кочевники-киргизы стали наиболее активной частью восставших, а наибольшие потери мирного русского населения (более 2 тыс. убитых) были в районе восстания киргизов (Пишпек и Пржевальский уезд). Призыв местного населения в армию был воспринят как нарушение традиционного уклада жизни и традиционных представлений о границах вмешательства империи в жизнь местного населения. Некоторые представители русских властей прямо признавали, что киргизам «чуждо понятие о России как об отечестве, которое долг их защищать... К воинской повинности они питают непреодолимое отвращение».

Восстание показало, что за все время управления среднеазиатскими территориями Российской империей русские власти практически не смогли создать положительный образ России в глазах местного населения, не говоря уже о формировании российской наднациональной идентичности у местных жителей. В силу отсутствия «груза» государственности и признаваемых всеми правителей киргизы вошли с меньшими усилиями со стороны большевиков и в состав Советской России. В составе РСФСР была образована вначале Киргизская автономная область, затем Киргизская АССР, преобразованная в 1926 г. в Киргизскую ССР. При анализе высшего руководства Киргизской ССР (особенно в первые десятилетия ее существования) обращает на себя внимание крайне незначительная

доля национальной бюрократии: до 1950 г. первые секретари республиканского ЦК были русскими, а среди чиновников киргизы составляли от 10 до 15%. В связи с этим можно говорить о том, что до 1950-х годов Киргизия воспринималась союзным центром по-прежнему как автономия в составе России, руководство которой было лишено даже внешних признаков самостоятельности. Тем не менее только при советской власти киргизы формально обрели национальное государство, фактическое становление которого далеко не завершено и сегодня.

Еще одним фактором формирования образа России в Киргизстане является многосоставность общества. В киргизском обществе из-за кочевых традиций элементы классического трайбализма были выражены в более сильной степени, чем у оседлых среднеазиатских народов. Крупных родоплеменных объединений оставалось всего два (северное и южное), однако внутри себя они делились на большое количество родов. Другой особенностью киргизского общества является четкая иерархия бывших племенных образований: они выстраиваются по степени влиятельности, в том числе политической. Исторически наиболее влиятельными были представители северных родов, внутри которых также существует своя иерархия. Это порождало скрытый конфликт, который усугублялся тем фактом, что 2/3 населения Киргизстана всегда были сосредоточены в южных районах страны. Кроме того, процесс консолидации титульной нации затрудняли ее фактическое положение национального меньшинства и сильное влияние русскоязычного населения в северных районах и узбекского – в южных. В 1980-х годах киргизы составляли 52,4% населения республики (а в 1960-х годах – чуть более 40%), русские – 21,5, узбеки – 11,9, украинцы – 3,0, немцы – 2,8, татары – 2,0, прочие – 6,4%.

Особенность промышленной модернизации в Киргизстане заключалась в том, что она практически не коснулась этнических киргизов. Доля рабочих-киргизов, и так не слишком высокая, продолжала неуклонно снижаться за счет повышения числа рабочих из славянских республик СССР. Так, в энергетике киргизы составляли всего 6,3% рабочих, в машиностроении и металлообработке – 11, среди инженеров и техников киргизов насчитывалось 13%. Это привело не только к тому, что титульная нация оставалась «немодернизированной», но и к тому, что киргизы стали меньшинством в своей республике и составляли по переписи 1959 г. 40%, а 1970 г. – 42% населения. На протяжении всего советского периода киргизы

никогда не составляли более 20% городского населения. Таким образом, несмотря на высокие темпы развития промышленности, титульная нация в основе своей продолжала оставаться «сельской», сравнительно менее образованной и социально обеспеченной. По замечанию ряда авторов и жителей республики, русский язык в советское время превратился в Киргизии в неперемutable условие вертикальной социальной мобильности: получения качественного образования, высокого статуса, доступа в политическую элиту.

Таким образом, важным для формирования образа России в Киргизстане является, во-первых, фактический раскол киргизского этноса на несколько родоплеменных групп, различавшихся по языку, религии, социальному обеспечению, образованию, и, во-вторых, постоянное присутствие в республике большой доли русскоязычного населения. Оно расселялось преимущественно в крупных городах и на севере республики. Это послужило, с одной стороны, формированию благоприятного образа России как «великого культурного соседа», способствовавшего поднятию культурного, образовательного уровня населения Киргизии, с другой же стороны – дальнейшему усилению противоречий между северной и южной ветвью киргизов, поскольку «русификация» и секуляризация практически не коснулись юга республики. Тем самым была заложена возможность для формирования неоднозначного образа России в глазах населения республики в целом.

Еще один крайне важный фактор формирования образа России в Киргизстане – положение Киргизстана в постсоветской «системе координат». В современной ситуации «полураспада» СНГ на несколько конкурирующих между собой региональных политических, а сейчас и военно-политических образований Киргизская Республика всегда принимала сторону тех блоков, в которых ведущую роль играла Россия. Так, Киргизстан является членом ОДКБ, ШОС и ЕврАзЭС – трех ключевых международных организаций на постсоветском пространстве, инициатором образования и явным лидером которых выступала Россия. Приверженность целям этих организаций и членству в них была характерна для периода А. Акаева и подтверждена новым руководством во главе с К. Бакиевым. Киргизстан не был, подобно Узбекистану, менявшему стратегические направления внешней политики, членом если не антироссийских, то по меньшей мере создававшихся в качестве альтернативных пророссийским организаций, таких как ГУУАМ (ныне ГУАМ) и «Содружество демократического выбора». Все это

является исключительно важным фактором формирования положительных стереотипов в отношении России в общественном сознании.

Существует и еще один фактор формирования стереотипов – общеизвестная трудовая миграция киргизов в Россию. Среди них есть и те, которые более или менее постоянно обосновались в России, и те, кто бывает в России временно, лишь для продажи товаров. Киргизы подчеркивают неизбежность этого процесса, несмотря на ухудшающееся отношение к ним со стороны русских в России: «Работы здесь (в Киргизстане) нет, а если у кого и есть, то на такую зарплату семью даже едва прокормить невозможно. Вот и приходится возить товары в Россию, снося любые издевательства. При этом я не только свою семью, содержу, но еще и родственникам помогаю», – свидетельствует один из мигрантов.

Новая политическая элита во главе с президентом А. Акаевым, пришедшая к власти в республике в начале 1990-х годов, оказалась в крайне сложной ситуации. С одной стороны, перед ней стояла задача формирования национального киргизского государства и утверждения в качестве основы своей легитимации национальной идеологии, которая в одной из важнейших компонент должна была иметь, по аналогии с другими бывшими союзными республиками, негативный образ России (как завоевателя, эксплуататора, губителя национальной культуры, традиций, религии и пр.). С другой стороны, в ситуации с этническим расколом и значительным числом русскоязычного населения сделать это представлялось крайне затруднительным. В 1989–1993 гг. после принятия Закона о языке, объявлявшего единственным государственным языком киргизский, начался массовый отток русскоязычного населения в Россию: туда выехали почти 200 тыс. человек – наиболее образованная и квалифицированная часть трудоспособного населения. Именно поэтому элита пыталась создать компромиссную идеологию, формирующую в целом положительный образ России (другое дело, что зачастую не было никаких практических шагов, подтверждавших вводимые лозунги).

В работах А. Акаева можно проследить попытки создания образа России как «великого культурного соседа» и отчасти «старшего брата» Киргизстана, способного помочь киргизскому народу. А. Акаев подчеркивал, что его отец является прямым потомком знаменитого родоначальника Тагай-бия, верховного правителя киргизских племен в начале XVI в., и верховного правителя сары-

багышей Атаке-бия, снарядившего первых киргизских послов к Екатерине II, стремясь тем самым подчеркнуть свою преемственность в смысле добрососедских связей с Россией. Для России и Киргизстана, писал А. Акаев, характерно духовное единение, «родство душ наших народов, их искреннее доверие друг к другу, братство, скрепленное веками и общей трудной судьбой». Народ Киргизстана испытал «животворное влияние русской культуры». Что касается имперского и советского периодов, то и здесь Россия, по мысли А. Акаева, предстает в исключительно положительном образе: не колонизатора и угнетателя, а субъекта модернизации республики. А. Акаев отмечает, что Россия «для киргизского народа всегда была притягательным символом. У нас никогда не считали Россию колонизатором. Идущая из Москвы помощь помогла преобразовать республику, вывести ее на современный уровень». Вхождение в состав России, замечает А. Акаев в одном из выступлений, объективно было явлением прогрессивным, помогло консолидации разрозненных киргизских племен в единый народ, заложило историческую перспективу его развития. А. Акаев был инициатором придания русскому языку в республике статуса официального, отмечая, что он укреплял межэтнические отношения, его неоценимая заслуга в том, что с ним «мы прожили годы независимости без конфликтов». Именно Россия еще в советский период заложила основы будущего киргизского государства путем создания автономной области, а затем союзной республики, подчеркивает первый президент республики.

Россия в интерпретации А. Акаева предстала еще в одном образе – как источник и гарант независимости Киргизстана. «Москва способствовала рождению новых суверенных государств и проявляла искреннюю готовность помочь в их становлении», – отмечает он. «Без поддержки Москвы мы не получили бы суверенитета. Именно... Россия вывела нас на путь суверенного развития». Более того, Россия всегда является источником помощи: «Каждый раз, когда у нас возникали трудности, мы обращались к России. Так было, например, в мае 1992 г., когда Киргизстан оказался в беде из-за обрушившихся на него стихийных сил». В выступлениях А. Акаев неоднократно подчеркивал «вечность» дружбы Киргизстана с Россией, создавая ее благоприятный образ. Более того, он подчеркивал, что такой образ сформировался и у населения Киргизстана.

Риторика нового руководства Киргизстана во главе с президентом К. Бакиевым после прихода к власти показывала, что оно настроено на сохранение позитивного образа России. «Киргизия не собирается отдаляться от России, – заметил К. Бакиев. – Наши отношения будут развиваться еще больше, еще глубже».

Качественно иной образ России выстраивается в работах З. Курманова – одного из лидеров оппозиции сначала А. Акаеву, а затем и К. Бакиеву. Рассуждая о начале дипломатических отношений киргизов с Россией, он подчеркивает, во-первых, что киргизы тогда были не слабым и беспомощным, а, напротив, гордым и воинственным народом, во-вторых, киргизы не имели с Россией ничего общего ни в этническом прошлом, ни в менталитете, ни в культуре, ни в языке и религии. Южные киргизы в отличие от северных, замечает З. Курманов, оказали российскому вторжению серьезное сопротивление. Но надежды даже северных киргизов, вошедших в состав России добровольно, не оправдались: все киргизы были превращены в типичных жителей восточных колониальных владений, управляемых армией имперских наместников. Иначе говоря, З. Курманов прямо называет Россию колонизатором. Более того, Россия стала препятствием национального самоопределения киргизов: «Новый режим не допускал ни малейшей мысли о возможности развития национальной государственности». Примечательно, что даже обретением квазигосударственности в составе Советского Союза Киргизстан, по мысли З. Курманова, обязан не России, а киргизу А. Сыдыкову, благодаря «неимоверным усилиям и политическому искусству» которого была образована самостоятельная Киргизская автономная область. В получении Киргизстаном статуса автономной, а затем союзной республики, ведущую роль также сыграли киргизы. Сейчас Киргизстан переживает четвертую волну интеграции с Россией, пишет З. Курманов. Она может закончиться либо установлением «европейской модели отношений», либо потерей «подлинного суверенитета». Таким образом, Россия в интерпретации оппозиционера по-прежнему представляет собой государство, со стороны которого исходит угроза для государственного суверенитета Киргизстана. Вместе с тем представляется, что такой образ России все-таки нетипичен для основной части политической элиты республики.

Образ России в средствах массовой информации Киргизстана формируется с помощью как русскоязычных, так и киргизскоязычных изданий и телерадиоканалов. При этом эксперты отмечают,

что русскоязычные СМИ лидируют и по объемам тиражей, и по уровню подготовки материалов, и по воздействию на аудиторию. Часто они не только формируют позитивный образ России, но и способны компетентно и беспристрастно оценить спорные события киргизской истории. Именно русскоязычные СМИ формируют современное медиапространство, обеспечивают доступ к достоверной и квалифицированной информации. Трудно спорить с тем, что киргизская журналистика находится пока все еще в зачаточном состоянии. В такой ситуации самое ведущее положение русскоязычных СМИ (и самых тиражных из них – газет «Вечерний Бишкек» и «Белый пароход») поддерживает положительные коннотации стереотипного образа России. Кроме того, в Киргизстане выходят четыре российские газеты с местными вкладками: «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец» и «Российская газета».

С другой стороны, русскоязычные СМИ существуют в условиях конкуренции с набирающими активность американскими СМИ. Так, в Киргизстане действует радиостанция «Свобода», вещающая исключительно на киргизском языке во всех областях республики. Радиостанция «Голос Америки» выпускает телепередачу «Объектив», которая выходит в эфире столичной телекомпании «Пирамида», региональной телекомпании «Керемет» и Второго государственного телеканала «ЭлТР».

С недавних пор периодически в эфире Первого государственного канала актуализируется тема геноцида по отношению к киргизам со стороны русских во время восстания 1916 г. При этом подчеркивается, что субъектом геноцида были не «российские власти» или «российские войска», а именно «русские». Все это еще раз подчеркивает, что конкуренция за информационное пространство между СМИ разной направленности будет только расти и ставит задачу поиска механизмов активного и направленного формирования (или укрепления) положительного образа России в Киргизстане.

Что касается образа России в восприятии граждан республики, то и на этом уровне он остается в целом положительным. В 90-е годы националистической пропагандой была сделана попытка возложить на Россию вину за низкий уровень жизни киргизов и их низкий социальный статус по сравнению с русскими. Иногда это приводило к насильственным действиям против русскоязычного населения: нередки были случаи, когда русским угро-

жали поджогом дома в случае отказа продать его по минимальной цене. Сейчас эта негативная составляющая в образе России значительно уменьшилась.

Вместе с тем существуют некоторые различия в восприятии России на севере и юге Киргизстана. На севере страны и в Бишкеке практически исчезла ностальгия по временам Советского Союза. В этой связи Россия здесь утрачивает образ правопреемника и наследника СССР, с которым были связаны представления о «лучших временах». Примечательно, что такой ностальгии нет ни у киргизов, ни у русскоязычных граждан страны. В южных же областях Киргизской Республики (Ошская и Джалал-абадская области), по свидетельству очевидцев, особенно заметна роль России (советской власти) как социального модернизатора. Распад СССР и массовый выезд русских из южных областей привели к явной социальной и культурной демодернизации Юга республики: типичной картиной стали дувалы вместо невысоких заборчиков, уничтожение коммуникаций, асфальта, канализации (слив отходов происходит прямо в арыки), в Оше – превращение многоквартирных домов с прекрасной планировкой в многоэтажные бараки, в которых нет теперь ни света, ни воды, ни газа. Ушли в прошлое качественное образование и медицинская помощь. Вероятно, это прямо связано с исчезновением мощного цивилизационного влияния России в этих регионах, поскольку именно там отток русскоязычного населения был самым существенным и именно там ныне снова преобладает традиционный (досовременный, аграрный) уклад жизни.

В южных областях ностальгия по СССР неизмеримо сильнее, и в этой связи стереотип восприятия России как «старшего брата» и модернизатора значительно устойчивее в глазах как русских, так и киргизов. Многие киргизы там воспринимают Россию как олицетворение «порядка» и «стабильности», которые ушли с распадом Советского Союза. Кроме того, Россия является для них источником благосостояния – киргизы с гордостью говорят о родственниках, которые уехали на заработки. Как отмечалось выше, часто это единственный способ обеспечить семью. Восприятие России как «страны порядка» тем устойчивее, чем очевиднее нестабильность политической и экономической ситуации в самом Киргизстане. Непредсказуемость и непрекращающаяся борьба за власть делают образ российской «стабильности» еще более привлекательным. Россия также сохраняет для киргизов свой образ как цивилизационно близкой страны, уехав в которую на длительное время с

целью заработать они не будут испытывать цивилизационного и языкового дискомфорта – советское наследие в виде долгого совместного проживания в одном государстве в этом случае продолжает сохранять свою значимость.

Таким образом, можно выявить основные стереотипы восприятия России, сложившиеся у населения Киргизстана и в совокупности формирующие образ России.

1. Россия – великий сосед Киргизстана, его «старший брат» и помощник. Такие представления были характерны для политической элиты времен А. Акаева, хотя имплицитно они присущи и сегодняшней киргизской политической элите. Несмотря на некоторое усиление американского влияния в медиапространстве и попытки представить Россию колонизатором, империей в негативном смысле, образ «помощника», несомненно, сохраняется и среди нынешней элиты. Парадоксально, но в период президентства А. Акаева русским практически был закрыт доступ к верхушке политической элиты, а ныне, при К. Бакиеве, правительство впервые возглавил не киргиз – русский И. Чудинов (хотя в целом представленность русских в органах власти остается минимальной и явно диспропорциональной по отношению к той доле, которую они составляют в населении республики).

2. Россия – гарант и фактор независимости и безопасности Киргизстана. Именно Россия способствовала формированию основ национальной государственности – сначала в рамках СССР, а затем признавая и гарантируя суверенитет постсоветского Киргизстана. Первой союзной республикой, которую посетил Б.Н. Ельцин с государственным визитом, стал именно Киргизстан, отмечает А. Акаев. Сейчас этот образ подкрепляется членством Киргизстана в ЕврАзЭС, ОДКБ и ШОС, члены которых связаны взаимными обязательствами, в том числе и по ведению совместных военных действий для отражения внешних угроз. Это способствует сохранению представлений о России как гаранте суверенитета и стабильности в Киргизии.

3. «Россия – субъект модернизации республики», оказавший мощное и положительное цивилизационное воздействие на киргизов, приобщивший их к достижениям современной цивилизации, современной технике, экономике и великой культуре. В этой трактовке именно благодаря России Киргизстан на момент обретения независимости являлся государством с развитой системой социального обеспечения, относительно высоким уровнем жизни, почти

100%-ной грамотностью населения, что существенно отличало его от постколониальных государств Азии и Африки после ухода оттуда метрополий.

4. «Россия как колонизатор киргизских земель и субъект геноцида киргизского народа» – стереотип, характерный для представителей части политической элиты. Данный стереотип противопоставляется стереотипу «Россия как гарант и фактор независимости», так как именно Россия препятствовала становлению национальной государственности, которая появилась благодаря стараниям исключительно киргизов и не благодаря, а вопреки российской политике. С другой стороны, он противоположен и стереотипу «Россия как модернизатор» – в этом случае модернизационное и цивилизационное влияние России опять-таки было направлено на ущемление киргизской нации и создание благоприятных социальных, экономических и политических условий для русскоязычного населения. Сама модернизация не являлась благом хотя бы потому, что она была навязанной и игнорировала национальную культуру и традиции. Она препятствовала и становлению национального государства, а этим, в свою очередь, можно объяснить и современный политический кризис в Киргизстане.

5. «Россия – наследник Советского Союза», с которым связываются стабильность и порядок, воспоминания о «лучшей жизни». Этот стереотип характерен для части киргизского населения, прежде всего южных областей. В нем можно выделить как ностальгию по советскому периоду, при котором «всем жилось относительно неплохо», так и идеализированные представления о «стабильности» и «порядке» в современной России, особенно в свете политической нестабильности в Киргизии.

Таким образом, можно констатировать, что существующий обобщенный образ России в Киргизстане остается в целом положительным. Строительство национального государства в Киргизстане не велось на антироссийской националистической основе. Более того, положительный образ России довольно устойчив, и тенденций к его ухудшению и разрушению не намечается. Главная причина этого в том, что факторы, определяющие позитивность данного образа, являются устойчивыми: велик процент киргизского населения, живущего исключительно на доходы от заработков в России; сохраняется полиэтничность населения Киргизстана; сохраняется стратегическая ориентация политических элит на Россию и преемственность этой ориентации даже в случае смены элит;

бедность страны, сильная экономическая зависимость Киргизстана от России и ее помощи, большой государственный долг; сохраняется статус русского языка как языка межэтнического общения в республике. Вместе с тем существуют и некоторые факторы ухудшения образа: значительное сокращение русскоязычного населения, разрушение монополии русскоязычных граждан в культуре, науке, образовании; утрата русским языком статуса неперемного фактора вертикальной социальной мобильности.

Устойчивость положительного образа России вовсе не означает, что России не нужно поддерживать и целенаправленно формировать положительный образ в республике – во-первых, потому, что существуют некоторые факторы его ухудшения, во-вторых, потому, что в медиапространстве, как показывает практика, наблюдается жесткая конкуренция и «сам по себе» положительный образ долго сохраняться не может (хотя бы в силу смены поколений). России необходимо доказать привлекательность своей модели интеграции на постсоветском пространстве, эффективность достигнутой «стабильности» и эффективность международных политических, экономических и военных организаций, созданных с ее участием на постсоветском пространстве. Именно от этого, на наш взгляд, во многом зависят устойчивость позитивного образа России в Киргизстане и сохранение страны в «пророссийской» части постсоветского пространства.

*«Неполитический потенциал политического»,
М., 2009 г., с. 317–330.*

Санобар Шерматова,

востоковед

МОСКВА И ТАШКЕНТ:

ПРИЧИНЫ «ОСОБЫХ» ЗАТРУДНЕНИЙ

Российско-узбекские отношения в последнее время подвергаются серьезным испытаниям. Вопрос о том, останется ли в союзниках Узбекистан после выхода из ЕврАзЭС и отказа участвовать в формировании коллективных сил оперативного реагирования (КСОР), соглашение о которых подписали пять входящих в ОДКБ государств, до конца не прояснен. Более того, двусторонние отношения могут быть осложнены еще больше после появления на юге Киргизии российской базы КСОР, о чем уже договорились прези-

денты России и Киргизии. Приведет ли расхождение позиций к смене ориентации Узбекистана на Запад?

До сих пор России удавалось сохранить баланс отношений со своими союзниками в Центральной Азии. Но теперь, кажется, раскол внутри ОДКБ неизбежен. Анонимный источник из узбекского МИДа резко отреагировал на возможность создания военной базы у границ Узбекистана. Эта страна, как известно, отказалась поставить подпись под соглашением о формировании КСОР после того, как выдвинутые узбекской стороной условия не были приняты во внимание. Интересы Узбекистана оказались ущемлены и в другой, чрезвычайно важной для нее позиции. Страна с 27-миллионным населением, половина которого занята в аграрном секторе, выступает против сооружения на трансграничных реках Камбаратинской (в Киргизии) и Рогунской (в Таджикистане) ГЭС из-за опасения сокращения стока воды. Перевес в споре может обеспечить российская поддержка. «Москва должна повлиять на Киргизию и Таджикистан в решении водного вопроса», – заявил Ислам Каримов на пресс-конференции по итогам российско-узбекских переговоров в Ташкенте в январе 2009 г. Поддержка Дмитрием Медведевым узбекской позиции (российский президент пообещал, что его страна воздержится от участия в гидроэнергетических проектах, не согласованных со всеми странами региона) разрушила установившийся баланс сил. Последствия не преминули сказаться: российско-таджикские отношения пережили отмену официального визита президента Рахмона в Москву, что стало знаком беспрецедентного охлаждения.

Но и Узбекистан недолго оставался в победителях. В феврале 2009 г. в Москве заявили о выделении двухмиллиардного кредита Киргизии, предназначенного для возведения Камбаратинской ГЭС. В ответ Ташкент предложил соседям крепить центральноазиатскую интеграцию без внерегиональных игроков, «преследующих свои цели». Конкретные страны не назывались, хотя было понятно, что речь идет о России. Узбекская инициатива результатов не принесла. В основе политики Киргизии и Таджикистана, слабых стран, лишенных запасов энергоносителей, лежит как раз идея привлечения в союзники Москвы против «диктата» Узбекистана. В силу этих и ряда других причин региональная интеграция с отрывом от России не имеет шансов. Ташкент, таким образом, оказался в ситуации, когда ему понадобится внешняя помощь для отстаивания своих интересов. России придется выбирать: потерять Узбекистан,

но получить в свои руки «ключи» от водных ресурсов региона, или изобрести новую формулу взаимодействия, исключаящую усиление влияния в регионе западных игроков.

Первый вариант. До недавнего времени все выглядело так, как будто Россия решила, без оглядки на сомневающихся (Узбекистан и Белоруссию, не подписавших документ о создании КСОР), крепить военный союз. А также извлечь пользу от участия в водных проектах, пренебрегая позицией Узбекистана. Хотя на пути дальнейшего сотрудничества с Таджикистаном нагромождены огромные завалы проблем. Начнем с того, что таджикский парламент запретил акционировать Рогунскую гидроэлектростанцию, таким образом, будущие инвесторы не смогут иметь свою долю в этом предприятии (напомним, Россия участвует в двух гидроэнергетических проектах в Центральной Азии, строительстве таджикской Сангтудинской ГЭС и киргизской Камбаратинской ГЭС, получив блокирующие пакеты акций). Сделано это, конечно, намеренно: таджикская сторона, опираясь на устные договоренности с Москвой, пытается выбить российские инвестиции под расположенные на территории республики российские военные объекты. Отказ заплатить за Рогун может быть чреват изменением статуса 201-й дивизии и центра космического слежения «Окно» и переводом их на платную основу пребывания. О настроениях в таджикских верхах свидетельствовали брошенные в местную прессу сведения о предполагаемом свертывании российского военного присутствия в республике и открытии дверей для сил НАТО. Местные СМИ серьезно обсуждали версию о якобы готовящемся со стороны 201-й дивизии государственном перевороте в Таджикистане. В ответную атаку пошли российские средства массовой информации, обвинившие Эмомали Рахмона в «предательстве» интересов союзника, которому он лично обязан приходом к власти. Вся эта информационная кампания затихла к моменту, когда в Душанбе в конце июля 2009 г. с рабочим визитом прибыл Дмитрий Медведев. В результате двусторонних переговоров президенты дали поручение российскому министру обороны и таджикскому министру иностранных дел подготовить предложения по развитию равноправного военнотехнического сотрудничества. Ожидается, что в новом соглашении будут прописаны условия размещения российских военных на платной основе. Москва, таким образом, согласилась пойти на уступки давнему союзнику Таджикистану. Но в то же время, как стало очевидно, разрыва с Узбекистаном не произойдет.

Второй вариант. Для понимания взлетов и падений российско-узбекских отношений важно определить их истинные причины. Принято считать, что Ташкент в 90-х годах пренебрег сотрудничеством с Москвой ради установления близких отношений с Западом. И только угроза международной изоляции после трагических событий в Андижане в мае 2005 г. якобы заставила И. Каримова идти на сближение с Россией. В какой-то мере это действительно так: возвращение в ЕврАзЭС и ОДКБ произошло именно на фоне принятых западными странами санкций в отношении Узбекистана. Однако принципиальный разворот узбекской внешней политики к Москве случился до всех этих событий. В 2004 г. в Ташкенте было подписано межгосударственное соглашение, выводящее отношения на новый уровень. В дипломатических кругах заговорили о «духе Самарканда», имея в виду неформальную встречу президентов В. Путина и И. Каримова в этом древнем городе, прошедшую под знаком дружбы двух стран. Основой для сближения стало согласие Москвы сотрудничать с узбекскими службами в борьбе против религиозных экстремистских организаций. Исламское движение Узбекистана, предпринимавшее в 1999 и 2000 гг. нападения на узбекскую территорию (и заподозренное в том, что сотрудничало с таджикскими властями и российскими пограничниками), было занесено в черный список организаций, запрещенных в России. Запрет распространялся и на подпольную Партию исламского освобождения («Хизб ут-Тахрир»), имевшую ячейки в центрально-азиатских республиках. Впоследствии при содействии России эти организации были запрещены также в Киргизии, Казахстане и Таджикистане. Фактор исламского радикализма в разные годы сближал Москву и Ташкент и в то же время становился причиной разлада. В 1992 г. начавшаяся в Таджикистане гражданская война подстегнула военную интеграцию России с Центральной Азией. В Ташкенте было подписано соглашение о создании ДКБ – договора о коллективной безопасности, сыгравшего решающую роль в победе таджикского Народного фронта (чей кандидат Эмомали Рахмонов занял впоследствии президентский пост) над силами Исламской партии Возрождения. Узбекистан вышел в 1999 г. из рядов ДКБ и круто развернулся на Запад, когда российское руководство в силу ряда обстоятельств отказалось содействовать в зачистке горных таджикских районов от базировавшихся там боевиков Исламского движения Узбекистана.

Москва учла уроки 1990-х годов – сегодня отношения двух стран в сфере безопасности – на высоком уровне. Однако причины считать Узбекистан трудным партнером остаются. Внешняя политика этой страны построена на принципе неизблемости суверенитета. Ташкент предпочитает двустороннее сотрудничество членству в интеграционных организациях с их обязательными процедурами. В ельцинскую пору узбекский лидер тормозил интеграционные проекты в рамках СНГ, если предполагался хотя бы частичный отказ от суверенитета. Так происходит и сейчас. Вхождение Узбекистана в ЕврАзЭС, проходившее с большим трудом, в конце концов закончилось отказом от участия в организации. Та же проблема и с КСОР: предлагаемые условия формирования коллективных сил не устраивают Ташкент.

* * *

Вопрос, как Москва будет строить отношения с Узбекистаном, останется актуальным на ближайшее будущее. Но уже сейчас наметились направления, по которым возможны компромиссы. Отказа от полного участия в возведении гидроэнергетических сооружений в Таджикистане, скорее всего, не произойдет. Россия заинтересована в проектах по переброске электричества из Центральной Азии в Афганистан и Пакистан. Во время визита в Душанбе Медведев обсуждал с Эмомали Рахмоном, а также с главами двух южноазиатских соседей Таджикистана Хамидом Карзаем и Асифом Али Зардари вопросы соединения энергетических сетей четырех государств. Проект CASA-1000 – строительство региональной линии электропередачи – оценивается в 680 млн. долл. и позволит экспортировать излишки электроэнергии в летнее время из Таджикистана и Киргизстана в Кабул и на северо-запад Пакистана. Этот проект был одобрен Всемирным банком в начале мая 2009 г.

В регионах Центральной и Южной Азии создается электроэнергетический рынок, привлекательный для участия России. Следовательно, строительство новых ГЭС, в том числе Рогунской, оказывается вопросом времени. И самой большой проблемой в этой ситуации становится поиск вариантов совмещения интересов России и Таджикистана с узбекской позицией. Искомый вариант может заключаться в компромиссах и разменах, к слову, о них уже заговорили во время саммита в Душанбе. Замминистра экономического развития и торговли А. Клепач заявил журналистам, что

проект строительства Рогунской ГЭС договорились скорректировать. Речь, скорее всего, идет о снижении параметров плотины, на чем настаивает Ташкент. Российский чиновник признал, что рассматривается участие Узбекистана в проекте строительства Рогунской ГЭС. Кстати говоря, несколько месяцев назад И. Каримов предлагал подобный вариант таджикскому президенту, однако положительного ответа не получил. Тот факт, что теперь эту идею озвучил российский чиновник, означает, что Москва намерена учитывать интересы Узбекистана в очень чувствительных для него вопросах использования водных ресурсов. Ответным компромиссом, вполне вероятно, может стать ослабление неуступчивой позиции Узбекистана в отношении усиления российского военного присутствия у своих границ, что, в свою очередь, сохранит баланс российского влияния в Центральной Азии.

«Вестник аналитики», М., 2009 г., № 3, с. 42–45.

Ирина Дубовицкая,
журналист (Таджикистан)
**РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА
НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ:
ВЗГЛЯД ИЗ ТАДЖИКИСТАНА**

Реалии современного мира, не выдерживающего схемы однопольности, со все большей очевидностью проявляются в ходе нынешнего масштабного финансового кризиса, что ставит задачи поиска новых систем политической и цивилизационной интеграции. Особую актуальность эта задача имеет для Старого Света, а еще точнее – для Евразии, являющейся базовым вместилищем цивилизационных архетипов, сформированных на этой территории на протяжении последних 5 тыс. лет. Одним из перспективных направлений здесь является интеграция пространства, объединяемого на протяжении тысячи с лишним лет восточно-христианской (православной) цивилизацией в рамках Исторической России. Последние 17 лет она подвергается смертельно опасным испытаниям, угрожающим самому ее существованию. Одним из важнейших элементов, скрепляющих цивилизацию, является общий язык ее культур, и в последнем случае – это русский язык. Доказывать важность его коммуникационной или какой-либо другой роли для участников нашего «круглого стола» – излишне. Остановлюсь

лишь на некоторых особенностях его функционирования в одной из стран Содружества независимых государств – в Таджикистане.

Накануне распада СССР распространение русского языка в Таджикистане намного превышало численность самого русского населения (около 400 тыс. человек) и даже здесь проживавших российских и славянских этносов (еще около 100 тыс. человек). Втянутое в процесс ежедневного общения, таджикское городское население владело русским на уровне устной речевой коммуникации. В сельской местности знание языка было слабее из-за моноэтнического населения кишлаков. Однако свой вклад вносило центральное телевидение, радиовещание и миллионные тиражи ежедневных республиканских и центральных газет. Так, в 1977 г. выходило 19 периодических и продолжающихся изданий на русском языке; в 1978 г. число указанных изданий возросло до 29; в 1979 г. увеличилось до 34 изданий и в 1980 г. – до 47 с годовым тиражом 6993 тыс. экземпляров (для сравнения, в 1969 г. тираж составлял 2120 тыс. экземпляров). В указанный период число издаваемых журналов на русском языке составляло: четыре издания – в 1969–1971 гг.; семь – в 1972; восемь – в 1973–1977; девять изданий – в 1978–1980 гг. Выпуск газет на русском языке с 1970-х годов и до распада СССР в количественном выражении остается в целом стабильным: семь-шесть изданий, выходящих разовым тиражом в 168–244 тыс. экземпляров. В числе этих изданий – газеты республиканские, областные, городские, районные. Среднесуточный объем республиканского радиовещания в 1980-х годах достиг 32 часов, из которых примерно 13 часов приходилось на передачи, выходящие на русском языке. Большое значение в овладении русским языком мужской частью населения играла служба в Советской армии, проходившая, как правило, за пределами Таджикистана.

В настоящее время численность российской диаспоры в Республике Таджикистан сократилась (по переписи населения 2003 г.) до 85 тыс. человек (64,8 тыс. русских, 18 тыс. татар и башкир, 1 тыс. осетин и др. этносов), а по данным российских общественных организаций РТ – до 40–50 тыс. человек в 2008 г. В структуре 7 млн. населения Таджикистана это составляет менее 1%. Помимо того что такая численность носителей резко сужает сферу использования русского языка, она снижает и уровень владения им, превращая часто в своеобразный «пинджи-рашен» (аналогичный «афро-инглишу», «пинджи-инглишу» в странах Африки и Азии) для

общения на бытовом уровне. Если обратиться для сравнения к нынешнему состоянию русскоязычных СМИ, то картина предстает самая неприглядная. В печатных СМИ с советских времен осталось 26 продолжающихся изданий. «Газетная» их часть выходит только еженедельно, тиражами в 1,5–2 тыс. экземпляров. Общественно-политические, литературные и научные журналы выходят обычно ежеквартально тиражом в 300–500 экземпляров. В целом на радио РТ общий объем вещания составляет 693 часа в месяц. Из них на русском языке – 20 часов в месяц (порядка 3%).

Что касается радиовещания на русском языке, то оригинальных программ, согласно тому классификатору, который принят в мировой журналистике, сегодня в целом на радиоканалах РТ очень мало, особенно на русском языке. На государственном радио их порядка 5–10%, на негосударственном порядка 80%. Однако качество программ находится на очень низком уровне и, по сути, представляет из себя сумбурное диджеевское общение в прямом эфире, тот самый пресловутый «пинджи-рашен». Российские радиостанции (также с сомнительным качеством языка вещания) в РТ не транслируются.

Что касается телевидения, то единственным российским каналом, доступным в Таджикистане, является «РТР-Планета», который республиканские власти периодически отключают, в целях большего распространения сигнала республиканского ТВ, ограниченного в распространении из-за горного рельефа местности. В такие моменты единственным российским телеканалом остается ОРТ, транслируемый только на Душанбе независимо от таджикских властей маленькой телестудией 201-й военной базы Министерства обороны России. Как правило, на русском языке по республиканскому телевидению идут пиратские телефильмы. Собственных оригинальных телепрограмм практически нет. Изредка отдельные телерадиокомпании (особенно в городах Душанбе и Худжанд, где население по большей части находится в российском культурном пространстве и потому у него есть мотивация изучения русского языка, восприятия информации) делают новости на русском языке. Например, местная ТРК «Азия» делает один раз в неделю 15–30-минутные информационные программы. Некоторые телерадиокомпании дают ежедневные информационные программы, дублируя при этом таджикский вариант на русском языке. Их основная беда (помимо непрофессионализма) в том, что они не рассчитаны на нашу аудиторию.

По мнению руководителей Министерства культуры Таджикистана, ответственных за работу СМИ, вопрос использования русского языка в аудиовизуальных СМИ день ото дня становится все сложнее. Найти специалистов среди остатков русскоязычного населения РТ становится практически невозможно. Во многом это обусловлено и общим снижением качества преподавания русского языка в средних и высших учебных заведениях республики.

Характеризуя качество русского языка в Таджикистане, необходимо отметить, что обучение на русском языке сконцентрировано в крупных городах – Душанбе и Ходженте. В числе основных проблем его преподавания – недостаточное количество часов, отведенное на уроки русского языка в средних общеобразовательных школах республики (ныне оно сокращено до 2–3 часов в неделю), недостаток учебной и учебно-методической литературы на русском языке, а также дефицит квалифицированных преподавательских кадров. Ныне он, по разным подсчетам, составляет от 6,5 до 7 тыс. учителей. В школах Таджикистана, по официальным данным, обучается более 1,5 млн. человек, из них на русском языке – более 17 тыс. Имеется около 1250 классов с русским языком обучения, в которых учатся в основном учащиеся коренных среднеазиатских национальностей. По словам декана факультета русской филологии Таджикского государственного национального университета, доктора филологических наук М.Б. Нагзибековой, первые классы с русским языком обучения в городе Душанбе в этом учебном году достигли «размера» от 36 до 50 (!) человек. В то же время среди учащихся этих классов учеников, для которых русский язык является родным, от 0 до 7! Подавляющее большинство этих детей не общаются на русском языке нигде, кроме уроков русского языка, что, конечно же, затрудняет его усвоение.

В дальнейшем при получении высшего образования возможности общения на русском языке остаются столь же незначительными – в практику преподавания большинства вузов республики все устойчивей входит тенденция ведения лекционных занятий на языке коренной национальности. Исключением является лишь Российско-таджикский (славянский) университет. Однако и здесь студенты коренных национальностей составляют более 70%, и их общение помимо учебного процесса также происходит на их родных языках.

Вместе с тем, с одной стороны, русский язык остается в республике в статусе языка межнационального общения (статус нигде

не разъясняется), а с другой – ощущается все бóльшая потребность в его изучении среди сотен тысяч трудовых мигрантов, выезжающих в Россию. Уже в 2006 г. их численность (по данным международных организаций) достигла 1,5 млн. человек. Недостаточное знание языка страны пребывания ведет, с одной стороны, к трудностям в общении с работодателями и правоохранительными инстанциями, с другой – к возрастающей самоизоляции, отчужденности от российской среды, поиску самоидентификации, часто под руководством представителей экстремистских исламских структур. Все это явно не способствует цивилизационной интеграции. Если учесть, что численность таджикской диаспоры в России (т.е. число представителей этноса, постоянно проживающих в стране) в настоящее время достигла 400 тыс. человек, превратив таджиков в крупнейший нероссийский этнос в Российской Федерации, то, говоря языком геополитики, «вызовы» и «риски» вырисовываются вполне конкретные.

Насколько мне известно, подобного же рода проблемы имеются в России и с другими среднеазиатскими диаспорами, еще не достигшими такого размера. Однако вопросы интеграции с Таджикистаном, смело экспериментирующим с легализацией политического ислама, зороастрийским и арийским проектами, стоят особо и требуют пристального внимания и изучения.

«Евро–Азия», М., 2009 г., № 1, с. 10–14.

Алексей Малашенко,
доктор исторических наук,
профессор МГИМО (У) МИД РФ,
член Научного совета Московского центра Карнеги
ТУПИКИ ИНТЕГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

1. Необходимость интеграции Центральной Азии никогда и никем под сомнение не ставилась. На вербальном уровне эта идея – аксиоматична. Тем не менее на практике решение этой проблемы оказывается все более и более отдаленным, если вообще возможным.

2. Для начала отметим возникающую неясность в самом понятии «Центрально-Азиатский регион».

Во-первых, его восприятие как общности скорее имеет отношение к истории, как к давней, так и к недавней, советской. Пока-

зательно, что в советские времена регион назывался более пространно «Средняя Азия и Казахстан», что само собой означало его подразделение как минимум на две неоднородные части.

Во-вторых, ранее на этой территории не существовало такого количества государств, с границами, консолидированными властными структурами. Нынешние национальные государства – принципиально новый феномен здешней истории.

В-третьих, вряд ли следует абсолютизировать этно- и социокультурную гомогенность региона. Недаром при строительстве национальных государств одни напоминают о «кочевой демократии», а другие – о развитой городской культуре. Тюркская же доминанта иногда воспринимается как потенциальная угроза со стороны ираноязычных таджиков.

В-четвертых, происходит «размывание региона». С одной стороны, это – объективный процесс. Например, политическая ситуация в некоторых странах может определяться коллизиями, происходящими за рамками региона; также за его абрис выходят и их экономические интересы.

Формируется идея о необходимости переоценки, переосмысления Центральной Азии как уже сложившегося ареала, о расширении ее границ в южном направлении, о включении в это понятие Афганистана, Ирана и даже Пакистана. При всей конъюнктурности такого подхода, а он разрабатывается в США, – нельзя не признать того обстоятельства, что анализ происходящих в регионе процессов давно невозможен хотя бы без учета афганской составляющей, а следовательно, событий в Пакистане и т.д. Происходящее в «дальнем зарубежье» имеет, например, для Таджикистана куда больше значение, чем борьба внутри правящей элиты Казахстана.

3. Остаются нерешенными главные проблемы межгосударственных отношений. Одна из них – государственные границы, которые на ряде участков вообще остаются заминированными, формально строг пропускной режим. Плюс наличие этнических анклавов, существование которых – один из непосредственных источников нестабильности. Не поддается скорому решению водная проблема. Теоретически водопользование могло бы явиться основой для постоянного продуктивного диалога, поводом для координации общих усилий и, в конечном счете, базой для бесконфликтного существования. Однако именно распределение и регулирование водных ресурсов оказывается объектом противоречий и используется в качестве средства давления на соседа. Символами

взаимного неверия в продуктивную интеграцию по-прежнему являются такие «мелочи», как отсутствие прямых рейсов между Ташкентом и Душанбе и напоминающие блокпосты пограничные пункты.

4. Национально-государственные интересы однозначно преобладают над интересами региональной интеграции. В этом разумеется нет ничего исключительного. Достаточно вспомнить, как развивается интеграция в Европейском сообществе. Однако там общая тенденция такова, что в конечном итоге европейцы осознают даже не столько неизбежность интеграционного процесса, сколько его взаимную выгоду. В Центральной же Азии и на уровне обществ, и на уровне элит польза от интеграции выглядит достаточно спорной. Отсутствует сама модель интеграции, и пока что не видно особого стремления ее создать. Причем для кого-то эта модель вольно или невольно ассоциируется с советской эпохой, кому-то навевает горькие, не в пользу ЦА, сравнения с ЕС. Таджикский исследователь Рашид Абдулло, отмечая, что страны региона «находятся лишь в начале пути становления в качестве национальных государств», пессимистически заключает, что «до создания условий для интеграции “по-европейски” пройдет еще немало лет». Правящие элиты центральноазиатских государств часто отождествляют свои собственные политические и коммерческие интересы с национальными. Это обстоятельство также затрудняет поиск общего языка. Отношения между государствами зачастую напрямую зависят от отношений между их лидерами. Взаимная настороженность и просто недоверие между ними очень часто осложняли межгосударственные отношения. Это вообще типично для авторитарных режимов, тем более – для режимов традиционного и полутрадиционного типов со слабо развитым гражданским обществом.

5. Хорошо известно, что бедным странам и обществам интеграция дается труднее, нежели богатым. К тому же среди «бедняков» ярче проявляют свои амбиции те из них, кто на фоне всех прочих является относительно преуспевающим. Такие страны претендуют на роль лидера интеграционного процесса и стремятся занять доминирующую позицию. В ЦА на эту роль претендуют Казахстан и Узбекистан, для которых она означала бы повышение не только регионального, но и международного статуса. В 1990-е и в начале 2000-х годов предпочтительнее смотрелись позиции Узбекистана, который, по словам его президента И. Каримова, «по всем

своим показателям может достичь в мире высокого положения в культуре, науке, технологии и экономике и стать интеграционным центром в Центральной Азии». Однако после мощного экономического рывка, предпринятого в последние годы Казахстаном, больше оснований заявлять о своих претензиях появилось у Астаны. В 2007 г. Казахстан предпринял несколько шагов по сближению с Киргизстаном, а также с вышедшим после смерти в 2006 г. С. Ниязова из изоляции Туркменистаном. И теперь президент Нурсултан Назарбаев говорит о том, что «именно Казахстан может стать экономическим и финансовым центром Средней Азии», и о возможности создать Союз среднеазиатских государств. Однако вряд ли это означает какой-то исключительной шанс для общерегиональной интеграции. Нужен ли лидер, который возьмет на себя функции локомотива, вопрос спорный. Во всяком случае, трудно предположить, чтобы Таджикистан или Киргизстан чувствовали бы себя уютно «под крылом» Узбекистана или последний смирился бы с казахстанским доминированием. И уж, конечно, с ролью «младшего брата» никогда не согласится туркменская элита, расправившая плечи после многолетнего смирения перед Великим сердаром. Так что «зонтичный вариант» интеграции представляется нереальным.

6. Не стали исключительным стимулом для региональной интеграции безопасность, внутренние и внешние угрозы. Вербальная активность, великое множество переговоров, визитов, симпозиумов и семинаров на эту тематику существуют параллельно реальному положению дел. Проблема безопасности для каждой страны решается почти исключительно на национальном уровне. В случае угрозы правящему режиму в той или иной стране вряд ли можно предположить, что соседи придут на помощь, мотивируя это необходимостью поддерживать стабильность. Пример тому – гражданская война в Таджикистане и затянувшаяся на целый год «цветочная революция» в Киргизстане. Скорее всего, этого не произойдет даже при попытке совершения «исламской революции». Вряд ли центральноазиатское сообщество объединится ради консолидированного противостояния внешней, пока еще отдаленной угрозе, например со стороны возрождающихся афганских талибов. На память невольно приходит позиция Туркменистана, который поддерживал с ними весьма дружественные отношения. И если предположить, что со временем талибы (до этого им придется восстановить контроль над Афганистаном) дерзнут возобновить

экспансию на Север, то их соседям придется искать союзников за пределами региона. Тем более что внутри его у талибов найдутся союзники из числа местных исламистов. Но такой ход событий все же маловероятен. Что касается наркотрафика, то и здесь региональная интеграция окажется хоть сколько-нибудь эффективной лишь при сотрудничестве с внешними партнерами. Самостоятельно эффективно бороться с этим вызовом центральноазиатские государства просто-напросто не в состоянии, особенно если учесть, что многие члены местного истеблишмента и делового мира сами активно задействованы в наркотранзите (кстати, эта категория дельцов уже давно осуществила плодотворную интеграцию в масштабах всего региона).

7. Насколько заинтересованы в центральноазиатской интеграции внешние силы? На словах, разумеется, все. На деле же стремление укрепиться в регионе предполагает на этот счет различные взгляды. Похоже, что искренне на интеграцию в Центральной Азии надеются только в Европе, а точнее – в Германии. Осторожный оптимизм на сей счет выражают в Пекине, хотя там отдают себе отчет в том, что интеграционный процесс будет продвигаться, только если его участников слегка подталкивать друг к другу извне. Недаром в патронированной китайцами Шанхайской организации сотрудничества все большее внимание уделяют водной проблеме. Россия, похоже, разуверилась в интеграционном потенциале региона и основную ставку сделала на двусторонние отношения. При этом в Москве не оставляют попыток проинтегрировать ЦА в рамках постсоветского пространства. Свидетельство тому – Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), ЕврАзЭС, Единое экономическое пространство (ЕЭП) и даже СНГ. С другой стороны, Москву беспокоит и то обстоятельство, что инициатива в области интеграции может перейти к Китаю и даже к Казахстану, хотя последний заинтересован более всего в сотрудничестве в области энергетики и энерготранзита. О позиции США уже говорилось выше. Концепт «Большой Центральной Азии» предполагает переосмысление интеграционного фактора. Во всяком случае, искусственно сближать страны региона в Вашингтоне не стремятся. С этой точки зрения ситуация отличается от конца 1990-х – начала 2000-х годов, когда многие эксперты полагали, что «военно-политическая интеграция в Центральной Азии с помощью Запада будет идти так же стремительно, как экономическое сближение стран – членов Центральноазиатского союза».

Надо смотреть правде в глаза: отмеченные выше «немало лет» до реальной интеграции следует переформулировать иначе: возможна ли вообще такая интеграция и останется ли в ней потребность для стран Центральной Азии? И здесь видятся три сценария.

Первый – нестыковка национальных интересов будет приводить к систематическому обострению отношений между бывшими советскими республиками, которые все интенсивнее закрепляют свои отношения с различными внешними партнерами. Такой сценарий предполагает возможность межгосударственных конфликтов на границах с целью их перекройки и высокий уровень нестабильности. Про интеграцию можно забыть.

Второй – внезапное, а главное – единогласное, решение всех национальных элит объединить экономические и политические усилия, создать общий рынок, в том числе – рабочей силы и капиталов, начать практическое воплощение проекта «Шелковый путь». Как результат такого единодушия – формирование некой общерегиональной организации, с делегированием ей наднациональных (пусть и незначительных) полномочий. Начальным этапом осуществления этого сценария становится урегулирование основных спорных вопросов. Объяснять нереальность такого сценария нет особой необходимости, хотя, как известно, подобное прожектерство имело место в 1990-е годы.

Третий сценарий предполагает трех-четырёхстороннее сотрудничество на постоянной основе по ключевым проблемам – прежде всего, водной и пограничной. Причем, речь идет не об унифицированной, всеобъемлющей программе, но о частных аспектах. Эти проекты могут существовать как в рамках только центральноазиатского диалога, так и с привлечением внешних субъектов или под эгидой ныне существующих международных организаций, например ШОС или ЕврАзЭС. Такое взаимодействие уже имеет место, хотя отдача от него не слишком велика. Наконец, большое значение имеет сотрудничество в энергетической сфере, в том числе в области энергетического транзита. Такой сценарий возможен и реален, да к тому же ему не требуется идеологическая мишура. Совершенно необязательно, что он приведет к полной интеграции, востребованность которой, с нашей точки зрения, сильно преувеличена, а призывы к которой носят характер ритуальных заклинаний.

Только в качестве постскриптума можно упомянуть исламскую компоненту региональной интеграции. Перспективы подобного рода объединения равны нулю, равно как и разговоры о создании в Ферганской долине халифата. Да и вообще в силу этнокультурных различий местных народов ислам не может стать фактором их консолидации. А вызовы радикалов, несмотря на общую фразеологию, ограничиваются локальными, в лучшем – для них, разумеется, – случае национально-государственными рамками.

*«Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: Сравнительный анализ»,
М.–Барнаул, 2009 г., с. 16–20.*

Рашид Абдулло,
эксперт (Таджикистан)
**ИНТЕГРАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ –
КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?**

Сколько существуют независимые государства нынешней Центральной Азии, а существуют они уже 16 лет, столько же времени дискутируется вопрос о создании некоего интегрированного пространства региона. Однако сегодня эти дискуссии перерастают в настоящую кампанию по проталкиванию идеи региональной интеграции. Причем не только со стороны самих центральноазиатских стран. Созданием единого пространства в регионе сильно озабочены и внерегиональные силы. В странах Центральной Азии создание единого интегрированного пространства для одних представляется эффективным инструментом решения актуальных социально-экономических проблем, для других – снижения избыточного давления больших государств на процессы, развивающиеся в регионе, а для третьих – предотвращения дестабилизации ситуации в каждой из стран региона и повышения уровня их сопротивляемости негативным влияниям извне.

В самое последнее время проблема центральноазиатской интеграции обрела новое измерение. Она была актуализирована президентом Казахстана Н. Назарбаевым, заявившим буквально следующее: «...самым лучшим было бы создать союз центральноазиатских государств, куда я включаю Казахстан и Среднюю Азию. Просто потому, что во всем мире идет такой процесс... Нам сам Бог

велел объединяться: 55 млн. населения, нет языковых барьеров, взаимодополняемая экономика, находимся на одном пространстве, есть транспортные связи, энергетические. Этот регион может обеспечить себя продовольствием, не выходя на внешние рынки, может полностью обеспечить себя энергетикой и т.д. Что еще надо? Мы уважаем друг друга. Население от этого только выиграет».

Идея центральноазиатской интеграции не нова. Она была высказана еще на излете перестройки в бывшем СССР. Актуальность этой идеи в то время предопределялась необходимостью противостояния множившимся вызовам, проистекавшим из стремительного углублявшегося кризиса советской государственности как таковой. В те годы, впервые за все время существования советской власти, руководители бывших советских республик оказались перед реальной необходимостью предпринимать какие-то самостоятельные действия по разрешению проблем, порождаемых утратой общесоюзным центром идейно-политической и управленческой дееспособности. В условиях быстро разрушавшегося единого советского государственно-политического и экономического пространства руководителям республик региона не оставалось ничего иного, как брать судьбу своих стран в собственные руки. Для этого им пришлось наладить систему более или менее регулярных встреч друг с другом – как на двусторонней, так и на многосторонней основе: по собственной инициативе и уже без ведома Москвы. Одним из активных инициаторов подобных встреч был руководитель Казахстана Н. Назарбаев. Хотя усилия казахского руководителя и его коллег и не были успешными, тем не менее не были и бесполезными. Они позволили им обрести опыт и навыки самостоятельного управления своими республиками, взаимодействия друг с другом, но сегодня об этих безуспешных позднеперестроечных попытках руководителей советских среднеазиатских республик наладить внутрорегиональные связи напоминает лишь прижившееся новое название региона.

С распадом СССР резко возросла объективная потребность в координации усилий новых независимых государств Центральной Азии, направленных на смягчение негативных последствий крушения Советского государства. В середине 1990-х годов была вновь предпринята попытка наладить интеграционные связи между Казахстаном, Киргизстаном и Узбекистаном в рамках Центральноазиатского сообщества (ЦАС). После присоединения к нему Таджикистана оно было преобразовано в Центральноазиатское эконо-

мическое сообщество (ЦАЭС). Но и эта попытка закончилась ничем. Каждая страна региона самостоятельно решала и преодолевала проблемы и трудности, вызванные распадом советского государства. В 2006 г. за очевидной ненадобностью ЦАЭС благополучно закончило свое существование, растворившись в ЕврАзЭС.

В отличие от предыдущих интеграционных инициатив, нынешняя инициатива Н. Назарбаева, как представляется, объективно обусловлена принципиально иными причинами. Сегодня Казахстан является одной из наиболее динамично развивающихся постсоветских стран. По многим параметрам, в частности по развитию системы высшего образования, строительству жилья и т.д., Казахстан не только вышел на уровень 1990 г., но и превзошел его. Страна ставит перед собой амбициозную задачу – уже в ближайшем будущем стать лидером Центральной Азии и войти в число 50 самых развитых стран мира. Но поддержание нынешних темпов развития страны возможно лишь при условии сохранения внутренней и региональной стабильности. Большая и малонаселенная территория, высокая степень полиэтничности населения, многоконфессиональность, пока еще не преодоленные диспропорции в развитии регионов, наличие проблем с адекватным представительством различных политических сил в процессах принятия решений, наличие мощных соседей на севере и юго-востоке страны, непростые процессы, развивающиеся у южных соседей по региону, – все это представляет собой реальные факторы риска для Казахстана. Координация региональных усилий могла бы помочь Казахстану более успешно решать проблему нейтрализации воздействия названных и многих других негативных факторов. Одновременно она позволила бы и другим государствам региона более успешно решать множество весьма острых социально-экономических и политических проблем. Таких, например, как бедственно высокий уровень безработицы, бедности, коррупции, глубокое расслоение общества по имущественному признаку, неразвитость демократических институтов и т.д. Проблем, неразрешенность которых служит или может послужить питательной почвой для развития процессов, ведущих к дестабилизации ситуации в каждой стране региона и, соответственно, в регионе в целом.

Есть еще один момент, о котором стоит, наверное, упомянуть. Развитие интеграционных связей в ЕврАзЭС буксует. В том числе, как представляется, и в силу изменившегося финансово-экономического положения России и политической ситуации в

европейских странах сообщества. О том, как сказываются улучшившееся экономическое положение России и ее резко возросшие финансовые возможности на отношении этой страны к интеграционным проектам, свидетельствует недавний российско-белорусский газонефтяной кризис. Один из смыслов этого кризиса, как представляется, составляет нежелание наиболее влиятельной части политических элит России видеть в Белоруссии равноправного партнера. Если быть реалистами, то помимо разных других практических выводов из случившегося газонефтяного противостояния постсоветских славянских государств само собой напрашивается и следующий. Казахстану, как представителю азиатской части евразийского пространства, вряд ли следует рассчитывать на то, что в России его будут рассматривать в каком-то ином качестве, нежели как младшего и, соответственно, не совсем полноправного компонента этого пространства. Как это было и в прошлом, и позапрошлом, и в более ранних веках. По всей видимости, подспудное осознание этого обстоятельства и побуждает президента Казахстана вновь повернуться лицом к более близкому для него центральноазиатскому пространству и попытаться именно здесь реализовать как свои интеграционные идеи, так и стремление видеть свою страну лидером некоего сообщества стран.

Для всех внерегиональных сил создание единого пространства Центральной Азии интересно с точки зрения обеспечения их собственных политических и неполитических интересов. Далекое не случайно самыми настойчивыми сторонниками скорейшей интеграции государств региона выступают западные страны, причем застрельщиком является Германия. Инициаторами и спонсорами большинства конференций и семинаров, организуемых на данную тему в центральноазиатских государствах, выступают известные немецкие фонды Фридриха Эберта и Конрада Аденауэра, связанные с двумя основными партиями ФРГ, попеременно сменяющими друг друга у руля власти – СДПГ и ХДС/ХСС. Активно пропагандируя идею создания единого центральноазиатского пространства, западные сторонники центральноазиатской региональной интеграции настаивают на том, что длительное пребывание стран региона на этапе развития в рамках национальных государств не позволяет им эффективно решать наиболее острые вопросы экономического и политического развития. Невозможность же обеспечения быстрого подъема экономики в государствах региона не позволяет найти удовлетворительное решение многих социальных проблем и может

привести к росту социальной и политической напряженности со всеми вытекающими из этого последствиями.

Примерно с рубежа прошлого и нынешнего столетий и практически до наших дней повышенная озабоченность западноевропейских стран возможными последствиями роста социальной и политической напряженности, обусловленного недостаточным развитием местных экономик в регионе ввиду их неинтегрированности, как представляется, объяснялась и объясняется сугубо политическими мотивами. Достаточно сказать, что до сих пор эти страны не проявляли никакого особого стремления к развитию широкого и взаимовыгодного экономического сотрудничества с центральноазиатскими государствами. Любые попытки последних начать диалог в данном направлении встречались сентенциями об обусловленности такого сотрудничества непременным внедрением в политическую жизнь на местах стандартов западной политической культуры. Вместе с тем они откровенно опасались того, что возможные политические потрясения, вызванные социально-экономическими причинами, могут, во-первых, вытолкнуть в Европу массу беженцев и трудовых мигрантов и, во-вторых, привести к власти в странах Центральной Азии силы, для которых исламские ценности являются определяющими. Таковую перспективу западноевропейцы считали для себя неприемлемой. При явном нежелании активно вкладывать средства в развитие реальной экономики региона они были готовы тратить на выдвижение и реализацию инициатив по стимулированию интереса входящих в него стран к интеграции.

Ратуя за скорейшее создание единого интегрированного пространства Центральной Азии, западные страны, вне всякого сомнения, преследовали решение и такой весьма актуальной для них задачи, как ослабление российских позиций в Центрально-Азиатском регионе. Задачи, в которой помимо утилитарной политической составляющей зримо присутствует и такая, фундаментальная по своему значению, составляющая, как цивилизационное противостояние с Россией.

В последние год-два на фоне бурного роста мировых цен на углеводородное сырье и роста зависимости от российских нефтегазовых ресурсов заинтересованность Запада, особенно западноевропейцев, «двинуть вперед» центральноазиатскую интеграцию обрела новую мотивацию. Суть ее заключается в их неприкрытом стремлении во что бы то ни стало ослабить свою нефтегазовую за-

висимость от России. Совершенно очевидно, что один из путей решения этой проблемы они видят в развитии отношений с интегрированной Центральной Азией, обладающей немалыми нефтегазовыми ресурсами. В данном контексте, уже не страны Центральной Азии, а сама Западная Европа оказывается в положении и состоянии просителя. Изменение ситуации подвигает уже западноевропейцев предлагать свое сотрудничество странам региона, конфузливо называя его предложением помощи, с фактическим отказом от выдвижения неприемлемых для последних политических условий.

Таким образом, за столь большим вниманием западных стран к проблеме центральноазиатской интеграции скрывается, по большому счету, стремление обеспечить свои интересы в области безопасности, экономические, политические и цивилизационные интересы как через предотвращение укрепления в реальных условиях Центральной Азии двойственной – национальной и исламской – идентичности государств и обществ стран региона, так и всяческого ослабления позиций России: в регионе в целом и в каждой из стран в отдельности.

Сегодня очевидно, что и в России в отличие от многих прошлых лет стали проявлять интерес к странам Центральной Азии вообще и к проблеме региональной интеграции в частности. В проявлении Россией значительного и предметного интереса к региону следует, наверное, видеть упрочение в политическом истеблишменте страны положения сил, для которых развитие отношений со странами Центральной Азии, а в этом контексте и лоббирование идей создания некоего интегрированного пространства в регионе, является политическим и цивилизационным проектом, отвечающим национально-стратегическим интересам Российского государства. Эти силы не в меньшей степени, чем Запад, заинтересованы в воспрепятствовании, через поддержку идеи центральноазиатской интеграции, развитию процесса воссоединения стран региона после десятилетий советской изоляции с естественным для них пространством исламской цивилизации. Одновременно реализацию подобного проекта они рассматривают в качестве эффективного инструмента укрепления собственных позиций в регионе и ограничения неприемлемых для интересов России попыток западных стран расширить и упрочить свои экономические и политические возможности в Центральной Азии.

В связи с все более настойчиво выдвигающимися проектами создания единого центральноазиатского пространства возникает ряд вопросов. И первый из них можно сформулировать так: существуют ли реальные предпосылки для формирования нового единого регионального пространства?

Сторонники скорейшей интеграции центральноазиатских государств полагают, что для формирования такого пространства в Центральной Азии набор основных необходимых предпосылок уже имеет быть. Они и перечислены в цитированном выше высказывании Н. Назарбаева. Некоторые к этому списку добавляют и такой фактор, как «общность исторических судеб» стран и народов региона. Действительно, республики бывшей советской Средней Азии являются соседями. Но это еще ни о чем не говорит. Таджикистан, например, в гораздо большей степени является соседом Афганистана и Китая, нежели Туркменистана и Казахстана. С первыми он имеет общие границы. При этом на государственном уровне проблем у Таджикистана с ними гораздо меньше, нежели с некоторыми постсоветскими соседями по региону. Нынешние экономики стран региона никак нельзя назвать взаимодополняемыми. О родстве же культур можно говорить лишь в том случае, если они базируются на общей цивилизационной платформе.

Культуры народов региона сегодня базируются, как минимум, на двух таких платформах – исламской и советской. Но, как представляется, силы, способные определять развитие стран региона, упорно стремятся как можно дальше уйти от них обоих. Одновременно народы Центральной Азии разделяет принадлежность одних – к оседлой ираноцентристской цивилизации, других – к тюркско-номадической, третьих – к некоей комбинации и той и другой. В этом плане общего между ними в целом не очень-то и много. Упоминание же об общем языке вообще носит очень двойственный характер.

Можно полагать, что казахский президент имеет в виду русский язык. Но к нему в регионе отношение весьма специфичное. В его широком распространении очень многие видят скрытую угрозу развитию процесса формирования постсоветской национальной идентичности. Соответственно, в регионе скорее настроены на то, чтобы этот язык постепенно сдал свои позиции, нежели получил дополнительный импульс к усилению своих позиций в рамках реализации интеграционных проектов. С другой стороны, таджики склонны подозревать, что в планируемом едином интегрированном

пространстве, преимущественно тюркском, за фразой об общем языке может скрываться стремление утвердить в качестве общего и какой-либо из тюркских языков. При сохранении тех процессов, которыми характеризуется демографическая ситуация в регионе и вероятности уже в ближайшем будущем резкого подъема экономики Узбекистана, перспективы узбекского языка в этом плане являются наиболее предпочтительными.

Не все ладно и ясно и с «общностью исторических судеб» стран и народов региона. Тут, как минимум, надо определиться с тем, что же подразумевать под этой общностью. Очевидно, что у руководителей каждой центральноазиатской страны, а от них в конечном итоге зависит судьба интеграционного проекта, свое и далеко не схожее с другими видение и понимание этой самой «общности исторических судеб». Из всего сказанного следует лишь одно – названные предпосылки никак не могут служить реальной основой развития интеграционных процессов в регионе.

Возникает и такой вопрос: в какой мере формирование единого интегрированного пространства действительно отвечает национальным интересам, например Таджикистана и таджиков, как страны и этноса? По крайней мере, в настоящий и в обозримый период времени? Так ли уж очевиден и, что более важно, приемлем для них положительный ответ? Для Таджикистана создание интегрированного, без государственных границ, пространства в Центральной Азии в условиях, когда процесс формирования современной таджикской нации только-только начинает развиваться по-настоящему и завершится еще очень не скоро, чревато далеко не позитивными последствиями. В частности, возможностью распространения на территорию республики такого явления, как имеющий быть процесс «детаджикизации» территорий, исторически населенных таджиками, но после национально-территориального размежевания Центральной Азии в середине 1920-х годов оставшихся за современными границами республики. Уже одна эта перспектива, а она вполне реальна, делает идею скорейшей реальной региональной интеграции неприемлемой для таджиков.

Создание интегрированного, т.е. объединившегося, слившегося воедино, пространства в Центральной Азии обязательно будет сопровождаться добровольным, а возможно и не всегда и не совсем, отказом каждого из интегрирующихся государств от части своего суверенитета в пользу наднациональных органов. По мере развития интеграционного процесса эти органы будут стремиться к

расширению своих полномочий за счет передачи им национальными государствами все большей части своих суверенитетов. В условиях Центральной Азии скорейшая интеграция приведет к тому, что наднациональные органы будут отражать, прежде всего, национальные интересы государств, обладающих более сильными экономиками. С этой точки зрения Таджикистан не сможет конкурировать с Казахстаном, Узбекистаном или Туркменией. Таким образом, совершенно очевидно, что сегодня поспешная интеграция в единое центральноазиатское пространство совершенно не отвечает интересам республики.

Вместе с тем представляется весьма проблематичной полезность немедленного развития интеграционных процессов и для того же Казахстана, постоянно выдвигающего самые различные интеграционные проекты, как страны и казахов как этноса. Только лишь высокого уровня и динамики экономического развития недостаточно для обеспечения безопасности той или иной центральноазиатской страны как государства и, что особенно важно, для этнической безопасности его титульного населения. В последнем случае не меньшее значение имеют численность этого этноса и уровень осознания им своей этноцивилизационной идентичности и готовности ее защищать. Нынешнее население Казахстана составляет всего лишь 15–16 млн. человек. Из этого числа самих казахов около половины, причем большая часть этой половины испытывает явные проблемы с собственной этноцивилизационной идентичностью. И это при том, что соседи Казахстана имеют такие проблемы в гораздо меньшей степени, а для некоторых из них таких проблем, как представляется, вообще не существует. И не может ли в этих условиях стать так, что создание единого интегрированного пространства Центральной Азии окажется лишь прелюдией для процесса этнического переформатирования самого Казахстана, процесса его повторной, как это было уже однажды в советское время, «деказахизации»? Конечно, не физической, а в смысле утраты казахской частью населения республики своей этнической идентичности?

Сочувственное отношение ко всем формам региональной интеграции означает не что иное, как подрубание корней, питающих сам процесс создания и обеспечения дальнейшего развития национальных государств региона, лишение основы концепций национального возрождения, на которых возводится сегодня здание государственности в странах Центральной Азии. Эти концепции,

несмотря на всю их нечеткость и аморфность, являются практической, хотя и никак не формализованной, государственной идеологией всех центральноазиатских стран. Основной в них является идея восстановления утраченной некогда государственности и восстановления преемственности между нынешним возрожденным государством того или иного титульного этноса и прежним государством этого же этноса в период его наибольшего расцвета и могущества. Именно так обстоит дело в Таджикистане и Узбекистане, политические элиты которых, когда говорят о восстановлении государственной преемственности, однозначно имеют в виду восстановление преемственности с государством Саманидов и государством Тимура и тимуридов соответственно. А, как известно, эти государства были исламскими.

Сторонники вестернизированных моделей интеграции, будь то советская модель или модель ЕС, когда говорят о создании единого центральноазиатского пространства, на деле ведут речь, прежде всего, об уходе от исламских цивилизационных корней нынешних государств региона. Сторонники же разного рода исламских моделей интеграции фактически не приемлют их национальной составляющей. И в одном, и в другом случае сторонники региональной интеграции приходят в жесткое столкновение с национально-возрожденческими идеологиями и одной из существенных их составляющих – идеей преемственности между нынешними национальными государствами и якобы национальными государствами прошлого. Для Таджикистана создание какого-либо интегрированного пространства может иметь существенное значение лишь в том случае, если оно не будет представлять угрозы сохранению таджикского этноса. Если подходить к данной проблеме под этим углом зрения, то наиболее перспективным может считаться проект формирования интегрированного пространства, населенного таджиками и родственными ими этносам. В практическом плане речь может идти о развитии более тесных отношений между Таджикистаном, Афганистаном и Ираном. Эти страны имеют все то, в чем они нуждаются – энергоресурсы, природные ископаемые, коммуникации, обеспечивающие выход к морю, возможности по созданию диверсифицированной экономики. Наконец, их действительно объединяют общая культура и язык.

Пока самым мощным фактором, мешающим развитию соответствующих процессов, являются советское прошлое Таджикистана и определенные различия в менталитете народов этих стран,

в их политической культуре, во многом также обусловленные советским прошлым республики и отношением к этому прошлому в Афганистане и Иране. По мере развития процесса десоветизации в самом Таджикистане и преодоления его восприятия как все еще остающейся некоей полусоветской республикой со стороны Афганистана и Ирана проецирование советского прошлого на настоящее будет уменьшаться. Нарастающие связи на всех уровнях, особенно на уровне бизнес-сообществ и элит, могут и скорее всего будут способствовать преодолению имеющихся различий и препятствий и, тем самым, формированию необходимых предпосылок, в том числе и психологических, по интенсификации двух- и трехсторонних связей. Уже обретают статус рутинных трехсторонние встречи на уровне различных министерств, парламентские саммиты и встречи в верхах глав Таджикистана, Афганистана и Ирана. По всей видимости, этот процесс, аналогичный соответствующему процессу в отношениях между тюркоязычными странами, получит или может получить еще большее развитие в ближайшем будущем.

Что же касается формирования единого пространства Центральной Азии, то, как представляется, в настоящее время и при нынешних политических и прочих реалиях региона не только стимулирование процесса широкого и всеохватывающего процесса региональной интеграции, но и всего лишь постановка такого вопроса не отвечают ни национальным интересам республики, ни таджиков как этноса. Идея региональной интеграции может стать в какой-то мере приемлемой для Таджикистана лишь после трансформации республики в развитое, самостоятельное и вполне состоявшееся государство и формирования устойчивой таджикской национальной идентичности. До появления этих необходимейших предпосылок отношения между Таджикистаном и другими странами региона должны развиваться преимущественно на двусторонней основе, а также на многосторонней основе, но без создания каких-либо наднациональных органов, наделенных сколько-нибудь значимыми самостоятельными полномочиями.

*«Проекты сотрудничества и интеграции
для Центральной Азии: Сравнительный анализ»,
М.–Барнаул, 2009 г., с. 176–184.*

А. Лавров,

востоковед

ИСЛАМ И РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ

На всем протяжении XX в. ислам являлся одной из важнейших составляющих жизни афганского общества. На разных этапах развития страны менялись роль и место религии в жизни афганцев. Это стало особенно заметно во второй половине XX в., когда в результате проводимых преобразований начался процесс трансформации афганского общества. Реформы 50–70-х годов, бывшие во многом половинчатыми и непоследовательными, все же оказали влияние на общественные отношения, уменьшив воздействие религии и других традиционных устоев на жизнь афганцев, в которую стали проникать элементы современной западной культуры.

По мере изменения характера государственной власти в Афганистане – от монархии к президентской республике, а затем к просоветскому режиму, – усиливалось давление светской власти на религию и ее служителей, влияние которых в судопроизводстве и образовании, являющихся традиционными сферами их деятельности, в значительной степени уменьшилось. А ислам в эти годы превратился в один из столпов государственной идеологии и был поставлен на службу правящей элите. Но многие представители традиционного исламского духовенства, а также некоторые представители интеллигенции, объединившиеся в политические организации и движения, стали оказывать противодействие проводимым в стране преобразованиям. Эта борьба достигла своего пика в 80-х годах, когда правящая Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА), испытывавшая значительные трудности в проведении преобразований, призванных построить в стране общество по образцу стран социалистического лагеря, была вынуждена прибегнуть к военной помощи Советского Союза, чтобы удержать власть в стране. Начавшаяся гражданская война разделила Афганистан на два лагеря – «народное правительство» и исламскую оппозицию, определившую своей целью свержение просоветского режима и установление «исламского правления».

Приход к власти группировок исламских оппозиционеров, или, как они себя называли, моджахедов («борцов за веру»), открыл новую страницу в истории Афганистана. Страна на целое десятилетие оказалась во власти ислама. Влияние религии на жизнь

общества было восстановлено и стало даже сильнее, чем было в начале XX в. Особенно ярко это проявилось во время правления в Афганистане членов радикальной исламской группировки – движения «Талибан», которое пришло на смену моджахедам. Члены движения, называвшие себя талибами, установив контроль над большей частью территории страны, создали теократический режим – Исламский Эмират Афганистан (ИЭА), власть в котором была сконцентрирована в руках низших слоев исламского духовенства – мулл, маулави и ахундов. Все сферы жизни общества – политика, экономика, социальные отношения – были подчинены религиозным нормам. Талибы требовали от населения неукоснительного выполнения религиозных ритуалов, а также бытовых предписаний, касавшихся поведения и внешнего вида. Были запрещены музыка, телевидение, фото- и видеосъемка, многие виды изобразительного искусства и пользование Интернетом. Политика талибов в отношении женщин была жесткой и бескомпромиссной: афганкам запрещалось появляться в общественных местах без чадры и без сопровождения родственников-мужчин. Они были фактически лишены права работать вне дома и получать образование.

Придерживаясь одной из наиболее жестких форм ислама, талибы установили тесные связи со многими радикальными исламскими организациями в разных странах. Особенно тесные отношения сложились у руководства ИЭА с руководителем экстремистской организации «Аль-Каида» Усамой бен Ладеном, которому было предоставлено убежище на территории Исламского эмирата. Афганистан при талибах превратился в центр наркобизнеса и стал прибежищем для террористов, действовавших под исламскими лозунгами.

Атаки против США, совершенные террористами-смертниками 11 сентября 2001 г., стали предвестием больших перемен, произошедших в Афганистане. Лидеры талибов отказались выдать американским властям Усаму бен Ладена – главного обвиняемого в организации этих террористических актов, чем навлекли на себя справедливый гнев всего мирового сообщества. 7 октября 2001 г. США и их союзники по НАТО начали военную операцию против талибов на территории Афганистана. В результате этой операции ИЭА прекратил свое существование, а движение «Талибан» было объявлено вне закона. Страна была освобождена от религиозного

диктата талибов и получила возможность начать жизнь с «чистого листа», вернувшись на путь демократического развития.

Решения Боннской конференции, состоявшейся в начале декабря 2001 г., и заседания Лоя Джирги в июне 2002 г. определили вектор развития Афганистана в начале XXI в. В области государственного устройства был взят курс на возрождение института светской власти с учетом исторических реалий. Страна была провозглашена Исламским Государством Афганистан (с января 2004 г. – Исламская Республика Афганистан), во главе которого находился глава Временного правительства, затем – Переходной администрации, а с 2004 г. – президент. Осенью 2005 г. прошли выборы в афганский парламент. Афганистан встал на путь создания демократического общества. Закон о печати, принятый в феврале 2002 г., предоставил право на издание свободной, независимой прессы, а Закон о политических партиях, утвержденный в ноябре 2003 г., наделил всех граждан Афганистана правом создавать политические и общественные организации. Стала активно развиваться независимая пресса, была упразднена цензура. Представители религиозных меньшинств – шииты и исмаилиты – снова обрели свободу вероисповедания и получили возможность беспрепятственно совершать свои религиозные обряды, многие из которых были запрещены талибами.

В бытовой сфере было отменено большинство введенных талибами запретов и ограничений, связанных с внешним видом мужчин и женщин, нормами поведения, женщины снова получили право учиться и работать. Стали открываться женские школы, возрождена система светского образования. Возобновилась трансляция передач по телевидению, оказавшемуся при талибах под запретом. В страну стали проникать элементы современной западной культуры, такие как Интернет и современная музыка. Пока эти новые веяния распространились лишь в крупных городах страны, пользуясь популярностью среди наиболее восприимчивой к ним части афганского общества – молодежи и прозападной интеллигенции.

Однако десятилетнее правление моджахедов, а затем талибов оставило глубокий след в жизни афганцев. Роль религии в обществе в этот период значительно возросла, и сейчас, уже в постталибском Афганистане, религиозные нормы сохраняют свое влияние на настроения и образ жизни большинства жителей страны. Новая

власть не может не считаться с этим обстоятельством и вынуждена искать компромиссы с исламистами.

Одним из таких компромиссов во многом является действующая Конституция Афганистана, принятая в начале 2004 г. В преамбуле Основного закона главной его задачей определяется «построение гражданского общества, свободного от эксплуатации, насилия, дискриминации и основанного на верховенстве закона, социальной справедливости, защите прав человека, достоинства и гарантиях фундаментальных прав и свобод народа». Но наряду с этими либеральными идеями в Конституции закреплены положения, определяющие роль ислама как регулятора духовной и политической жизни общества. Первая статья Основного закона провозглашает Афганистан исламской республикой. Ислам в соответствии с Конституцией является официальной религией Афганистана. В одной из статей сказано, что ни один закон не должен противоречить положениям ислама, как и положениям самой конституции.

Несмотря на светский характер нынешнего режима в Афганистане и развитие демократических институтов (разделение властей, выборность главы государства и членов парламента) религиозные деятели и исламисты имеют возможность оказывать существенное воздействие на систему государственной власти. В большей степени это влияние ощущается в законодательной и судебной сферах и в меньшей – в исполнительной.

Сильное влияние религиозного фактора ощущается в сфере судопроизводства, в которой позиции исламского духовенства традиционно были особенно сильны. В 90-х годах в период правления моджахедов, а затем талибов в Афганистане были введены нормы исламского права – шариата, а действие гражданского законодательства было прекращено. После падения режима талибов был осуществлен возврат к преимущественному использованию норм гражданского права, что было закреплено в Конституции. Но сразу заменить религиозные нормы гражданскими не удалось, так как в законодательной сфере и особенно в высших судебных органах сохранилось сильное влияние сторонников ортодоксального ислама. Так, Верховный суд Афганистана до середины 2006 г. возглавлял Фазль Хади Шинвари, представитель высших слоев духовенства, известный своими консервативными взглядами. Схожую с ним позицию занимают и другие члены высшей судебной инстанции, о чем наглядно говорят заявления и высказывания некоторых из них.

Спустя всего два месяца после того, как Исламский Эмират Афганистан прекратил свое существование, А. Зариф, один из членов Верховного суда, заявил, что введенная талибами система наказаний остается в силе, хотя и будет несколько смягчена.

Исламские фундаменталисты и традиционалисты, пользуясь своим влиянием в законодательной и судебной системах, стремятся удержать афганское общество в рамках традиций, которые они понимают как приверженность принципам ислама, соблюдение религиозных положений и обрядов, а также недопущение в страну западной культуры. Их взгляды находят понимание и поддержку среди некоторых представителей исполнительной власти – руководителей областей и провинций, а также глав ряда ведомств, в прошлом входивших в ряды партий моджахедов и сохранивших связи с лидерами этих организаций. Объектами запретительной деятельности консерваторов стали мораль, образование и вопросы, связанные с правами и статусом женщин в обществе. Первой мишенью исламистов стали некоторые телепрограммы и фильмы, которые, по их мнению, являлись аморальными и противоречили исламским нормам. Так, в августе 2002 г. председатель Государственного комитета по телевидению и радиовещанию запретил телевизионный показ индийских фильмов и трансляцию по кабульскому радио песен индийских исполнительниц. И хотя вскоре в результате вмешательства главы Переходной администрации Афганистана Хамида Карзая этот запрет был отменен, наступление исламистов на телевидение не остановилось. В конце 2002 г. решением суда было запрещено кабельное телевидение в Джелалабаде, а в январе 2003 г. Верховный суд постановил наложить запрет на кабельное телевидение уже во всем Афганистане. Основной причиной этих действий стала трансляция иностранных фильмов, которая была объявлена «противоречащей традициям».

Но в то же время исламские консерваторы заняли более прагматичную позицию по отношению к телевидению, чем талибы, и постарались использовать это популярное среди афганцев средство массовой информации для пропаганды ислама и традиционных ценностей, а также для критики пока не запрещенных ими элементов западной культуры. Так, в 2005 г. исламские богословы приняли решение о создании религиозного телеканала, который должен «компенсировать вред, наносимый обществу аморальным светским телевидением». Помимо телевидения сторонники ислама и традиционных ценностей уделили значительное внимание

проблеме сохранения морали и нравственности афганцев, которую они трактуют через призму религиозных норм. В 2002 г. была создана религиозная полиция, фактически выполняющая функции полиции нравов. Ее задачей является борьба против таких социальных пороков, как супружеские измены, употребление в пищу запрещенных Кораном продуктов, спиртных напитков и т.д. Одновременно при Верховном суде Афганистана было создано специальное подразделение, занимающееся расследованием дел о нарушениях исламской морали и карающее провинившихся наложением денежных штрафов. Образование этих ведомств было воспринято многими афганцами, особенно жителями больших городов, как воссоздание полиции нравов, существовавшей в Исламском эмирате талибов и следившей за выполнением многочисленных требований и запретов в отношении внешнего вида, одежды и поведения людей.

Жесткие религиозные нормы по-прежнему препятствуют развитию системы образования, которая сейчас испытывает давление со стороны исламистов и при этом сталкивается с множеством других проблем. В Афганистане остро ощущается дефицит школ и квалифицированных учителей. В опубликованном в конце 2006 г. отчете Международной организации помощи детям даются неутешительные цифры: около 7 млн. (т.е. больше половины) афганских детей лишены возможности посещать школы и в среднем лишь 20% афганских девочек получают среднее образование. Обучение и преподавание в школах, особенно в сельских районах страны, в последние годы стало небезопасным занятием, так как учебные заведения часто подвергаются атакам талибов и их союзников, отряды которых действуют в ряде провинций Афганистана. Талибы угрожают школьным учителям, среди которых много женщин, смертной казнью, если те будут и дальше заниматься преподаванием. Поэтому в ряде областей Афганистана учителя не выходят на работу из-за страха погибнуть от рук исламских радикалов. Многие родители не отправляют своих детей в школы, вполне обоснованно опасаясь за их безопасность. Таким образом, значительная часть афганской молодежи, особенно в сельской местности, фактически лишена доступа к получению светского образования и продолжает оставаться неграмотной.

Несколько иная ситуация наблюдается в сфере религиозного образования. В Афганистане действует большое количество религиозных школ (медресе), и во многих из них, как и в период прав-

ления талибов, учащимся внушают идеи радикального ислама и ненависти к его врагам, к которым часто причисляют нынешний правящий режим и его западных союзников. Так как многие религиозные учебные заведения действуют нелегально, то властям трудно следить за деятельностью каждого из них. Поэтому недавно афганское правительство приняло решение создать сеть подконтрольных ему медресе, что даст возможность предотвратить поступление молодежи в нелегальные религиозные учебные заведения внутри страны, а также в пакистанские медресе, многие из которых до сих пор играют роль «кузницы кадров» для талибов, действующих на территории Афганистана. Пока рано говорить о том, насколько успешной является эта идея, однако можно предполагать, что созданные при содействии официальных властей религиозные школы наверняка столкнутся с теми же трудностями, что и светские. Очень вероятно, что эти учебные заведения также будут подвергаться нападениям со стороны непримиримых противников новой власти. Талибы вряд ли смирятся с планами правительства, направленными на лишение их той социальной базы и источника людских резервов, которыми в настоящее время являются многие неподконтрольные властям медресе.

Пока что не внушает оптимизма и ситуация по вопросу о правах женщин в Афганистане. Хотя новые власти страны предприняли некоторые шаги для освобождения афганских женщин от жесткого диктата талибов, полученные афганками права во многом остаются декларативными. Сейчас женщины могут учиться и работать, к ним уже не предъявляют жестких требований по поводу внешнего вида и поведения, они могут состоять в общественных и политических организациях, избирать и быть избранными. Но при этом ситуация с женским образованием в стране оставляет желать лучшего, значительное число афганок продолжают оставаться неграмотными. Также они часто не могут реализовать свое право на труд. Даже зная иностранные языки и владея навыками работы на компьютере, женщины не могут устроиться на работу, так как афганские работодатели и даже представительства многочисленных международных гуманитарных организаций неохотно берут их на работу.

В вопросе о правах женщин, наверное, наиболее сильно проявилась неравномерность социального и культурного развития разных областей Афганистана в постталибский период. Если в Кабуле афганки получают образование и могут надеяться поступить на

работу, то в ряде областей страны наблюдается совсем другая ситуация. Вот уже несколько лет вызывает большую тревогу положение женщин в западной провинции Герат, губернатором которой после падения режима талибов стал известный полевой командир моджахедов Исмаил-хан. Его администрация предоставила гератским женщинам возможность получать образование, но одновременно обязала их соблюдать правила в одежде и поведении, немногим отличающиеся от тех, которые в свое время установили талибы. Религиозная полиция, правительственные чиновники и созданная по указу губернатора «молодежная полиция» – отряды, сформированные из молодых людей, надзирают за тем, как одеваются, куда идут и что говорят женщины. Жительницы Герата по-прежнему обязаны носить чадру, скрывающую их лицо. Те из них, кто ходит по улицам в сопровождении мужчин, не являющихся их родственниками, садятся с ними в машину или остаются с ними наедине, рискуют подвергнуться аресту.

Афганки бесправны не только в обществе, но и в семье. Многие из них до сих пор выдают замуж, не спрашивая их согласия. Не имея возможности защищать свои права и жаловаться в официальные инстанции, некоторые доведенные до отчаяния женщины решают покончить жизнь самоубийством. В течение трех последних лет наблюдается тенденция к увеличению числа женских самоубийств путем самосожжения. Лидирует в этой печальной статистике провинция Герат, где в последнее время подобные случаи происходят ежедневно. Это явление постепенно распространяется и на другие города и области Афганистана. В целом, как отмечают международные наблюдатели и правозащитники, за прошедшие годы после падения режима талибов афганские женщины получили много прав, которые в основном являются декларативными и не могут быть реализованы. В последнее время наблюдается тенденция по ужесточению норм и правил, касающихся статуса и прав женщин в Афганистане. В повседневной жизни основным отличием сегодняшнего Афганистана от созданного талибами Исламского эмирата является предоставление женщинам возможности получать образование. Однако многие афганки не могут воспользоваться даже этим правом. Поэтому в их сознании политика сегодняшнего правительства не ассоциируется с переменами к лучшему, что порождает у многих из них чувство безысходности и отчаяния.

Как видно из приведенных примеров, в настоящее время ислам продолжает оказывать значительное влияние на жизнь афганского общества. Причем преобладающей сейчас является жесткая форма ислама, которая во многих аспектах схожа с религиозно-политической практикой талибов в период существования ИЭА. И вызвано это не проведением политики исламизации, как было при талибах, а действием других факторов. Это прежде всего политическая нестабильность, которая в течение уже нескольких десятилетий мешает наладить мирную жизнь в стране. Продолжение междоусобной борьбы между региональными лидерами, действия вооруженной оппозиции против правительства, отсутствие уверенности в завтрашнем дне усиливают религиозное сознание простых афганцев, многие из которых являются неграмотными и до сих пор в определенной степени подвержены влиянию религиозных деятелей, которым доверяют больше, чем политикам.

Важнейшим фактором усиления радикальных тенденций в исламе является присутствие военных контингентов США и их союзников по НАТО на территории Афганистана. Религия в этой ситуации становится объединяющим фактором перед лицом внешней силы – иностранных военных, которые воспринимаются многими афганцами как оккупанты. Американцы и военные из других стран ведут в Афганистане борьбу против талибов и их союзников, однако эта борьба уже давно приняла затяжной характер, в ходе боевых действий часто страдают мирные жители, все более заметны признаки усталости и растущего раздражения населения страны от нескончаемых антитеррористических операций, эффективность которых вызывает все больше сомнений.

При этом усиливается разочарование афганцев политикой западных стран, выступающих в качестве доноров в деле восстановления Афганистана. В развитие экономики и инфраструктуры вкладывается недостаточное количество средств, но наряду с этим процветают коррупция и нецелевое использование значительных сумм, выделяемых разными странами и международными организациями. У многих исследователей создается впечатление, что иностранные специалисты в Афганистане больше беспокоятся о собственной безопасности, чем о восстановлении и развитии этой страны. Все это вызывает реакцию протеста у афганцев. До настоящего времени их раздражение действиями иностранных военных и в какой-то степени гражданских специалистов проявлялось в виде стихийных митингов и демонстраций, проходящих под

исламскими лозунгами. Причем поводами для этих выступлений подчас служат события, происходящие за пределами страны, но при этом тесно связанные с исламом. Так, в мае 2005 г. в Джелалабаде в течение нескольких дней проходил многотысячный митинг, участники которого выражали возмущение в связи с обнаружившимися фактами издевательства над заключенными мусульманами в американской тюрьме Гуантанамо и неуважительного отношения к Корану. Весной 2006 г. во многих городах Афганистана прошли массовые акции протеста против публикации карикатур на Пророка Мухаммеда в ряде европейских периодических изданий. Демонстрации сопровождались столкновениями их участников с полицией, что привело к жертвам как с одной, так и с другой стороны.

Еще одним фактором влияния на ислам в сегодняшнем Афганистане является деятельность религиозно-политических организаций, как легальных, так и находящихся вне закона. В стране продолжают действовать партии моджахедов, которые образовались на рубеже 70–80-х годов. Это Исламское общество Афганистана (ИОА) во главе с бывшим президентом страны Бурханудином Раббани; Национальный исламский фронт Афганистана (НИФА), возглавляемый Сейидом Ахмадом Гилани; Национальный фронт спасения Афганистана (НФСА) во главе с Себгатуллой Моджаддеди и Исламский союз освобождения Афганистана Абдуррасула Саяфа. В стране действуют также политические организации, в которые входят в основном представители национальных и религиозных меньшинств – шиитская Партия исламского единства Афганистана (ПИЕА), а также Национальное исламское движение Афганистана (НИДА), которое до последнего времени возглавлял лидер афганских узбеков Абдуллах Дустум. Все эти организации в большей или меньшей степени лояльны сегодняшним афганским властям. Единственным исключением является ИПА (Исламская партия Афганистана), возглавляемая наиболее радикальным из лидеров моджахедов – Гульбеждином Хекматъяром. На сегодняшний день она находится в оппозиции новому режиму и ведет против него вооруженную борьбу, вступив в союз с талибами.

Серьезные изменения, произошедшие в расстановке политических сил в Афганистане за шесть лет после падения режима талибов, оказали значительное влияние на деятельность исламских политических организаций и процессы партийного строительства. На базе старых партий моджахедов образовалось несколько новых политических организаций, которые возглавили деятели, ранее не

имевшие широкой известности на политической арене Афганистана. Так, от ИОА, бывшей в 80-х годах наиболее массовой партией моджахедов, отделилось Национальное движение Афганистана (НДА), которое возглавил Ахмад Вали Масуд, брат известного полевого командира, лидера Северного альянса Ахмада Шаха Масуда. После президентских выборов раскол произошел уже в самом НДА, из которого вышел один из лидеров Северного альянса Юнус Кануни, образовавший собственную партию под названием «Новый Афганистан». В парламентских выборах 2005 г. приняла участие новая Партия исламской справедливости Афганистана, также отделившаяся от ИОА. От традиционалистского НИФА с его бессменным лидером С.А. Гилани в 2004 г. отделилась новая политическая организация под названием «Движение национальной солидарности Афганистана», которую возглавил один из членов семьи Гилани. По сути, Движение представляет собой молодежное крыло НИФА. В парламентских выборах приняла участие даже фракция ИПА, руководителями которой являются Халид Фаруки и Хумаюн Джарир. После падения режима талибов на политической арене Афганистана появилось несколько новых исламских организаций шиитского толка, отделившихся от ПИЕА. Это Партия национального исламского единства Афганистана во главе с Мухаммадом Акбари; Партия исламского единства народа Афганистана, возглавляемая Хаджи Мухаммадом Мохаккеком; Партия исламского единства афганской нации во главе с Курбан Али Ирфони и Партия национального могущества Афганистана, лидер – Сейид Мустафа Каземи. Претерпел изменения и состав НИДА. Из Движения вместе со своими последователями вышел лидер афганских исмаилитов Сейид Мансур Надери, который образовал собственную организацию под названием Партия национального соединения Афганистана.

Процесс отделения новых группировок от партий моджахедов во многом явился тактическим ходом, позволившим им расширить свою социальную базу и успешно пройти парламентские выборы 2005 г. Одновременно этот процесс продемонстрировал стремление лидеров моджахедов к обновлению с целью сделать свои политические организации более популярными среди афганцев. Сейчас большинство исламских партий уже не использует лозунги джихада, и их исламистская риторика уже не так заметна, как в 80-е годы, когда они были ядром вооруженной оппозиции просоветскому режиму. Партии моджахедов призывают решать насущ-

ные проблемы современного Афганистана: стремиться к обеспечению социальной справедливости, верховенства закона, развитию системы просвещения, ликвидации нищеты и безработицы. Но при этом их практические действия направлены на сохранение и даже усиление роли ислама в обществе, а следовательно, и своего влияния.

Сейчас большинство исламских партий в Афганистане интегрировано в действующую политическую систему и используют в своей деятельности мирные методы борьбы. Непримируемую позицию по отношению к правительству занимают талибы и вступившая с ними в союз основная фракция Исламской партии Афганистана (ИПА) во главе с Г. Хекматъяром. По некоторым данным, лидеру Исламской партии в 2003 г. удалось договориться с руководителями талибов об объединении с ними в рамках так называемой «Армии мучеников ислама». Сейчас ИПА уже не так сильна, как 20 лет назад, ряд полевых командиров вместе со своими отрядами покинули ее ряды и перешли на сторону правительства. В 2005 г. партия пережила политический раскол: от нее отделилась фракция, которая также взяла название ИПА и приняла участие в парламентских выборах, тем самым войдя в число легальных политических организаций. В настоящее время Г. Хекматъяр не пользуется поддержкой со стороны государств Запада, как это было в 80-х годах. Исламские государства, в том числе Пакистан, также не возлагают больших надежд на ИПА. Хотя вооруженные отряды Исламской партии действуют в ряде провинций Афганистана, она уже не может претендовать на роль политической силы в масштабах всего Афганистана и тем более помышлять о захвате власти в стране. Рядом с талибами ИПА фактически оказалась на вторых ролях. Это, конечно, не устраивает Г. Хекматъяра, который в 70–80-х годах стремился возглавить исламское оппозиционное движение в Афганистане, а после прихода моджахедов к власти надеялся занять пост главы государства. Поэтому в последнее время он старается демонстративно дистанцироваться от талибов, заявляя о своей партии как независимой политической силе. В 2006 г. и в начале 2007 г. Г. Хекматъяр неоднократно выступал с заявлениями, в которых критиковал талибов за то, что они действуют во вред исламскому движению в Афганистане и получают поддержку от спецслужб соседнего Пакистана. Несколько месяцев назад Г. Хекматъяр в интервью западным журналистам заявил о разрыве с талибами и при этом не исключил возможности проведения переговоров с

официальным Кабулом. Однако эти заявления носят во многом пропагандистский характер и направлены на то, чтобы привлечь внимание к ИПА, придать ей вес в глазах официальных афганских властей и правительств других государств. В ближайшем будущем вряд ли можно будет ожидать того, что вооруженные формирования партии сложат оружие и перейдут на сторону афганского правительства. Также маловероятно, что Г. Хекматъяр окончательно порвет с талибами, ведь пока их объединяет общий враг – военные контингенты США и стран НАТО, с которыми они ведут вооруженную борьбу под лозунгами защиты ислама и независимости Афганистана.

Наиболее последовательным и непримиримым врагом новых властей Афганистана являются талибы, вернее, та их часть, которая сохраняет верность мулле Мухаммаду Омару – главе бывшего ИЭА и руководителю движения «Талибан». После крушения ИЭА под ударами сил международной коалиции и Северного альянса ряды талибов заметно поредели. Часть талибов присоединилась к своим вчерашним врагам – моджахедам, влившись в различные группировки и вооруженные формирования. Некоторые талибы заняли выжидательную позицию, сложив оружие и демонстрируя лояльность по отношению к новому правительству. Но ярые приверженцы старого режима избрали путь вооруженной борьбы с новой властью. Возглавляемые муллой М. Омаром, они до сих пор продолжают сопротивление официальному Кабулу и силам международной коалиции.

Необходимо отметить, что после успешной операции по свержению режима талибов командующие иностранными контингентами в Афганистане, как и само новое афганское правительство, находились в состоянии эйфории: им казалось, что основные силы сторонников муллы М. Омара и Усамы бен Ладена разбиты и окончательное их уничтожение – лишь дело времени. Действительно, после проведения ряда военных операций, самыми масштабными из которых были действия в горах Тора-Бора (декабрь 2001 г.) и операция «Анаконда» (март 2002 г.), военный потенциал талибов и отрядов «Аль-Каиды» был значительно подорван, и их активность в течение нескольких последующих месяцев снизилась. Однако американцы и их союзники явно недооценили возможности талибов, которые довольно быстро оправались от шока и снова вступили в борьбу. Но теперь они уже действовали не одни, а в союзе с другими силами, которым было невыгодно усиление ново-

го режима в Кабуле. Помимо Исламской партии Г. Хекматьяра, о которой уже упоминалось выше, в этот союз вступили новые организации исламистского толка, такие как «Секретная армия моджахедов» и «Талибы и преданные моджахеды». Кроме того, талибы нашли сторонников в лице ряда региональных лидеров и полевых командиров, не заинтересованных в распространении власти Кабула на подконтрольные им территории. Талибы стали внедрять своих людей в органы местного управления, наладили сбор разведанных о планируемых против них крупных военных операциях. Отказавшись от прямых военных столкновений с правительственными силами и американскими и натовскими военными, талибы перешли к тактике нанесения точечных ударов. Они устраивают налеты на блокпосты и патрули американцев и правительственных войск, нападают на военные колонны на дорогах. В прессе появляется все больше сообщений о террористических актах, организованных последователями и сторонниками муллы М. Омара. В последнее время из сводок новостей часто можно услышать о смертниках, совершивших очередной подрывной акт. К концу 2006 г. в стране было осуществлено более 100 акций террористов-самоубийц. Международные наблюдатели отмечают, что талибы успешно перенимают тактику боевиков, противостоящих американцам в Ираке.

Помимо вооруженной борьбы и осуществления террористических актов талибы активно выступают на пропагандистском фронте. Они распространяют листовки с призывами к населению подняться на «священную войну» против американских войск и других иностранных военных, находящихся в Афганистане. Талибы умело используют ошибки новых властей Афганистана и американцев, провоцируя недовольство населения как против администрации Х. Карзая, так и против военного присутствия США и НАТО в стране.

Сейчас талибы расширяют географию своих действий на территории Афганистана. Если два-три года назад их активность отмечалась в южных и восточных провинциях страны, то в настоящее время их отряды действуют также на западе и в центре. Несмотря на значительные потери в живой силе, исламские экстремисты не снижают интенсивности своих действий и постоянно держат в напряжении своих противников, вынуждая их проводить крупномасштабные военные операции. Однако эти операции дают лишь временный эффект, и после их завершения талибы

довольно быстро восстанавливают, а кое-где еще больше укрепляют свои позиции, обращая недовольство местного населения военными действиями в свою пользу. В ряде районов Афганистана последователи муллы М. Омара чувствуют себя уже настолько уверенно, что вновь переходят к тактике открытых вооруженных столкновений, правда не с иностранными военными, а с подразделениями афганской полиции. Особенно это заметно на юге страны, где талибы уже стали теневой властью. В ряде уездов и населенных пунктов они создали подконтрольную себе администрацию. Все это говорит о том, что талибы превратились в серьезную региональную силу, при этом претендующую на власть в масштабах всей страны.

Действия талибов не ограничиваются только территорией Афганистана. Достаточно сложная и неоднозначная ситуация сложилась в их отношениях с Пакистаном – бывшим союзником ИЭА. Правительство Пакистана во главе с президентом Первезом Муншаррафом последним разорвало дипломатические отношения с талибами и поддержало антитеррористическую операцию США и их союзников в Афганистане. Пакистанские власти приветствовали создание нового афганского правительства и установили с ним дипломатические отношения. Однако Пакистан, порвав с талибами на дипломатическом уровне, не мог отказаться от связей с ними вообще сразу и полностью. Межведомственная разведка Пакистана (ISI), бывшая во времена нахождения талибов у власти их главным спонсором, сохранила тесные отношения с ними и после падения режима. По некоторым данным, эта организация до сих пор оказывает разностороннюю помощь талибам, находящимся на территории Афганистана, и использует их, стремясь усилить свое влияние как внутри Пакистана, так и за его пределами. Кроме того, талибы до сих пор пользуются поддержкой пуштунских племен «независимой полосы», населяющих территории, граничащие с Афганистаном. Эти племена формально не подчиняются властям Пакистана, и поэтому проведение на территории их проживания военных операций затруднено. Хотя Исламабад под давлением США все же был вынужден провести несколько операций по уничтожению талибов и боевиков «Аль-Каиды» в этих областях, боевые действия и на территории Афганистана, и в «полосе племен» Пакистана не дали значительных результатов. Пока ни одна из операций не завершилась задержанием муллы М. Омара или Усамы бен Ладена.

Более того, после этих операций группировка талибов на территории Пакистана усилилась. Действия пакистанских военных в округах Северный и Южный Вазиристан столкнулись с ожесточенным сопротивлением талибов и их сторонников, и в результате официальный Исламабад заключил с ними соглашение о прекращении вооруженных действий на этих территориях. Это соглашение фактически закрепило власть талибов в Северном и Южном Вазиристане и позволило создать им свою администрацию в этих областях, выполняя функции законодательной и исполнительной власти. В результате пакистанские талибы еще больше укрепили свои позиции в приграничных районах на северо-западе страны, фактически получив возможность создать там свое «государство в государстве».

Х. Карзай и его команда неоднократно предпринимали попытки внести раскол в ряды талибов путем объявления амнистии боевикам, сложившим оружие и перешедшим на сторону правительства. Это дало лишь частичный эффект: к концу 2006 г. вооруженную борьбу против официального Кабула прекратили 1400 боевиков, что не привело к снижению активности талибов и уменьшению масштабов военных действий. Предложения Х. Карзая к М. Омару вступить в диалог также пока не принимаются лидером талибов, который в качестве основного условия начала переговоров с правительством требует немедленного вывода иностранных военных с территории Афганистана. Таким образом, он и его последователи демонстрируют твердость и непримиримость своей позиции. Перспективы непримиримых талибов в Афганистане в настоящее время во многом зависят от того, как долго США и их союзники будут сохранять свое военное присутствие в Афганистане и придерживаться стратегии вооруженной борьбы против тех, кого они считают террористами и их пособниками. Учитывая слабость правительства в Кабуле и его очевидную неспособность вести борьбу против непримиримой оппозиции в одиночку, можно предполагать, что иностранные военные контингенты в ближайшее время не будут выведены из Афганистана. Соответственно, группировка талибов также будет продолжать свое существование на территории страны, так как используемые ею лозунги защиты родины и ислама от «иноземных захватчиков» будут оставаться актуальными и популярными в глазах части населения Афганистана.

Таким образом, исламские политические организации в Афганистане продолжают играть значительную роль в политической

жизни страны. Сохраняются тесная взаимосвязь и взаимовлияние ислама и политики. В настоящее время наблюдается целенаправленная тенденция к увеличению роли ислама в жизни общества в форме исламизации. Этот процесс происходит как сверху – через исламских консерваторов и сторонников моджахедов в законодательных и судебных органах, так и снизу – за счет деятельности талибов, играющих роль непримиримой исламской оппозиции и насаждающих нормы ислама в своей интерпретации. В этих условиях ислам используется консервативными силами в обществе как знамя борьбы против многих черт социально-бытовой стороны жизни общества, олицетворяющих западные ценности, носителями которых афганцы считают в первую очередь иностранных военных на территории своей страны. Для большинства населения Афганистана эти ценности остаются чуждыми, в то время как ислам является символом приверженности собственной, афганской культуре и традициям. Таким образом, в социально-культурном отношении ислам в сегодняшнем Афганистане во многом является каналом психологического протеста афганцев против внутренних междоусобиц и присутствия в стране иностранных военных.

По всей видимости роль ислама в общественно-политической жизни Афганистана в ближайшем будущем будет зависеть от того, как долго американцы и их союзники по антитеррористической коалиции будут оставаться в стране. Учитывая сегодняшнюю ситуацию, можно утверждать, что с сохранением в Афганистане иностранного военного присутствия ислам будет оставаться политическим козырем в руках исламских традиционалистов, моджахедов и талибов, который они постараются использовать для борьбы за власть как на уровне отдельных областей, так и в масштабах всей страны.

*«Ближний Восток и современность»,
М., 2008 г., № 35, с. 139–158.*

Эльдар Касаев,

политолог

ТОПКОЕ БОЛОТО ИРАКСКОЙ КОРРУПЦИИ

Ирак официально стал вторым наиболее коррумпированным государством в мире, сообщается в докладе за 2008 г. международной неправительственной организации по борьбе с коррупцией

«Transparency International» (TI). Всего исследование охватывает 180 государств мира, уровень коррупции оценивался по десятибалльной шкале, при этом 10 баллов – самый низкий уровень. Ирак с индексом 1,6 поделил 178-е место в рейтинге с Мьянмой, опередив лишь замыкающую список наименее «прозрачных» Сомалийскую Республику. Для сравнения: в 2003 г. Ирак занимал 113-е место в рейтинге. По подсчетам иракского антикоррупционного государственного «Комитета беспристрастности», с момента начала «экспорта демократии» и до сего дня страна не досчиталась из-за коррупции и финансовых махинаций более 250 млрд. долл.

Как же могло произойти, что это взятое под «опеку» США демократическое государство вязнет в топком болоте коррупции и бюрократии? Каковы причины того, что пришедшие со сменой режима чиновники не в состоянии обеспечить порядок и нормальное функционирование государства? Прежде всего, следует отметить следующее. Несмотря на формальное наличие в Ираке самостоятельных правительства и парламента, их власть тем не менее не является полноценной. Достаточно сказать, что некоторыми территориями Ирака до сих пор управляют отдельные политические партии и организации, племенные кланы и местные вооруженные «авторитеты». По словам руководителя «Комитета беспристрастности» судьи Муссы Фараджа, «рассадником вопиющей коррупции» стал секретариат иракского правительства, к которому перешли полномочия упраздненного Комитета по экономическим вопросам. Теперь этим органом ратифицируются все контракты, среди которых – миллиардные по стоимости закупки самолетов, строительство крупных больниц. При этом контролирующие органы, в том числе комитет, не имеют доступа к документации и не контролируют ход сделок.

Однако так было не всегда.

Саддам Хусейн требовал тотального подчинения высшего чиновничьего аппарата законам государства, не позволял должностным лицам ненадлежащим образом выполнять возложенные на них функции, применял крайне суровые санкции к казнокрадам. По словам одного из бывших функционеров партии «Баас», заработные платы чиновников были настолько низкими, что им не хватало денег даже на «хлеб и воду», а работать приходилось «день и ночь». Материальное положение сегодняшних должностных лиц Ирака заметно улучшилось. Однако связано это отнюдь не с возросшей оплатой труда чиновника, а со стремительно растущим

уровнем коррупции, проникшей во все сферы жизни общества и государства. Ей, как отмечают специалисты ТИ в ежегодном докладе «О положении с коррупцией в мире-2008», подверглись государственные органы, политические партии, армия, национальные компании Ирака. Не так давно возглавлявший Комитет по борьбе с коррупцией судья Радхи Хамзат аль-Радхи обвинил действующее иракское правительство и его главу Нури аль-Малики в краже из государственной казны 18 млрд. долл. По словам судьи, комитет выявил крупные хищения бюджетных средств, предназначенных на социальные нужды, и собрал доказательства по 3 тыс. «хищнических» эпизодов, в которых фигурировали члены правительства и их родственники. Становится понятным, почему еще до опубликования «разгромного» для иракских властей доклада неправительственной, но весьма влиятельной организации ТИ, пожалуй, самый ярый антикоррупционист Ирака судья аль-Радхи был уволен со своего поста и публично осужден.

Однако, как отмечают два бывших американских должностных лица, не только иракские власти, но и администрация Белого дома косвенно причастна к этому. Один из них, А. Бреннер, работал в 2007 г. в посольстве США в Багдаде и возглавлял там отдел по борьбе с коррупцией. По его словам, Госдеп, отказываясь обращать внимание на коррупцию, тем самым поощрял ее. Другой бывший чиновник, Дж. Маттил, руководивший в Багдаде канцелярией в антикоррупционной организации, утверждает, что внешнеполитическое ведомство США всячески помогало иракским лидерам свергнуть аль-Радхи.

Складывается вполне обоснованное впечатление, что Джордж Буш со товарищи пришли в Ирак в большей степени за тем, чтобы «нагреть руки» своих беспристрастных чиновников. Так, эксперты критикуют администрацию Буша за то, что договоры о восстановлении Ирака, заключенные между американскими и иракскими компаниями, отразились на уровне коррупции. Во-первых, работающие на территории Ирака американские нефтяные компании близки республиканской партии США. Во-вторых, крупные нефтяные компании, обладающие солидным капиталом, поглощают более мелкие, но не менее значимые для экономики Ирака.

Кроме того, большинство нефтяных компаний США превышали допустимый уровень затрат, присваивая сверхприбыль, которая относилась к договорам «cost-plus», в соответствии с которыми

компаниям должны быть возмещены все издержки и дополнительная процентная стоимость, гарантированная в качестве прибыли. Отнюдь не все прозрачно и в вопросах распределения контрактов, направленных якобы на скорейшую экономическую реконструкцию современного Ирака. Как отмечает работавший с Госдепом США до войны иракец аль-Хафаджи, фирмы, получавшие контракты, заключали до шести субподрядов с другими фирмами, позволяя каждому уровню получать свою долю. Во многих случаях ни одна из фирм даже и не начинала свою работу по контракту. Например, частная американская компания «CusterBattles», получившая за 13 месяцев контракты по охране общей стоимостью в 100 млн. долл., заключила субподряд на работу, а затем представила поддельные документы с «раздутыми» затратами.

Картина в этой сфере будет еще более безрадостная, если добавить, что, по оценкам судьи Фараджа, на сегодняшний день Ирак уже потерял 90 млрд. долл. от контрабанды нефти и нефтепродуктов. Кроме того, ежегодно впустую сжигается около 600 млн. м³ газа, а из 1041 нефтяной скважины эксплуатируется лишь 441. Экспортные мощности, оцениваемые в 4,2 млн. баррелей в сутки, не используются и наполовину. За истекшую «пятилетку» в Ираке не построено ни одного нефтеперерабатывающего завода, несмотря на выгодные предложения иностранных компаний. Напомним, что еще до американско-британской оккупации страна, испытывавшая нехватку электричества, не производила ни одного дополнительного мегаватта, хотя на эти цели с 2003 г. потрачено более 17 млрд. долл.

Единственным результатом псевдосозидательной деятельности иракских чиновников в энергетической сфере стало лишь незаконное обогащение многих из них за счет совершения сделок с зарубежными иностранными компаниями. Вместо того чтобы разработать необходимую стратегическую политику с целью получения наибольшей выгоды иракским народом, чиновники федерального правительства и правительств производящих районов и провинций делят доходы от ресурсов, являющихся, согласно Конституции, собственностью всего иракского народа, лишь между «своими людьми». Подобный феномен в арабском мире получил весьма благозвучное название – «мухасасса» («пропорциональное распределение»). По данным американского Управления по подотчетности правительства, главного контрольно-ревизионного органа Конгресса США, из ежедневно добываемых в Ираке 2 млн. барре-

лей нефти «неучтенными» остаются от 100 до 300 тыс. баррелей, что в денежном исчислении составляет от 5 до 15 млн. долл.

Помимо государственных структур, национальных и зарубежных компаний, распределения нефтедолларов, тотальная коррупция охватила иракские вооруженные силы. По сообщениям специалистов, в современной иракской армии зачастую служат «солдаты-фантомы», которых на самом деле никогда не существовало. По последним данным, в МВД Ирака нашлось 50 тыс. таких «мертвых душ», получавших жалованье, пайки и обмундирование на сумму около 5 млрд. долл. в год. Кроме того, числятся утерянными 19 тыс. единиц различного оружия. Однако на выплату заработной платы реальным служащим и закупку необходимого вооружения в бюджете страны средств недостает. Почему? По словам командующего одним из иракских подразделений, в государственных силовых структурах есть весьма влиятельные личности, которые всячески оснащают боевиков, преследуя в первую очередь корыстные цели. Воровство в силовых структурах Ирака достигло небывалых масштабов, став бичом иракских вооруженных сил. Примечательно, что на берегах Потомака всерьез опасаются последствий коррупции в военных эшелонах Ирака. И эти тревоги имеют вполне реальные основания.

Организованная Программой развития ООН (ПРООН) весной этого года в Ираке международная конференция по борьбе с коррупцией (впервые после свержения прежнего режима), как оказалось, не дала ожидаемого результата. Напомним, что в данном мероприятии приняли участие как высокопоставленные иракские чиновники, так и представители государств-партнеров. Собравшиеся обсудили вопросы, связанные с государственным управлением, и пути борьбы с коррупцией в контексте международного Соглашения по Ираку, о начале реализации которого было объявлено еще в 2006 г. Документ предусматривает, что к 2011 г. Ирак станет единым, федеративным и демократическим государством, живущим в мире со своими соседями и самим собой, уверенно идущим по пути экономической самодостаточности и процветания. Участвовавший в работе конференции директор Управления ООН по наркотикам и преступности Антонио Мариа Коста заявил, что запас терпимости общественности к коррупции в Ираке практически исчерпан.

К этому остается только добавить, что это негативное явление подрывает доверие к власти, способствует отмыванию денег,

подпитывает организованную преступность и приводит к обнищанию беднейших слоев населения Ирака, получившего в подарок с легкой руки заокеанских неоконсерваторов спасительный на словах, но губительный по сути проект с громким названием «демократия».

«Вестник аналитики», М., 2009 г., № 3, с. 62–66.

И. Фадеева,

доктор исторических наук

ТУРЦИЯ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИСЛАМИЗАЦИИ И СЕКУЛЯРИЗМА

Еще в XIX в. в Турции как следствие своеобразия модернизации страны обозначилось жесткое противостояние двух элит – европеизированной модернизаторской и мусульманской традиционалистской. Реформировать имперские институты, неизбежно задевая интересы клерикалов, пытались султаны Махмуд II (1808–1839) и Абдул-Меджид II (1839–1861). А самый сильный удар по религиозному устройству в Турции уже в XX в. нанес первый президент страны Мустафа Кемаль. Окружавшая Ататюрка военная, партийная и бюрократическая элита видела в модернизации, которая в то время ассоциировалась с вестернизацией, единственный выход из вековой отсталости и упадка. Для кемалистов само существование нового государства было связано с жестким подавлением традиционалистов, в чем они усматривали гарантию безопасности и дальнейшего развития страны. Их важнейшим достижением стало провозглашение Турецкой Республики светским государством, что нашло отражение в Конституции 1924 г. Отделение ислама от государства разрушило как традиционную многовековую общественно-политическую структуру страны, так и ее внешний облик. Парадокс состоял в том, что, пытаясь спасти общество от гибели, его узкая прослойка фактически резала по живому. Реформы инициировались «сверху», введение новых институтов сопровождалось уничтожением старых в системе образования, судебной и т.д., а это не только не способствовало их положительным результатам, но временами даже приводило к хаосу. Османской реформаторской верхушке, а позднее кемалистам, приходилось игнорировать мусульманское население, которое никогда не поддерживало их и воспринимало реформы как чуждые исламу нов-

шества. В таких условиях поддержка офицерского корпуса имела особое значение.

Сейчас вновь, как почти век назад, разгорелась борьба между модернизаторами, главной опорой которых остается армия, и исламистами. Вплоть до середины XX в., несмотря на все усилия реформаторов, основная часть жителей маленьких городков и сельского населения жила согласно традиционным мусульманским нормам и обычаям. Однако по мере постепенной либерализации режима симпатии значительной части населения, прежде не востребованные и не учитывавшиеся, оказались на стороне политиков, осмелившихся заявить о своей приверженности исламу и мусульманским ценностям. Этот поворот обозначился и на бытовом уровне. Даже в крупных населенных пунктах девушки начали покрывать головы хиджабом – традиционным мусульманским платком, а юноши – отпускать бороды, что было редкостью в начальные десятилетия республиканской Турции. Массы людей, хлынувших в города из сельской местности в ходе ускоренных процессов индустриализации и урбанизации второй половины XX в., пополнили ряды ставшего более активным электората. Изменилась структура населения Турции: если в 1927 г. 12,5% проживали в городах с численностью жителей свыше 20 тыс. человек, то с конца 90-х годов в них проживало уже около 71% населения. Многие из новых горожан стали опорой исламистских организаций и партий.

Размножившиеся в 60-х годах религиозные, националистические, а также левацкие группировки существенно обострили внутривнутриполитическую ситуацию. Ожесточилась борьба за власть сторонников кемалистской Народно-республиканской партии (НРП) и возродившейся исламистской элиты. Теперь уже исламисты начали представлять своих противников как ретроградов, препятствующих прогрессу. Они выступали за многопартийность, за новые пути в развитии экономики, критиковали коррупцию в правительстве НРП и в конце концов преуспели в борьбе за голоса избирателей. Постепенно чаша весов склонялась в сторону происламистских сил, что, конечно, не означало их окончательной победы. Процесс перехода к constituzательной политике, начавшийся после Второй мировой войны, приобрел, как в западных странах, циклический характер, представляя собой чередование правительств, исповедующих разную идеологию и внутривнутриполитическое кредо. Но при этом их позиции по ключевым вопросам внешней политики (кипрский вопрос,

отношение к вступлению Турции в Европейский союз и т.д.) во многом совпадают.

Как правило, за активизацией происламистских сил, оказывающихся у власти в результате выборов, следовало подавление их активности путем прямого или косвенного вмешательства армии. В свою очередь исламистские правительства стараются, и не без успеха, ослабить позиции военных. В условиях секулярного режима исламистская верхушка заметно трансформировалась. Начиная с конца 80-х годов, лидерами ряда влиятельных исламистских организаций являются хорошо образованные профессионалы (инженеры, врачи, юристы), во взглядах которых религиозный консерватизм сочетается с гибкостью и открытостью в вопросах экономической и технологической интеграции с внешним миром, хотя среди турецких исламистов есть немало противников модернизации по западным моделям и сторонников силовых методов внедрения исламских норм. Происламистские партии приобретают все больше приверженцев среди выпускников престижных учебных заведений, занятых в различных областях экономики. Существенную роль в хозяйственном развитии небольших городов играет так называемый исламский, или «зеленый», капитал, к которому относятся финансовые учреждения, функционирующие на исламских принципах. Эти принципы включают в себя соблюдение в рамках права на собственность справедливого учета интересов индивида и мусульманской общины, запрет на ссудный (банковский) процент, обязательное отчисление «закят» в пользу бедных. Исламские банки получают капитал из мусульманских стран, в том числе нелегально наличными деньгами. Они также привлекают накопления турецких гастарбайтеров в Европе – тех, кто поддерживает происламистские партии.

Ряды исламистов получают постоянную подпитку, поскольку они имеют вполне легальные условия для расширения сферы своей деятельности. В последние годы религиозных школ было открыто значительно больше, чем светских, причем с 1982 г. преподавание основ религии во всех школах стало обязательным. В конце 90-х годов армия предприняла попытку сдержать рост активности исламистов. При участии Совета национальной безопасности (СНБ), куда наряду с первыми лицами правительства входит высшее военное руководство, в феврале 1997 г. было отправлено в отставку правительство Н. Эрбакана, лидера исламской Партии благоденствия. Вмешательство военных было спровоцировано отнюдь не бес-

помощностью и неэффективностью череды коалиционных правительств и даже не скандалами, связанными с коррупцией в высших эшелонах власти, которые не были редкостью и среди лидеров светских партий. Столь решительные действия были вызваны политикой ползучей исламизации, которую военные расценили как покушение на устои секулярного государства.

Пришедшая к власти в 2002 г. Партия справедливости и развития (ПСР) усвоила опыт предшествовавших происламистских партий, запрещенных за откровенную пропаганду исламских норм. Ее лидеры партии придерживаются более прагматичной и гибкой политики, особенно в экономической сфере. До начала мирового финансово-экономического кризиса им удавалось осуществлять масштабную программу приватизации, обеспечивать приток иностранного капитала. Уровень инфляции в докризисные годы выражался однозначным числом, что для Турции стало большим достижением. Быстро рос валовой внутренний продукт (ВВП). Риторика лидеров Партии справедливости и развития отличается от безудержной критики кемализма их предшественником Н. Эрбаканом. Президент Турции А. Гюль и премьер-министр Р.Т. Эрдоган также избегают нападков на политику и культуру Запада. Они в меньшей степени озабочены солидарностью с мусульманскими странами, чем конкретной задачей вступления в ЕС в качестве полноправного члена. Обвиняя европейцев в антиисламских предубеждениях, лидеры ПСП в то же время понимают значение для Турции сотрудничества с Западом, которое идет на пользу экономическому развитию страны. На конференции в Стамбуле в ноябре 2005 г. Эрдоган заявил: «Мне неважно, чьи это деньги – еврейские, арабские или западные. Я приветствую любые».

Так, в сфере энергетики правительство идет на сотрудничество как с Россией, так и с Ираном, Грецией, Азербайджаном. В настоящее время уже действуют четыре трубопровода: газопровод Россия–Европа–Турция (российский газ доставляется в Анкару через территорию Болгарии); газопровод Иран–Турция (Тебриз–Анкара); газопровод «Голубой поток» (доставка российского газа с побережья Черного моря в турецкий порт Самсун); нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан.

Планируется прокладка еще нескольких газопроводов. В целом внешняя политика Турции, в том числе в отношениях с Россией и США, в годы правления ПСР стала более прагматичной и взвешенной.

В августе 2007 г. при выборах меджлисом президента Турецкой Республики победил один из лидеров ПСР А. Гюль. Таким образом, парламент и два важнейших государственных поста оказались в руках происламистской партии. Оппозиция в лице некоторых парламентариев, крупных государственных чиновников и представителей высшего военного руководства обвиняет правительство в тайной программе постепенного демонтажа светских основ Турции и превращения ее в исламское государство. Происламистские партии, предшественницы ПСР, откровенно выражали недовольство светским режимом и выступали за более существенную роль ислама в государстве. Лидеры правящей партии действуют осторожнее, отвергая обвинения в исламизме и заявляя о стремлении выносить религию за рамки политики. Но при случае и они не скрывают своих религиозных устремлений. Р. Эрдоган заявил по этому поводу: «Демократия подобна поезду, которым следует воспользоваться на пути к желаемой цели, но с которого можно сойти, когда необходимость в нем отпадет».

В феврале 2008 г. по инициативе ПСР были одобрены поправки в законодательство, разрешающие женщинам посещать учебные заведения и государственные учреждения в хиджабах и по сути отменяющие установленный Ататюрком в 1923 г. запрет на ношение мусульманских платков. А в ответ на решение Европейского суда по правам человека, запретившего такие платки в государственных светских школах, премьер-министр заявил, что должен посоветоваться с мусульманскими правоведами. Сторонники светского пути развития Турции расценили поправки о хиджабах как угрозу распространения религиозных символов не только на высшие учебные заведения, но и на школы. А демонстративное желание обратиться за консультацией к религиозным деятелям и исламская риторика премьер-министра, подхваченная его окружением, были восприняты кемалистами как свидетельство намерений возродить нормы шариата и подготовка к трансформации светского режима. В марте 2008 г. Конституционный суд принял к рассмотрению иск прокуратуры о роспуске ПСР по обвинению в нарушении конституционных норм, а в июне отменил поправки о мусульманских платках. Противоборство в стране по вопросу о ношении мусульманских платков продолжается, хотя некий баланс между их противниками и сторонниками сохраняется. Формально эти платки не разрешены в университетах, но студентки, исключенные за их ношение, получили возможность вернуться к

учебе. Однако и президент, и премьер продолжают настаивать на официальной отмене запрета на хиджабы. В ответ на решения Конституционного суда об отмене поправки о хиджабах и принятии к рассмотрению иска о роспуске ПСР правительство перешло в контрнаступление.

В конце июня 2008 г. Верховный суд приступил к рассмотрению уголовного дела против 86 лиц, обвиненных в принадлежности к тайному обществу «Эргенекон», которое якобы начало подготовку военного переворота. Поводом к возбуждению дела стали боеприпасы, найденные у одного из отставных офицеров. В октябре 2008 г. в Стамбуле начался судебный процесс над членами общества «Эргенекон». На скамье подсудимых оказались высокопоставленные военные. Фигурантами дела стали бывший ректор Стамбульского университета К.Я. Алемдароглу, ведущий обозреватель газеты «Джумхуриет» И. Сельджук и другие видные ученые, журналисты, принадлежащие к политическим организациям самой разной ориентации – от националистических до коммунистических. В апреле 2009 г. прокатилась новая волна арестов, включая ряд представителей творческой интеллигенции. Если что-то их всех и объединяет, то это противостояние дальнейшей исламизации страны. О масштабах предпринятой правительством акции особенно красноречиво свидетельствует арест влиятельного отставного генерала Сенера Эруйгура, возглавлявшего «Общество мысли Ататюрка». Просочилась информация, что якобы найденные дневники генерала содержат подробный план военного переворота и свержения правительства под предлогом провалов в экономике. Суд расценивается кемалистами, прежде всего значительной частью военной элиты, как упреждающий удар исламистов, опасющихся отстранения от власти, несмотря на положительное для них решение Конституционного суда. Представителей действующего командования турецкой армии, как и лидеров светских партий, в списке заговорщиков на сегодняшний день нет. Но и без того процесс, обещающий быть долгим, обостряет конфликт двух издавна противостоящих сил. Правящая партия, окрыленная успехом на недавних выборах и выигравшая затейное против нее дело в Конституционном суде, опирается на большинство населения страны. Она располагает огромными финансовыми средствами исламского капитала, подпитываемого зарубежными мусульманскими странами. Как и прежде, за сторонниками светской ориентации страны стоит турецкая армия, верхушка которой тоже имеет нема-

лые финансовые ресурсы и влияние в наиболее образованной части общества. Их поддерживает и значительная часть прессы. Влиятельные армейские круги не сказали еще своего последнего слова.

В отличие от США, Европейский союз, в который Турция пытается попасть в качестве полноправного члена уже несколько десятилетий, традиционно поддерживает тенденцию к ослаблению политической роли армии в стране. Под давлением ЕС были отменены должности военных судей в судах государственной безопасности, учрежденных после военного переворота 1971 г., а вскоре были ликвидированы и сами эти суды. Нарушена многолетняя традиция назначения военных на пост главы Совета национальной безопасности. Два последних генеральных секретаря СНБ пришли на эту должность с дипломатической службы. Значительно усложнился и удлинился процесс утверждения в меджлисе военного бюджета, который ранее одобрялся почти автоматически. Все это можно было бы рассматривать как этапы демократизации, если бы такие действия не усиливали происламистскую правящую партию. Теоретически членство в ЕС могло бы стать гарантией сохранения светского, демократического режима. Однако перспективы вступления Турции в Евросоюз становятся все туманнее. Помимо различных политических и экономических препятствий на этом пути, немаловажную роль играет и то, что, несмотря на серию реформ, проведенных правительством Т. Эрдогана по требованию ЕС и при поддержке Международного валютного фонда (МВФ), происламистский характер правящей партии вызывает опасения у европейцев. Хотя в основополагающих документах ЕС закреплена свобода вероисповедания, многих европейцев настораживает специфика исламской идеологии, которая в большинстве мусульманских стран противоречит светскому характеру государства и принятым в ЕС нормам политического устройства.

Мировой финансово-экономический кризис еще более отдалает перспективу присоединения Турции к ЕС. Сам Евросоюз сейчас, как и весь мир, поглощен мерами по предотвращению дальнейшего углубления кризиса и выходу из него, а Турция среди подававших надежды в последние годы стран с формирующимся рынком стала одной из наиболее пострадавших. Кризис привел к сокращению экспорта, уменьшению иностранных инвестиций и возможностей внешних заимствований, падению курса турецкой лиры на треть и увеличению безработицы до рекордного уровня за все 85 лет существования республики – 13,5% трудоспособного

населения. Финансовая система страны выдержала удары извне и, по мнению турецких и зарубежных экспертов, имеет хорошие шансы понести минимальные потери. В отличие от западных стран фирмы кредитуются не только банками, но и с помощью партнерских или родственных отношений и т.д. Наконец, страна лишь четыре года назад вышла из экономического кризиса, оздоровившего и финансовые учреждения, и реальный сектор. Туристический бизнес рассчитывает на удержание своих позиций за счет западноевропейцев, которые вынуждены в целях экономии сменить свой отдых в Испании, Италии или Греции на более дешевую Турцию. Пока правительству удастся довольно успешно смягчить последствия мирового финансового кризиса и экономического спада. Турция входит в число «большой двадцатки» ведущих экономических держав мира. В марте 2009 г. был одобрен пакет антикризисного экономического стимулирования на сумму 5,5 млрд. турецких лир (3,2 млрд. долл.).

В целом в Турции пока сохраняется относительная экономическая и политическая стабильность и более или менее устойчивое равновесие между происламистскими силами и сторонниками светского развития страны.

«Азия и Африка сегодня», М., 2009 г., № 6, с. 48–51.

С. Серёгичев,

востоковед

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В СУДАНЕ: ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ И СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

Так уж повелось, что весна в политическом календаре Судана имеет репутацию сезона потрясений, мятежей и переворотов. Так, в ночь с 5 на 6 апреля 1985 г. был свергнут режим Нимейри, в апреле 1996 г. крупнейшей и влиятельной суданской партией «Аль-Умма» была совершена неудавшаяся попытка государственного переворота, в конце марта – начале апреля 2004 г. безрезультатно прошла попытка государственного переворота, устроенная Национальным народным конгрессом.

Не стала исключением и весна 2008 г. Утром 10 мая колонна из джипов с боевиками ДСР (Движение за справедливость и равноправие), которое поддерживает связи с лидером суданских исламистов Хасаном ат-Тураби, попыталась прорваться в Омдурман,

бывшую столицу махдистского государства, ныне часть Хартума, но была остановлена суданскими силами безопасности в 50 км западнее Омдурмана. Впервые за всю историю независимого Судана столица страны подверглась столь дерзкому и демонстративному нападению со стороны одного из повстанческих движений. Целью этой беспрецедентной боевой операции был не захват Омдурмана, не говоря уже о целом Хартуме, а именно запугивание населения столичного региона, распространение неконтролируемых панических настроений.

О том, что это прекрасно понимают суданские власти, говорит и заявление, сделанное Махдуром аль-Махди, политическим секретарем правящего ИКС (Национальный конгресс Судана): «Главной целью провалившейся террористической атаки было создание у людей с помощью СМИ представления о том, что они (боевики ДСР. – С.С.) могут легко войти в Хартум».

Именно поэтому основные бои между суданским правительством и ДСР развернулись на национальном и международном медиаполях. Первыми нанесли свой удар пропагандисты ДСР, заявившие на странице своего сайта, что это именно их боевики контролируют сейчас Омдурман, а официальные радио и телевидение просто вводят людей в заблуждение относительно реальной обстановки в городе. В ответ на это государственные электронные СМИ стали активно и в деталях показывать картины с десятками сожженных машин боевиков, чуть позже к ним добавились кадры с задержанными и кающимися боевиками ДСР. Кульминацией государственного медианаступления стало объявление вознаграждения размером в 250 млн. суданских фунтов (приблизительно 125 млн. долл.) за любую информацию, которая поможет арестовать лидера суданского освободительного движения (СОД) Халиля Ибрагима. Последний, как считается, был ранен и скрывался некоторое время в Хартуме, пока не перебрался в безопасное место на территории Дарфура.

Ответственность за помощь боевикам ДСР в подготовке этого нападения суданские власти возложили на Чад. Так, по словам К. Обейда, госминистра Министерства информации и коммуникации, «террористическая операция с целью саботажа была спланирована Чадом и осуществлялась под руководством лидера ДСР Халиля Ибрагима». Но самое громкое заявление на следующий день после атаки ДСР сделал главный ньюсмейкер суданской политики, президент страны Омар аль-Башир: «Эти силы пришли из Чада, где

они тренировались. ...Мы знаем, что чадский режим несет полную ответственность за произошедшее... У нас не остается иного выбора, как разорвать отношения с ним». Через день, 13 мая, Судан потребовал, чтобы поверенный в делах Чада в Судане покинул страну. Однако за перипетиями всех этих событий остался без ответа главный вопрос: «Что же дальше?».

Вместо этого самой популярной темой стало обсуждение мотивов «политически самоубийственной атаки» (по словам Садыка аль-Мади аль-Махди, президентского помощника) ДСР на Хартум, а также сил, стоящих за ним. Кроме уже упомянутого «чадского» следа в событиях 10 мая египетские журналисты из газеты «Аль-Джумхурия» обнаружили и «иранский»: «Иран играл важную роль в попытке переворота, совершенной ДСР ... Суданская армия, задержав боевиков ДСР, обнаружила при них современное иранское оружие».

Итак, возвращаясь к главному вопросу суданской политики: «Чего ожидать в будущем и как к этому готовиться?», – необходимо отметить, что Судан как никогда близок к состоянию широко-масштабной гражданской войны. В последнее время помимо дарфурской проблемы резко накалилась проблема провинции Абьей. Суть проблемы состоит в вопросе демаркации границы между Югом и Севером Судана, так как именно от этого зависит, на чьей в итоге территории после 2011 г. окажутся нефтяные месторождения Абьей. Главная опасность, таящаяся в возможном начале общесуданской гражданской войны, состоит в том, что боевые действия могут развернуться на всей территории страны, в них примет участие огромное количество повстанческих группировок, каждая из которых, будучи не в силах завоевать большую часть Судана, станет намертво удерживать свой район.

Иными словами, мы не можем исключать вариант «сомализации» гражданской войны в Судане с самыми худшими для страны последствиями. Безусловно, это прекрасно понимают как руководители СНОД (Суданское народно-освободительное движение, правящая партия Юга Судана), так и Национального конгресса Судана, которым подобный сценарий развития суданской внутри-политической ситуации крайне нежелателен.

Если рассматривать самые реалистичные способы, с помощью которых можно если и не избежать, то хотя бы минимизировать последствия развития негативного сценария, то стоит подробнее остановиться на двух наиболее возможных вариантах. Пер-

вый вариант мы условно назовем «исламистским». Суть его в следующем: Омар аль-Башир, как и в начале 90-х годов, мобилизует миллионы суданцев под лозунгом защиты «дар уль-ислам» («земли ислама») от происков неверных, стремящихся руками южносуданских и/или дарфурских повстанцев отобрать у них «дары Аллаха», главным из которых является нефть. К несомненным «плюсам» данного варианта стоит отнести следующие:

1. В случае гражданской войны Хартуму, пусть и ценой жесточайших репрессий, скорее всего удастся удержать Центральный и Северный Судан от развала на автономные квазигосударственные образования.

2. Гарантированная моральная (не исключено, что и материальная) поддержка арабо-мусульманского мира. Возможно, что помощь правительственным силам Судана в осуществлении малого джихада (войны с неверными) будут оказывать арабские наемники исламистской направленности.

3. Этот вариант уже имеет опыт практического применения в первой половине 90-х годов, когда, несмотря на немалые сложности (не было нефтедолларовой подпитки), режим аль-Башира и ат-Тураби выстоял.

Как известно, недостатки – это продолжение достоинств, поэтому все «минусы» варианта «реисламизации Судана» проистекают из его «плюсов»:

1. Жесточайшие репрессии как следствие политики защиты «дар уль-ислам» приведут к серьезному кризису в отношениях с международным сообществом, в частности к ужесточению режима санкций со стороны США.

2. Возможный приток большего числа воинствующих исламистов из всего арабо-мусульманского мира в Судан резко дестабилизирует обстановку в Северо-Восточной Африке. Первой «жертвой» этой дестабилизации может стать Египет, чьи исламисты получают в таком случае бесценный опыт ведения современной войны, а вместе с ним огромное количество оружия и военного снаряжения.

3. Придание гражданской войне в Судане характера этноконфессионального конфликта лишь усилит взаимную ненависть участников войны, что приведет к увеличению жертв вооруженного противостояния.

4. Колоссальный масштаб жертв гражданской войны побудит мировое сообщество объявить весь Судан зоной миротворческой

операции ООН и начать отправку туда новых отрядов «голубых касок» (стоит ожидать активной помощи людьми и материальными средствами со стороны АРЕ, для руководства которой смертельно опасно неконтролируемое развитие суданской гражданской войны).

Другой вариант можно назвать «компромиссным». В его основе лежит поиск и решение проблемы Абьейя путем взаимных уступок со стороны Хартума и Джубы, которые могут привести к заключению компромиссного соглашения. Плюсы компромисса по Абьейю выглядят следующим образом:

1. Будет устранена самая «горячая» причина возможного конфликта между Югом и Севером.

2. Не исключено, что за уступки, сделанные Хартумом по Абьейю, Джуба займет нейтральную позицию по отношению к дарфурскому конфликту, воздерживаясь, по крайней мере, от открытой поддержки дарфурских повстанцев.

3. Мировое сообщество убедится в благоразумии и договороспособности хартумского режима, что позитивно отразится на международном имидже Судана.

4. Этот вариант крайне выгоден важнейшему стратегическому партнеру Судана в регионе – Египту, чей режим оказывает активную поддержку всем сторонам суданского конфликта в поиске его компромиссного решения.

Однако этот вариант имеет и очень значительные «минусы»:

1. Он не только не решит дарфурскую проблему, но и обострит ее (Хартум, убедившись, что войны с Югом не будет, активизирует свои усилия по вооруженной борьбе с дарфурскими повстанцами в надежде уничтожить самые сильные и опасные их группировки, что приведет к еще большей эскалации конфликта).

2. Нет надежной гарантии, что аль-Башир и его команда полностью и в срок выполнят все взятые на себя в рамках абьейского компромисса обязательства.

3. Пойдя на уступки по Абьейю, Хартум не сможет не пойти на послабления и по Дарфуру, так как именно этого от него и будет ждать мировое сообщество.

4. Уступки по Дарфуру укрепят другие региональные элиты во мнении, что только вооруженной силой можно получить желаемое от центральной власти, и, как следствие, не исключено образование в недалеком будущем новых «дарфуров».

Анализ последних внутрисуданских событий показывает, что аль-Башир и его единомышленники склоняются к «компромиссному» варианту или делают такой вид: администрация суданского президента объявила 7 июня о намерении НКС подписать со СНОД соглашение по Абьейю. Спустя два дня это намерение стало реальностью: Омар аль-Башир, Сальва Киир Майардит и Али Осман Таха подписали «Дорожную карту возвращения беженцев и выполнения протокола по Абьейю». Однако за исключением передачи спора по Абьейю на рассмотрение в международный арбитраж, выбранный обеими сторонами конфликта по взаимному согласию, ничего революционного данный документ не содержит. Его задача – сохранить статус-кво в этом проблемном регионе до тех пор, пока в третейском суде не будет по существу разрешен спор Джубы и Хартума по Абьейю. Арбитражу на это отводится шесть месяцев с момента подачи туда заявлений сторон. На это время в регионе устанавливается режим совместного (НКС/СНОД) управления, предусмотрено создание Фонда по развитию приграничных территорий по линии Север–Юг, куда Хартум будет отчислять 50% от своей нефтяной ренты в Абьейю, а Джуба 25%.

О стремлении не допустить необратимого ухудшения ситуации в стране говорит и заявление, сделанное лидером Юга и первым вице-президентом Судана Сальвой Кииром на встрече с делегацией египетских журналистов: «Мы прилагаем все усилия к тому, чтобы люди на себе ощутили плоды мира и единства». Тем не менее, оглядываясь назад на весь период независимости Судана, мы считаем, что, как бы парадоксально это ни звучало, в интересах ООН и остального мирового сообщества усиление властных позиций команды аль-Башира с целью продления его времени пребывания на вершине суданской политической пирамиды.

Иными словами, делая выбор между развитием демократии в Судане ценою его развала из-за возможной смены руководства страны и сохранением относительной административно-политической целостности суданского государства путем неизбежного нарушения общепринятых демократических норм и традиций, следовало бы предпочесть последнее. Кроме того, конфликт в Судане наглядно показывает потребность выработки мировым сообществом единого подхода к таким острым кризисным ситуациям, базирующегося на своде четких, простых и всем понятных правил, которые можно сформулировать, используя Устав ООН. Как нам представляется, эти правила должны быть оформлены в виде доку-

мента международной конвенции о помощи странам, находящимся в состоянии хронической дестабилизации, этот документ в идеале должны подписать все страны – члены ООН.

Возвращаясь к суданской ситуации, стоит еще раз отметить, что ее исход не предрешен. Делая нелегкий выбор между демократией и заведенным порядком жизни рядовых суданцев, мировое сообщество, скорее всего, будет вынуждено взять под опеку Судан, сделав ООН гарантом мира и стабильности в этой африканской стране. Но это станет лишь первым шагом на пути построения сильного, стабильного и независимого Судана, где населению будут обеспечены все его права и свободы. Этот этап неизбежно растянется на десятилетия, будет сопровождаться рецидивами старых «болезней» (региональные конфликты, вспышки сепаратизма и т.д.), но при условии приложения всех сил и средств со стороны как самих суданцев, так и помогающего им мирового сообщества он все-таки сможет завершиться построением настоящего нормального цивилизованного государства. Необходимо, чтобы руководители ООН и ведущих стран мира, заинтересованных в скорейшем урегулировании суданского конфликта, сделали основной упор не на помощи беженцам, содействии в их расселении по другим странам, а на налаживании нормальной жизни у них на родине. И достижение этой цели не находится за гранью политической фантастики.

*«Ближний Восток и современность»,
М., 2008 г., № 35, с. 294–300.*

Павел Трунин, Марина Каменских,

Маргарита Муфтяхетдинова,

публицисты

ИСЛАМСКАЯ БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА: АНАЛИЗ МАСШТАБОВ ЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

В последнее десятилетие понятие «исламский банк» прочно закрепилось в лексиконе финансистов во многих развитых странах. Этот финансовый институт, функционирующий в мусульманских странах, постепенно начинает играть все бóльшую роль в традиционных финансовых системах. Причем в таких странах, как Великобритания и США, где число граждан, исповедующих ислам и отка-

зывающихся пользоваться услугами традиционных банков, выросло многократно, игнорировать исламские институты более не представляется возможным. В 2000-х годах попытка открытия исламского банка была предпринята и в России. Следовательно, исследование исламских финансовых институтов является достаточно актуальной темой, а также представляет практический интерес в нашей стране и за рубежом. Целью данной работы является описание основных принципов функционирования исламской финансовой системы, а также последствий появления исламских финансовых институтов на традиционных финансовых рынках. В ближайшие годы некоторые из таких институтов могут появиться в России, поэтому отечественные банки, нефинансовые предприятия, органы государственной власти и население должны быть готовы к такому развитию событий и осознавать последствия данной тенденции для экономики страны.

Зачастую то немногое, что известно об исламских финансовых институтах, сводится к запрету получения прибыли за счет получения банковского процента и принятия избыточных рисков, в том числе вследствие использования производных финансовых инструментов. При этом бурное развитие исламских банков диктует необходимость более подробного знакомства с особенностями их функционирования. В частности, представляется интересным изучение основных продуктов, предлагаемых исламскими банками, моделей их балансов, а также способов адаптации исламских финансовых институтов к традиционным финансовым системам.

Развитие исламской банковской системы началось лишь во второй половине XX в. в мусульманских странах, значительная часть жителей которых отказывалась пользоваться услугами традиционных банков. В этой ситуации исламские экономисты предложили создать новую систему банковского дела. Первая исламская финансовая организация появилась в 1960-е годы в Египте. Сберегательный банк «Mit Ghamr», открывшийся в 1963 г., начал проводить операции по привлечению средств физических лиц, а также по инвестированию накопленных ресурсов. По принципам своей работы он больше напоминал сберегательное учреждение, а не коммерческий банк. Первым признанным коммерческим банком, работающим по исламским принципам, считается банк «Nasser Social Bank», основанный в 1971 г. в Египте. В 70–80-х годах исламская банковская система начала развиваться особенно стремительно вследствие нефтяного кризиса 1973 г., когда резкое

повышение цен на нефть вызвало большой рост экспортных доходов стран Ближнего Востока. Привлечение средств клиентов из числа религиозных мусульман позволило исламским банкам сформировать значительные пассивы, однако из-за неразвитости исламского рынка капитала эффективно инвестировать средства они не могли. В 80-е годы главной целью исламских банков стала стандартизация финансовых продуктов.

В настоящее время исламский банкинг востребован в первую очередь в мусульманских странах: в Южной, Юго-Восточной и Средней Азии и Африке, где сконцентрирована большая часть потенциальных клиентов данных банков. Однако сейчас помимо стран из указанных регионов такие организации можно встретить и в Европе, США и Австралии. В Иране, Пакистане и Судане финансовая система целиком подчиняется исламским нормам, и все банки этих стран являются исламскими. В таких мусульманских странах, как Малайзия, Индонезия, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия, Бруней, присутствуют банки обоих типов, причем число обычных банков также достаточно велико. Пока клиентами мусульманских финансовых организаций главным образом являются мусульмане, численность которых составляет около 1,6 млрд. человек по всему миру. Однако интерес к инвестициям с Ближнего Востока уже проявляют и представители других религий, как в Старом, так и в Новом Свете. К услугам исламских банков прибегают такие транснациональные гиганты, как «General Motors», «IBM», «Alcatel», «Daewoo» и др. В наши дни исламский финансовый сектор стремительно растет, его средние темпы роста оцениваются в 10–15% в год. При этом рейтинговое агентство «Standart&Poors» относит исламские банки к разряду высокоприбыльных.

Масштабы исламской банковской системы

Одной из серьезных проблем, возникающих при анализе исламской банковской системы, является отсутствие надежной статистической информации обо всей отрасли. В совместной работе «Islamic Research & Training Institute», «Islamic Development Bank» и «Islamic Financial Services Board» обобщаются некоторые выводы, полученные различными исследователями исламской финансовой системы на данный момент. Единственным официальным источником информации относительно исламской банковской сис-

темы является «Council for Islamic Banks and Financial Institutions» (CIBAFI). Согласно приведенным в отчете данным, на 2005 г. в 38 странах мира функционировали 284 исламские финансовые организации. Их активы составляли порядка 250 млрд. долл. Однако в приведенной статистике не учитываются операции исламских банковских «окон», открываемых обычными банками, а также операции небанковских финансовых организаций, такафул (исламское страхование) и инвестиционных компаний. В частности, по оценкам CIBAFI, объем операций специализированных исламских «окон» в обычных банках достигал в 2005 г. 200 млрд. долл. В настоящее время бурно развивается рынок исламских ценных бумаг. Согласно данным «The Islamic Banker», в январе 2006 г. в мире функционировало более 250 согласующихся с шариатом взаимных фондов, размер активов которых составляет 11 млрд. долл. Согласно информации «The Liquidity Management Centre of Bahrain», внутренний рынок исламских долговых сертификатов в Малайзии в 2006 г. составлял порядка 17,1 млрд. долл., а в Бахрейне – 2 млрд. долл. Средние темпы роста активов исламских финансовых институтов оцениваются в 10–15% в год. Существенная часть исламских кредитных и страховых организаций концентрируется в Бахрейне, Малайзии и Судане, а большая часть инвестиционных фондов функционирует на рынках Саудовской Аравии и Малайзии.

Хотя активы исламских банков, согласно оценке Федерации арабских банков, достигли 1/3 совокупных активов всех арабских банков, в целом институты исламского типа невелики. В первой сотне арабских банков, в число которых входит значительное количество и обычных банков, в 2001 г., по данным журнала «The Banker», их было всего восемь. При этом крупнейший исламский банк «Al-Rajhi Banking and Investment Corporation» занимал 6-е место, а второй по величине «Kuwait Finance House» – 21-е место по величине активов среди арабских банков. По данным Исламского банка развития (ИБР), в конце 1990-х годов треть обследованных исламских финансовых институтов имела активы, не превышавшие 50 млн. долл., в то время как число институтов с активами, превышающими 1 млрд. долл., было меньше 20. При этом лишь 10% кредитных организаций характеризовались нормальным уровнем достаточности капитала по международным меркам. Преимущественная ориентация исламских банков на внутренний рынок

оставляет им весьма ограниченное поле для деятельности в условиях острой конкуренции.

География распространения исламского банкинга

В настоящее время в мире функционирует ряд организаций, содействующих развитию исламских финансовых институтов. При этом основным трендом в регулировании исламского банкинга является стандартизация мер управления и контроля. Исламский банк развития играет ключевую роль в разработке международных стандартов и процедур и в развитии сектора в различных странах. Под покровительством ИБР в 1981 г. был создан специальный институт для исследовательской деятельности и подготовки кадров.

Исламский банк развития был создан в качестве межправительственной финансовой организации, членами которой являются страны – участники Организации Исламская конференция (ОИК). Официально свою деятельность банк начал в октябре 1975 г. В настоящее время в ИБР входит 56 государств, благодаря которым сформирован капитал банка в размере 45 млрд. долл. Основными направлениями деятельности ИБР являются содействие сотрудничеству между исламскими странами, борьба с бедностью, повышение уровня образования, поддержка науки и технологии, инвестиции в инфраструктуру банковского и финансового сектора. Банк в своих операциях использует исламские финансовые продукты. Банком были учреждены специальные фонды для финансирования определенных видов деятельности, в том числе фонды для помощи мусульманским сообществам в странах, не являющихся членами организации исламской конференции.

Существует также ряд других организаций, занимающихся разработкой согласующихся с шариатом стандартов исламского банкинга. В их число входят: «Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions» (AAOIFI), «The Islamic Finance Service Board» (IFSB), «The International Islamic Financial Market», «Council for Islamic Banks and Financial Institutions» (CIBAFI), «Arbitration and Reconciliation Centre for Islamic Financial Institutions». Кроме того, «Международный центр по управлению ликвидностью» занимается развитием вторичного рынка исламских ценных бумаг и разработкой новых финансовых инструментов для исламского финансирования, а «Международное исламское рейтинговое агентство» – развитием исламского финансового рын-

ка, разработкой международных стандартов исламского банкинга и присвоением рейтингов исламским финансовым организациями.

В настоящее время существуют исламские рыночные индексы, которые позволяют оценивать доходность портфеля ценных бумаг, который удовлетворял бы нормам ислама. Это прежде всего индексы, аналогичные индексу Доу-Джонса, рассчитываемые с 1999 г. и охватывающие около 700 компаний, т.е. все крупнейшие мировые компании, деятельность которых удовлетворяет нормам шариата. Фирмы, занимающиеся производством алкоголя, табака, свинины, а также запрещенными видами развлечений, такими как азартные игры, не включаются в расчет подобных индексов.

Рассмотрим состояние исламской банковской системы в отдельных странах.

Мусульманские страны

В 70–80-х годах XX в. в мусульманских странах возникли первые крупные исламские банки, такие как «Dubai Islamic Bank» (ОАЭ), «Faisal Islamic bank of Egypt», «Faisal Islamic Bank of Sudan». Кроме того к крупнейшим исламским банкам мусульманских стран относятся «Abu Dhabi Islamic Bank» (ОАЭ), «Faisal Islamic Bank of Egypt» (Египет), «Al Rajhi Banking & Investment Corp» (Саудовская Аравия, есть филиалы в Малайзии), «Shamil Bank of Bahrain» (Бахрейн). В странах Персидского залива функционируют как местные инвестиционные банки: «First Islamic Investment Bank» (Бахрейн), «The International Investment Bank» (Кувейт), так и международные банки, предлагающие согласующиеся с исламом услуги (так называемые исламские «окна» обычных банков): HSBC, UBS (в основном в Бахрейне и ОАЭ). «Citibank» также на протяжении длительного времени сотрудничает с исламскими банковскими структурами. Заметим, что в некоторых мусульманских странах, таких как Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, функционируют исламские финансовые институты, однако информации об их деятельности практически нет.

Малайзия. В банковской системе Малайзии работают как обычные, так и исламские финансовые институты. Еще в 1963 г. в Малайзии был основан благотворительный фонд, который привлекал сбережения мусульман, собиравшихся совершить паломничество в Мекку. Впоследствии на его основе возник один из круп-

нейших в мире исламских инвестиционных фондов «Tabling Haji». Однако бурное развитие исламского банковского дела в стране началось в 80-х годах, после того как в 1983 г. был основан банк «Islam Malaysia Berhad». Только через десять лет, в 1993 г., была запущена беспроцентная банковская программа, согласно которой обычные банки начали оказывать исламские услуги. После этого достаточно быстро появилось несколько десятков новых игроков, а продуктовая линейка увеличилась до 40 различных видов услуг. Ряд важных нововведений приходится на 90-е годы: учреждение исламского межбанковского денежного рынка в 1994 г.; введение типовой формы отчетности по исламским операциям обычных банков в 1996 г.; создание национального шариатского консультативного совета как органа, дающего единую интерпретацию исламских норм в применении к банковскому и страховому делу, в 1997 г. В октябре 1999 г. в стране открылся второй полностью исламский банк – «Bank Muamalat Malaysia Berhad». По итогам 2002 г. исламские активы малайзийских банков составили 18 млрд. долл. По данным ЦБ Малайзии, в 2002 г. исламские банки увеличили свою долю в активах банковской системы страны до 8,9%. В то же время необходимо помнить, что лидирующая роль в исламском сегменте банковского сектора Малайзии по-прежнему принадлежит обычным финансовым институтам, участвующим в беспроцентной банковской программе.

Бахрейн. В Бахрейне в настоящее время также существуют банки обоих типов. Бахрейн является лидером по числу исламских финансовых институтов. Пальму первенства Бахрейн окончательно перенял у Малайзии в 2002 г., когда в его столице Манаме, наряду с ранее зарегистрированными здесь ААОИФИ, Исламским рейтинговым агентством (Islamic rating agency) и Всеобщим советом исламских финансовых институтов (CIBFI), разместились секретариаты Международного исламского финансового рынка и Центра управления ликвидностью. В Малайзии расположена лишь штаб-квартира Совета по исламским финансовым услугам (IFSB), хотя она входит в число членов практически всех названных выше организаций.

Египет. После того как в стране был основан первый исламский банк, с 1963 по 1967 г. в Египте была построена целая сеть подобных учреждений. Проект оказался успешным, однако был заморожен до 1971 г. по политическим причинам, так как руководство Египта сочло опасным укрепление позиций исламского

финансового сектора из-за роста исламского фундаментализма в стране. «Nasser Social Bank», который был основан в 1971 г., принадлежит государству. Он предоставляет кредиты под небольшие проекты и выполняет социальные функции, например помогает нуждающимся студентам. Хотя Египет по численности мусульман занимает одно из первых мест в мире, исламский банкинг там по сравнению с другими мусульманскими странами не так сильно развит и число исламских банков невелико. В банковской системе страны доминирующее положение занимают государственные банки. При этом политика государства направлена на то, чтобы контролировать в том числе и исламские банковские операции, поэтому получение лицензий частными исламскими банками сопряжено со значительными трудностями. Дополнительным поводом для этого послужил скандал 1989 г. вокруг исламских инвестиционных фондов, проводивших махинации со средствами вкладчиков. Тем не менее Египет принимает активное участие в деятельности таких организациях, как IDB, IFSB, AAOIF.

Пакистан. В Пакистане финансовый сектор полностью подчиняется принципам исламского банкинга. Исламизация банковской системы в этой стране началась с 1979 г. К самым известным из банков относятся «Meezan Bank», «Islamic Investment Bank Limited», «Grindlays Modaraba». Шариатского совещательного органа у Центрального банка Пакистана нет, однако Совет по исламской идеологии может осуществлять централизованное управление исламскими финансовыми институтами. Кроме того, в Пакистане существует федеральный шариатский суд, который рассматривает все законы с точки зрения шариата.

Иран. После победы исламской революции в 1979 г. банковская система Ирана подверглась реорганизации и полностью перешла на модель исламского банкинга. Сейчас в стране могут работать только исламские финансовые институты, причем доля частных компаний невелика и основная часть банковской системы принадлежит государству. Одни из самых крупных банков – «Bank Melli», «Bank Saderat», «Bank Mellat». В Иране нет шариатского совещательного органа, однако соответствие нормам шариата контролирует Совет стражей – специальный непарламентский орган власти Ирана, состоящий из 12 членов, половина которых назначается президентом, а половина – парламентом.

Судан. В основе работы всех банков страны лежат исламские принципы. Переход к исламской финансовой системе начался с

середины 1980-х годов. Центральный банк Судана имеет свой собственный шариатский совещательный орган. Один из самых крупных банков страны, «El Nilein Industrial Development Bank», принадлежит государству. В Судане функционируют как инвестиционные («Financial Investment Bank»), так и коммерческие банки («Bank al Baraka al Sudani», «Faisal Islamic Bank of Sudan», «Bank of Khartoum», «Islamic cooperative development bank» и др.).

Турция. Первым исламским банком Турции стал «Fasial Islamic Bank Kirbis», за ним последовали «Al-Baraka Turkish Finance House», «Fasial Finance Institution», появившиеся еще в 1980-х годах. Сейчас самыми крупными исламскими банками являются «Turkiye Finans», «Al-Baraka Turkish Finance House», «Kuwait Finance House», «Bank Asia». Исламские банковские операции на территории страны проводит также ряд иностранных банков, таких как HSBC, «Dubai Islamic Bank». В 1983 г. в стране был принят закон, в соответствии с которым было разрешено открывать исламские банки. С 1999 г. исламские банки стали рассматриваться в рамках правового поля Закона о банках. Однако до сих пор у исламских банков нет никакой государственной поддержки, так как Турция позиционирует себя как светское государство.

Кувейт. Крупнейший исламский банк Кувейта – «Kuwait Finance House» – был основан в 1977 г.. Это один из крупнейших исламских банков в мире по размеру активов. Банк открывает свои филиалы во многих странах, таких как Турция, Бахрейн и Малайзия. В Кувейте быстро развивается инвестиционный сектор, представленный такими организациями, как «The International Investor», «Gulf Investment Corporation», «The International Investment Group» и др. В настоящее время число исламских финансовых организаций стремительно растет.

Развитые англосаксонские страны

В наши дни наибольшую популярность среди развитых стран исламский банкинг получил в США, в меньшей степени – в Великобритании, Германии и Франции. Известные мировые банки, такие как «HSBC», «DeutscheBank», «Calyon», «Citibank», «Standard Chartered», «BNP Paribas», «ING bank», «Chaise Manhattan Bank», «Goldman Sachs», «The Nomura Securities», «JP Morgan», «Lloyds TSD» и др., открывают в своих структурах исламские подразделения для финансирования клиентов не только в исламских странах,

но и в США, Великобритании, Германии, Франции. Первый исламский банк на Западе, «Islamic Banking System» (сейчас – «Islamic Finance House»), появился в 1978 г. в Люксембурге. В Женеве базируется группа «Dag Al-Maal Al-Islami». Во Франции и Германии многие международные и национальные банки открывают исламские отделения. К ним можно отнести «Deutsche Bank AG», «ABN Amro Holding NV», «Societe Generale SA and BNP Paribas», «Bank Sepah», «Iran», «Commerz Bank», «HSBC». Французский «Calyon Corporate and Investment Bank SA» с 80-х годов проводит операции мудароба. «Deutsche Bank» выпускает облигации сукук, работает над созданием исламского хеджевого фонда. В Дании, Австралии, Канаде и др. странах также имеются исламские финансовые учреждения.

США. Развитие исламских услуг обусловлено ростом численности проживающих в стране мусульман. Наибольшая концентрация исламских финансовых институтов наблюдается в районах с высокой долей мусульманского населения – Чикаго, Северной Вирджинии, Мичигане, Миннеаполисе, Южной Калифорнии и Нью-Йорке. Среди финансовых институтов, предлагающих исламские финансовые услуги в США, стоит отметить «HSBC», «Larina Finance House», а также «University Bank in Ann Arbor», «Michigan» и «Devon Bank of Chicago». Также в США существуют небанковские ипотечные и финансовые компании, предлагающие исламские финансовые продукты. Стоит отметить также специальный проект Гарвардского университета (Islamic Finance Project), в рамках которого при юридическом факультете был создан центр для изучения исламских финансовых институтов.

Великобритания. В августе 2004 г. в Лондоне начал работу «Islamic Bank of Britain» – первый полностью исламский банк в Европе. Однако предпосылки для появления подобного финансового учреждения в Великобритании возникли еще раньше. В частности, в 1980-е годы в стране работал исламский банк «Al-Baraka», услугами которого пользовались не только мусульмане, но и представители других религий. Филиалы банка были открыты в крупных городах Великобритании. «Al-Baraka bank» осуществлял свою деятельность в соответствии с банковским законодательством Англии на основе выданной ему Банком Англии лицензии. Однако в начале 1990-х годов в связи с ужесточением требований и стандартов Банка Англии, руководство банка было вынуждено отозвать банковскую лицензию. В 1993 г. банк «Al-Baraka» прекратил оказывать

банковские услуги, но продолжил свою деятельность в качестве исламской инвестиционной компании. После 1993 г. исламские финансовые услуги (главным образом, ипотечное кредитование в соответствии с требованиями шариата) в Великобритании оказывались исламскими «окнами» таких всемирно известных банков, как «Citibank», «HSBC» и др., однако самостоятельного банка, который оказывал исключительно исламские банковские услуги, в Великобритании не было. В последние годы отношение властей Великобритании к исламским банкам изменилось в лучшую сторону. После начала работы Управления финансовых услуг (FSA), осуществляющего контроль и надзор за всем финансовым сектором, власти Великобритании в лице FSA стали более конструктивно относиться к идее учреждения самостоятельного исламского банка в Великобритании, который бы действовал в рамках существующего банковского законодательства наряду с традиционными коммерческими банками. Исламский банк Великобритании предоставляет своим клиентам весь спектр банковских продуктов и услуг в соответствии с нормами шариата.

Страны СНГ

В целом исламский банкинг в странах СНГ не получил большого развития, что связано как с исторически сложившимися предпочтениями экономических агентов, так и с невысокой степенью информированности клиентов, банкиров и органов государственной власти об исламской финансовой системе. Одной из причин, препятствующих развитию исламских банков в СНГ, является несоответствие принципов исламского банкинга национальному законодательству. В то же время многие страны СНГ являются членами Исламского банка развития – Азербайджан, Киргизия, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

Азербайджан. Азербайджан является членом Исламской корпорации развития, которая предоставляет кредиты для осуществления различных инвестиционных проектов. Один из первых подобных проектов был реализован Международным банком Азербайджана в 2003–2004 гг. Источником финансирования проекта стала кредитная линия в размере 4,5 млн. долл., открытая Исламской корпорацией развития для Международного банка Азербайджана. «Ковсар Банк», созданный в 1989 г., является единственной в Азербайджане кредитной организацией, действующей в соответ-

ствии с правилами шариата. С 2003 г. банк является членом Ассоциации исламских банков, в том числе Организации по учету и аудиту операций исламских финансовых институтов. Представительство иранского банка «Мели», который в самом Иране работает согласно предписаниям шариата, в Азербайджане выполняет «обычные» банковские операции, что связано с отсутствием необходимых инструкций Национального банка Азербайджана. Тем самым исламский банкинг поставлен в настоящее время вне правового поля банковской деятельности Азербайджана. В то же время некоторые банки пытаются внедрять исламские банковские продукты.

Казахстан. В стране пока не существует соответствующей законодательной и регулирующей основы для работы исламских финансовых институтов. В Казахстане нет специальной организации, способной компетентно трактовать нормы шариата и осуществлять грамотный контроль над исламскими финансовыми операциями. Если говорить о препятствиях внедрению исламского банкинга в Казахстане, то это, прежде всего, вопрос регулирования и учета исламских транзакций. В 2003 г. казахский банк «ТуранАлем» привлек первый в Казахстане исламский кредит, а через два года совершил первую публичную сделку на принципах исламского финансирования в размере 50 млн. долл. В мае 2007 г. банк «ТуранАлем» и «Emirates Islamic Bank» из Объединенных Арабских Эмиратов подписали меморандум о сотрудничестве, который предусматривает меры по развитию исламского финансирования в Казахстане. В том числе стороны договорились о создании в Казахстане банка, который будет работать по принципам шариата. В марте 2007 г. казахский «Альянс Банк» подписал соглашение о привлечении кредита при содействии «Calyon Corporate and Investment Bank SA» и «Abu Dhabi Islamic Bank» по системе «мурабаха». Сумма сделки составила 150 млн. долл., в ней приняли участие банки-кредиторы из стран Ближнего Востока. Отметим, что «Альянс Банк» является третьим по размеру активов банком Казахстана. В 2006 г. активы банка достигли 7,1 млрд. долл. На данный момент мурабаха является единственным видом исламского финансирования, используемым в стране. Напомним, что согласно принципам мурабаха банк покупает от имени клиента определенный товар (комплектующие, сырье и т.д.), а затем продает его клиенту с наценкой. Величина наценки заранее оговаривается сторонами и выплачивается в течение определенного срока. Особый

интерес участники казахского рынка проявляют к облигациям су-кук. Расширение спектра предлагаемых ценных бумаг, основанных на исламских правилах, могло бы существенно увеличить казахский фондовый рынок, а также содействовать диверсификации инструментов инвестирования финансовых институтов. Казахстан является членом Исламского банка развития и с 1995 г. получил финансирование на сумму более 60 млн. долл. Так, в феврале 2006 г. банк «ЦентрКредит» подписал соглашение о привлечении исламского финансирования мурабаха на сумму 38 млн. долл. сроком на один год. Банк «ЦентрКредит» стал первым в Казахстане банком, который использовал данную структуру для пополнения своей базы фондирования. В состав сделки вошли десять исламских финансовых институтов, среди которых «Abu Dhabi Islamic Bank», «Commercial Bank of Qatar», «Boubyan Bank», «Dubai Bank PJSC», «Habib Bank» и др.

Узбекистан. Узбекистан является членом Исламского банка развития. В июле 2007 г. Исламский банк развития одобрил выделение финансирования в размере 15 млн. долл. трем коммерческим банкам Узбекистана. Государственно-акционерному коммерческому банку «Асака» планируется выделение кредитной линии в размере 8 млн. долл., акционерной компании «Узпромстройбанк» – в размере 4 млн. долл. и акционерно-коммерческому ипотечному банку «Ипотека-банк» – в размере 3 млн. долл. Целью кредитной линии является финансирование субъектов малого бизнеса и частного предпринимательства в промышленности и сельском секторе. По условиям контракта данные средства не должны использоваться в производстве табачных изделий и в лотерейном бизнесе.

Киргизия. Киргизия также является членом Исламского банка развития. Однако сейчас исламская банковская деятельность в стране неразвита, поскольку не было необходимой законодательной и правовой базы. Только 6 марта 2007 г. Национальный банк Киргизии принял положение «О реализации исламских принципов финансирования в Киргизской Республике». Пилотный проект реализуется на базе ОАО «Экобанк». Данное положение устанавливает порядок осуществления разрешенных видов деятельности в соответствии с исламскими принципами финансирования.

Россия. В настоящее время деятельность полностью исламских банков в России не ведется. В России пока нет соответствующего законодательства, что делает функционирование исламских банков практически невозможным. Банк «Бадр-Форте» был един-

ственным российским банком, пытавшимся работать на принципах исламского финансирования, но в декабре 2006 г. ЦБ РФ отозвал у него лицензию на осуществление банковских операций. На 30 сентября 2006 г. активы банка «Бадр-Форте» составляли всего 703,4 млн. руб. (0,006% активов всей банковской системы), и он занимал 596-е место по величине активов в российской банковской системе. При этом собственный капитал банка равнялся 517,1 млн. руб. Основную часть активов составляли кредиты небанковскому сектору (77%), а обязательства – средства небанковского сектора в виде расчетных счетов и депозитов юридических лиц (71%). По сообщению департамента внешних и общественных связей Банка России, лицензия была отозвана в связи с неисполнением банком федеральных законов, регулирующих банковскую деятельность, а также нормативных актов Банка России, и нарушением требований, предусмотренных Законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Особый интерес для исламских финансовых институтов в России представляет Татарстан. 21 июня 2006 г. был подписан протокол о намерениях между Министерством торговли и внешнеэкономического сотрудничества Республики Татарстан, Международным образовательным центром по исламским финансам (Малайзия) и инвестиционной финансовой компанией «Linova» о создании в Татарстане финансовых институтов – банков и страховых компаний, которые могли бы действовать в соответствии с исламскими принципами. В столице Татарстана также функционирует филиал казахстанского банка – «БТА Казань», но из-за отсутствия необходимого законодательства он не оказывает исламских финансовых услуг.

* * *

Исламские финансовые институты получили достаточно широкое распространение в мире, как вследствие роста спроса, так и в результате накопления некоторыми мусульманскими странами значительных финансовых ресурсов. Очевидно, что существующие тенденции в развитии исламских банков сохранятся, так как страны – экспортеры нефти продолжают получать значительные доходы, финансовые рынки исламских государств продолжают развиваться, а западные компании конкурируют за привлечение иностранных инвесторов. Все это создает предпосылки для тща-

тельного изучения особенностей функционирования исламских банков и их выхода на традиционные финансовые рынки. Понимание принципов функционирования исламского банкинга также важно для обеспечения финансовой стабильности. Во-первых, исламские банки приобретают все большую значимость по мере своего развития и расширения взаимодействия с традиционными банками. Во-вторых, недостаток инструментов хеджирования обуславливает концентрацию рисков в исламских финансовых институтах. Следовательно, нерегулируемое развитие исламских финансовых институтов в рамках традиционной финансовой системы чревато снижением ее устойчивости и ростом финансовой нестабильности.

Особенности большинства исламских финансовых контрактов являются не экономическими, а обусловлены необходимостью их соответствия исламу. По всей видимости, практически любой исламский финансовый инструмент имеет традиционный аналог, реализация которого является более простой и связанной с меньшими транзакционными издержками. В такой ситуации возникает серьезный вопрос о целесообразности появления исламских финансовых институтов в традиционных финансовых системах. В то же время в странах с большой долей мусульманского населения, не готового доверять свои сбережения традиционным банкам, а также со значительным количеством предпринимателей-мусульман, не пользующихся услугами традиционных банков, формирование исламских финансовых институтов позволяет повысить эффективность финансового рынка и ускорить его развитие. В последние годы были созданы международные финансовые организации, предназначенные для оказания поддержки правительствам в решении вопросов, связанных с деятельностью исламских банков, а также для выработки стандартов и публикации лучшей практики применения тех или иных исламских финансовых инструментов. Взаимодействие с данными организациями может помочь органам государственной власти проводить адекватную политику, направленную на интеграцию исламских финансовых институтов в экономику стран с традиционными финансовыми системами.

Что касается России, то в настоящее время медленное развитие исламских финансовых институтов в нашей стране объясняется тремя основными факторами.

Во-первых, быстрому росту исламской финансовой индустрии препятствует законодательство, не предусматривающее функционирование подобных организаций в РФ.

Во-вторых, успешная работа таких институтов практически невозможна без создания специального органа, который бы давал заключение о соответствии различных финансовых продуктов шариату.

Наконец, серьезным препятствием для развития исламского банкинга в РФ является сложившаяся практика применения законодательства о борьбе с терроризмом и о легализации доходов, полученных преступным путем.

В заключение отметим, что перед принятием решения о стимулировании развития исламских финансовых институтов в России необходимо тщательно взвесить все последствия данного шага. В частности, важно учитывать, что появления исламских финансовых услуг может не столько вовлечь в финансовый сектор тех потребителей, которые раньше не пользовались финансовыми услугами, сколько привести к перетоку потребителей из обычных финансовых институтов в исламские.

*«Исламская финансовая система:
Современное состояние и перспективы развития»,
М., 2009 г., с. 3–79.*

Г. Прозорова,

востоковед

**РОССИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
И МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА**

В контексте проводимой многовекторной внешней политики Россия заинтересована в развитии отношений с авторитетными региональными межгосударственными организациями (РМО), которые играют все более заметную роль в мировой политике. Это отвечает ее долговременным национально-государственным интересам, поскольку способствует формированию сбалансированной системы международных отношений, урегулированию сложных и затяжных конфликтов, многие из которых не имеют решения вне поля многосторонней дипломатии, поддержанию международной стабильности и расширению политического и экономического

взаимодействия между государствами мира. Это полностью относится к мусульманскому миру и региону Ближнего Востока. Взаимодействие России с РМО осуществляется в различных форматах – статуса страны-наблюдателя, на основе Меморандума о взаимопонимании, а также периодических контактов.

1. Россия и Организация Исламская конференция

Россия в силу своей истории, географии и культуры, многонационального и многоконфессионального характера российского общества избрала единственно возможный для нее путь – осуществление инициативной внешнеполитической стратегии, направленной на межцивилизационный диалог, на взаимодействие с мусульманским миром. Самой влиятельной международной структурой, которая отражает консолидированную волю и интересы мусульманского мира, является на сегодняшний день Организация Исламская конференция (ОИК). ОИК создана в 1969 г. на конференции глав государств и правительств мусульманских стран в Рабате (Марокко). Сейчас в нее входят 57 государств, в которых ислам является главенствующей религией. В их числе две европейские и две латиноамериканские страны, а также шесть стран СНГ – Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, Туркмения, Таджикистан и Азербайджан, вступившие в ОИК в 90-е годы. Согласно уставу, принятому в 1972 г., высшим органом ОИК является конференция глав государств и правительств, проводимая раз в три года. Политический орган ОИК – конференция министров иностранных дел, исполнительный орган – Генеральный секретариат, штаб-квартира которого «временно» (до освобождения Иерусалима) находится в Джидде (Саудовская Аравия).

При ОИК действует целый ряд организаций: Исламский банк развития; Исламское агентство новостей; Организация радиовещательной и телевизионной службы исламских государств; Исламская комиссия по экономическим и культурным вопросам; Исламский центр по профессионально-техническому обучению и исследованиям; Исламский фонд научно-технического развития; Центр по исследованию исламского искусства и культуры; Фонд Иерусалима; Комитет по Иерусалиму; Исламская торгово-промышленная палата; Организация исламских столиц; Центр по статистическим, экономическим и социальным исследованиям; Комитет исламской солидарности с мусульманскими африкански-

ми странами зоны Сахеля; Исламская ассоциация судовладельцев; Исламский центр развития торговли; Исламский фонд развития; Исламский суд справедливости; Исламская организация по образованию, науке и культуре. ОИК осуществляет тесное сотрудничество с ООН и с 1975 г. имеет статус наблюдателя при ООН.

Хотя периодические контакты между нашей страной и ОИК начались еще в 70-е годы, на пути их налаживания встречалось немало сложностей. В 80-е годы причиной этого было присутствие советских войск в Афганистане. С середины 90-х годов – чеченская проблема.

Однако правительство России проявляло нарастающий интерес к этой организации. В конце 2002 г. в МИД России впервые была введена должность посла по особым поручениям по связям с Организацией Исламская конференция (ОИК) и другими международными мусульманскими организациями.

В январе 2003 г. генсек ОИК А. Бельказиз посетил с рабочим визитом Москву, где в ходе переговоров с министром иностранных дел РФ И.С. Ивановым была отмечена важность углубления политического диалога и взаимодействия между Россией и Организацией Исламская конференция, а также близость или совпадение позиций по многим региональным и международным проблемам. Обсуждалась, в частности, ситуация вокруг Ирака, палестинский вопрос, вопрос о возможности оказания со стороны ОИК содействия в восстановлении экономики, объектов здравоохранения, образования в Чеченской Республике. Было решено продолжать регулярные контакты между Россией и ОИК.

Сильный импульс развитию отношений между Россией и ОИК был придан стратегически ориентированной инициативой российского президента, заявленной в 2003 г. В апреле 2003 г. во время визита в Таджикистан Президент РФ заявил, что почти 20 млн. мусульман, живущих в России, имеют полное право чувствовать себя частью мусульманского мира. Заявление о том, что Россия в известной степени может считаться частью мусульманского мира, не могло остаться незамеченным в странах ОИК. Во время официального визита в Малайзию в начале августа 2003 г. президент В.В. Путин объявил о желании России быть представленной в ОИК. Ответом стало приглашение российского президента присутствовать на X саммите глав государств и правительств Организации Исламская конференция, состоявшемся в Малайзии в октябре 2003 г. Сделанное там российским президентом заявление

о намерении России вступить в ОИК в качестве наблюдателя нашло в целом позитивный отклик. Совещание в верхах ОИК приняло официальную резолюцию, приветствующую желание России расширить связи с этой организацией.

Российское руководство исходит из того, что «расширение многоплановых связей с исламским миром – один из важнейших приоритетов российской внешней политики». При этом следует подчеркнуть, что хорошие отношения с исламским миром Россия намерена развивать не против и не в ущерб отношениям с западными партнерами. Российское решение исходило также из осознания многонациональной и многоконфессиональной природы нашего государства, из признания растущего воздействия мусульманских стран на систему международных отношений. Прогресс во взаимопонимании по чеченскому вопросу имел, конечно, тактическое значение, но не он определял развертывание практического диалога с ОИК.

На стратегическом смысле этого шага, его многочисленных и взаимосвязанных аспектах неоднократно останавливались и сам президент, и министр иностранных дел. Сотрудничество России с ОИК призвано стать важным элементом строительства справедливого и безопасного миропорядка. Только на основе солидарных многосторонних действий при учете интересов всех членов международного сообщества возможно эффективное решение масштабных и острых проблем современного мира. Россия выражает, в частности, готовность взаимодействовать с ОИК по вопросам реформы ООН. Сотрудничество России и ОИК способствует налаживанию диалога цивилизаций и религий, недопущению раздела мира по религиозно-цивилизационному принципу. Как подчеркнул президент В.В. Путин на встрече с генсеком ОИК в июне 2006 г., «по нашему глубокому убеждению деление мира по конфессиональному, по цивилизационному принципам гораздо более опасно, чем деление мира по экономическим принципам. Мы жили с этим в течение десятилетий на протяжении всего периода так называемой “холодной” войны. Новое разделение мира, уже по религиозному принципу, нам кажется чрезвычайно опасным. И Россия будет делать все для того, чтобы этого не произошло». Реализация идеи диалога цивилизаций во многом поможет нейтрализовать, а в конечном итоге преодолеть тенденцию нарастания экстремизма в мире. Роль России, великой евразийской державы с уникальным опытом взаимодействия различных этносов и конфессий, и прежде

всего наиболее крупных из них – православия и ислама, может сыграть в этом значимую роль.

Сотрудничество России с ОИК способно помочь в урегулировании острых региональных конфликтов, противодействии новым глобальным угрозам. Актуально, что позиции России и государств – членов ОИК по большинству важнейших международных и региональных проблем близки или совпадают. Это касается борьбы против международного терроризма, решения ближневосточного конфликта, позиции в отношении иракского кризиса, проблемы нераспространения ядерного оружия и др. Для России также немаловажно, что шесть стран СНГ – Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркмения, Таджикистан и Азербайджан, с которыми нас связывают особые отношения, – являются членами ОИК.

В июне 2005 г. на 32-й конференции министров иностранных дел стран – членов ОИК было объявлено о предоставлении России статуса наблюдателя. За последние годы активизировались наши торгово-экономические отношения с ведущими государствами исламского мира, интенсифицировались контакты в политической сфере. Почти с 20 мусульманскими странами достигнуты договоренности об издании совместных сборников, посвященных опыту сосуществования ислама и христианства в соответствующих государствах. Создана группа стратегического видения «Россия – исламский мир», в состав которой вошли видные деятели из различных мусульманских стран. Ее первое заседание с участием высокопоставленных представителей мусульманских стран прошло 27–28 марта 2006 г. в Москве. Присоединение России к ОИК ограничивает возможности сторонников антироссийского курса в мусульманском мире, в том числе и в вопросах, связанных с поддержкой чеченского сепаратизма. У России появляется возможность прямой постановки вопросов, которые нас интересуют.

В развитии контактов с ОИК участвуют и руководители российских регионов. Так, в апреле 2006 г. президент Татарстана М. Шаймиев в рамках официального визита в страны Ближнего Востока встретился с генеральным секретарем ОИК Э. Ихсаноглу в штаб-квартире организации в Джидде. С 2004 г. проходят ежегодные встречи министра иностранных дел РФ с послами государств – членов ОИК. На такой встрече, состоявшейся 2 февраля 2006 г., министр иностранных дел РФ С.В. Лавров обозначил проблемы, которые требуют более эффективного взаимодействия, – ближневосточное урегулирование, и прежде всего палестино-израильский

конфликт, ситуация вокруг Ирака, Афганистана, вокруг ядерной программы Ирана. На состоявшейся в июне 2006 г. встрече министра иностранных дел РФ с генеральным секретарем ОИК отмечалось, что участие России в работе ОИК будет содействовать формированию более безопасной и более демократичной архитектуры международных отношений. Высокий уровень установившихся контактов подтверждает прием Президентом РФ в июне 2006 г. генерального секретаря ОИК. В.В. Путин вновь подтвердил, что «развитие отношений с исламским миром является одним из существенных приоритетов внешней политики нашего государства» и что дальнейшее плодотворное развитие отношений России со всеми странами исламского мира и ОИК «может сделать очень многое для решения сложнейших проблем, с которыми сегодня столкнулось человечество».

2. Россия и Лига арабских государств

Россия поддерживает активный политический диалог с Лигой арабских государств (ЛАГ). Эта старейшая региональная межгосударственная организация была создана 22 марта 1945 г. В настоящее время в состав Лиги входят 22 государства: Египет, Судан, Сомали, Джибути, Коморские Острова, Ирак, Иордания, Сирия, Ливан, Палестина (ПНА), Алжир, Ливия, Тунис, Марокко, Мавритания, Йемен, Кувейт, Саудовская Аравия, Катар, Бахрейн, Оман, ОАЭ. В рамках ЛАГ создана широкая сеть специализированных учреждений. Она осуществляет разветвленные международные контакты. С 1953 г. ЛАГ представлена в качестве наблюдателя при ООН, поддерживает интенсивные контакты со многими региональными организациями, такими как ОАЕ (АС с 2002 г.), ОИК, ЕС, имеет свои представительства в ряде государств мира. Среди новых форм контактов следует отметить состоявшийся в г. Бразилиа 10–11 мая 2005 г. саммит в формате Южная Америка – Лига арабских государств, который собрал представителей 34 стран (из них 18 – на уровне глав государств и правительств). Официальное представительство – бюро ЛАГ – в Москве было открыто в январе 1990 г. Разразившийся в Персидском заливе кризис вызвал глубокий раскол между странами – членами ЛАГ, парализовавший ее деятельность и вызвавший отставку ее генерального секретаря. Это привело к заметному снижению авторитета и влияния ЛАГ,

что не могло не сказаться на ее диалоге с Россией. Тем более что в начале 90-х годов арабское направление во внешней политике России было значительно ослаблено.

Преодоление кризиса ЛАГ обозначилось только к середине 90-х годов и было позитивно встречено российской дипломатией. Россия реалистически оценивала возможности этой организации, понимая, с одной стороны, что по многим причинам, связанным с историей, характером режимов, экономическими факторами, политическими приоритетами, в ЛАГ имеются значительные разногласия и они будут сохраняться в силу многих объективных факторов. С другой стороны, реализм оценки включал осознание того, что существуют серьезные основания для внутренней консолидации ЛАГ и, соответственно, усиления роли этого общего форума арабского мира в решении региональных и международных вопросов.

Действующая на основе принятых международных норм, дистанцирующаяся от радикализма политического, религиозного либо националистического толка, ЛАГ в основном выступает стабилизирующим фактором региональной обстановки, умеет находить взвешенные подходы ко многим сложным международным проблемам и продолжает оставаться фактором влияния при формировании внешней политики арабских стран.

В июне 1997 г. Москву посетила делегация ЛАГ во главе с заместителем генсекретаря по экономическим вопросам А. Сухейбани. В октябре того же года состоялась встреча министра иностранных дел России Е.М. Примакова с генсеком ЛАГ И. Абделем Маджидом в Каире, где была «выражена обоюдная готовность к более тесному и предметному взаимодействию в решении наиболее актуальных региональных и международных проблем». Российский подход к проблемам региональной безопасности, сформулированный тогда в Кодексе мира и безопасности на Ближнем Востоке, по многим параметрам был созвучен позиции ЛАГ. Существенно, что ЛАГ выражала заинтересованность в активном и весомом участии России в ближневосточных делах, видя в этом важный компонент баланса сил в регионе, расширяющий возможности внешнеполитического маневрирования, снижающий вероятность тупиковых ситуаций. В начале третьего тысячелетия, отмеченного обострением ближневосточной ситуации, в том числе на палестинском и иракском направлениях, взаимодействие России с ЛАГ заметно активизировалось, повысился его политический уровень, выработались его механизмы.

23 сентября 2003 г. в Нью-Йорке был подписан Меморандум о взаимопонимании между МИД РФ и Генеральным секретариатом ЛАГ. Этот документ создавал дополнительную основу для совершенствования механизма регулярных консультаций и координации подходов двух сторон в области внешней политики. Для укрепления канала связи между Москвой и ЛАГ, для повышения уровня координации и взаимопонимания 29 августа 2005 г. российский посол в Египте был аккредитован в качестве полномочного представителя при ЛАГ. Такое решение усилило доверительность контактов между Российской Федерацией и Лигой арабских государств.

Среди многих тем диалога России и ЛАГ одной из центральных является ближневосточное урегулирование. В 2002 г. Россия поддержала арабскую мирную инициативу, принятую на саммите глав государств и правительств арабских стран в Бейруте и подтвержденную затем в 2005 г. в Алжире и в 2006 г. в Хартуме. В послании Президента РФ хартумскому саммиту 2006 г. вновь подчеркивалось, что «арабская инициатива позволяет достичь стратегических взаимосвязанных целей – прекращения оккупации, начатой в 1967 г., создания независимого палестинского государства, обеспечения безопасности Израиля. Согласие с ней израильской стороны и новых палестинских политических сил позволило бы сдвинуть мирный процесс с мертвой точки».

В условиях резкого обострения ситуации вокруг Ирака в марте 2003 г. позитивно был воспринят Россией итоговый документ общееарабского саммита в г. Шарм-аш-Шейх, в котором выражалось неприятие военной акции против Ирака и содержался призыв к мирному разрешению кризиса вокруг Ирака посредством максимального задействования механизмов ООН. В новых условиях, возникших после военной операции и оккупации Ирака, позиции России и ЛАГ совпадают в том, что Ирак должен быть единым, суверенным, стабильным и светским государством и что центральную роль в этом процессе должна играть Организация Объединенных Наций. В сентябре 2004 г. до генсекретаря ЛАГ была доведена суть российского предложения о созыве международной конференции по Ираку с целью обеспечения национального согласия в этой стране. В этой связи Россия позитивно оценила созвучную российскому подходу инициативу ЛАГ осенью 2005 г. по созыву межиракской конференции, нацеленной на достижение национального согласия, без которого вряд ли приходится рассчиты-

вать на стабилизацию ситуации. Российская дипломатия полагает, что ЛАГ как влиятельная региональная организация может и должна содействовать становлению нового демократического Ирака. В ходе визита в КСА в мае 2006 г. министр иностранных дел РФ вновь подчеркнул, что Россия готова всячески поддерживать усилия ЛАГ по содействию межиракскому диалогу любыми имеющимися в нашем распоряжении политическими методами, прежде всего через возможности ООН и ее Совета Безопасности.

Весьма близки позиции России и ЛАГ по проблеме нераспространения ядерного оружия. ЛАГ, как и Россия, выступает за объявление региона Ближнего Востока зоной, свободной от оружия массового уничтожения. В отношении ядерной программы Ирана документы ЛАГ не содержат конкретных оценок, а ставят ее в контекст общего требования о ликвидации ОМУ в регионе.

Россия как член «восьмерки», выступившей на саммите на Си-Айленде с инициативой по развитию партнерства с регионом Ближнего Востока и Северной Африки, участвовала в учреждении 11 декабря 2004 г. «Форума для будущего» как места диалога по вопросам политического и экономического развития этого региона. Россия считает чрезвычайно важной деятельность ЛАГ и наше сотрудничество с ней для того, чтобы не допустить раскола мира по религиозным принципам либо по цивилизационным соображениям. Эта тема вошла в повестку диалога России с ЛАГ с весны 2005 г. То, что участники 18-го общеарабского совещания в верхах (2006) активно высказались за недопущение межцивилизационных разломов и за налаживание равноправного и взаимоуважительного диалога между культурами и религиями, было с удовлетворением воспринято Россией. Позитивно встречена Россией подтвержденная ЛАГ готовность вносить свой вклад в строительство справедливого и демократического миропорядка, укрепление международной стабильности и безопасности при ведущей и эффективной роли ООН. Немаловажно для России и то, что официальный представитель ЛАГ принял участие в процессе наблюдения за выборами в Чеченской Республике в октябре 2003 г. и в августе 2004 г. В этом контексте укрепление связей России и ЛАГ служит интересам справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, закреплению принципов доверия и взаимопонимания в отношениях между государствами региона. Оно отвечает в целом задаче активизации российской политики на Ближнем Востоке. При этом следует под-

черкнуть, что эти связи способны лишь расширить российские возможности на европейском и американском направлениях.

3. Россия и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива

В начале нового тысячелетия российская дипломатия предметно занялась налаживанием взаимодействия с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). ССАГПЗ, созданный в 1981 г., объединяет шесть нефтедобывающих аравийских монархий – Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовскую Аравию. В перспективе возможно присоединение к ней Йемена, который уже занимает места в комитетах, не имеющих политического и военного характера, а в дальнейшем в случае нормализации ситуации в Ираке вхождение в орбиту политики ССАГПЗ и этой одной из крупнейших арабских нефтедобывающих стран. Одной из наиболее чувствительных областей сотрудничества остается сфера обеспечения безопасности и предотвращения внешних и внутренних угроз. В 2000 г. странами – членами ССАГПЗ подписан пакт о совместной обороне, реализация которого идет поэтапно, через улаживание конфликтных интересов и взаимодействие с Центральным командованием ВС США. Завершено создание системы раннего оповещения, связывающей все командные центры ВВС и ПВО стран залива, и системы защищенной армейской связи, создаются региональные силы быстрого реагирования. В мае 2006 г. было объявлено о создании единого антитеррористического центра.

Совет стремится играть действенную и самостоятельную роль, в частности в Персидском заливе, где пересекаются интересы стран – членов ССАГПЗ, Ирака и Ирана и где в небывалом после окончания колониальной эпохи масштабе задействованы внерегиональные интересы. В этом контексте совет, пусть и с оглядкой, ведет политический диалог с Россией, Китаем, ЕС, осуществляет контакты с ООН и региональными организациями. Представители ССАГПЗ выразили поддержку инициативы России о подключении к деятельности ОИК в качестве наблюдателя. В 2002 г. в результате поездок заместителя министра иностранных дел России А.В. Салтанова в страны ССАГПЗ, а затем визита генерального секретаря ССАГПЗ А. аль-Атыйи в Москву был поставлен в практической плоскости вопрос налаживания сотрудничества России с государ-

ствами – членами ССАГПЗ, а также возможного подключения российских организаций к реализации региональных проектов, осуществляемых в рамках совета. Российской стороной был подготовлен и передан руководству ССАГПЗ проект Протокола о создании механизма политического диалога и сотрудничества между Российской Федерацией и Советом ССАГПЗ. Работа по согласованию такого документа продолжает оставаться в повестке диалога между Россией и ССАГПЗ.

Регулярный характер приобрели встречи министра иностранных дел Российской Федерации с министрами иностранных дел стран «арабийской шестерки» в Нью-Йорке в рамках «министерской недели» на сессиях ГА ООН. На встрече с делегацией совета в ходе 60-й сессии ГА ООН (2005) стороны вновь высказались за дальнейшую активизацию политического диалога и наращивание торгово-экономического сотрудничества, в частности в контексте плана создания общего рынка в регионе. Были обсуждены вопросы, связанные с оформлением механизма политического взаимодействия Россия – ССАГПЗ. Участники встречи также обменялись мнениями по вопросам поддержания стабильности на мировом рынке углеводородного сырья, налаживания взаимодействия России с ССАГПЗ в противодействии международному терроризму, ситуации в зоне Персидского залива, на Ближнем Востоке, в Ираке. По многим ключевым международным и региональным проблемам наблюдается созвучность или близость подходов.

Достаточно деликатной в наших контактах является иранская проблематика. По мнению генерального секретаря ССАГПЗ А. аль-Атыйи, озабоченность вызывают строящиеся ядерные реакторы в Бушере, «находящемся в самом сердце региона Персидского залива», которые несут в себе потенциальную опасность для всех соседних стран в случае технического сбоя на одном из них. Страны – члены ССАГПЗ призвали Иран «предоставить конкретные гарантии того, что в регионе не может произойти ядерной катастрофы». Страны – члены ССАГПЗ, хотя и в разной степени, выражают озабоченность по поводу иранского ядерного досье и призывают Иран «выполнить требование мирового сообщества и приостановить обогащение урана». При этом, как и власти других арабских стран, они не считают возможным выражать по поводу иранской ядерной программы большее беспокойство, чем по поводу угрозы ядерных ракет Израиля. Существенно, что регулярно подтверждается единая позиция ССАГПЗ, согласно которой «необ-

ходимо урегулировать создавшуюся ситуацию с Ираном дипломатическими средствами». Озабоченный тем, что «регион не вынесет конфликта», глава МИД Катара Хамад бен Джасем аль-Тани выразил пожелание, чтобы США координировали свою политику с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива.

Можно констатировать, что пока не удалось реализовать имеющийся потенциал сотрудничества, что затягивается согласование механизмов взаимодействия. Однако подходить к этому следует реалистически, понимая, что ССАГПЗ находится в мощном силовом поле экономических, политических связей с США, а в сфере обороны и безопасности – в зависимости от них. В эту сферу, обеспечивающую отлаженный военный плацдарм и крупные заказы ВПК США на поставку вооружений, американцы не склонны кого-либо допускать. (Военная группировка США в зоне Персидского залива насчитывает 24 тыс. человек и включает в себя подразделения сухопутных войск в Кувейте, самолеты на базах ВВС в нескольких государствах и корабли 5-го флота со штабом в Манаме.)

Перспективы сотрудничества с Россией тем не менее не закрыты, особенно с учетом того, что национально-государственным интересам этих стран в большей мере соответствует многополярный мир, создающий простор для политического маневра и снижающий риск от односторонних действий крупных держав мира.

Г.К. Прозорова.

*«Россия и региональные организации
Ближнего Востока и мусульманского мира»,
М., 2009 г., с. 140–155.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2010 – 1 (211)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 24/ХП-2009 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 11,0 Уч.-изд. л. 10,2
Тираж 500 экз. Заказ № 212

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

Отдел маркетинга и распространения информационных изданий

**Тел/ Факс (499) 120-4514
E-mail: market @INION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

